

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
СИМФЕРОПОЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 10 (49):
Филология

Симферополь 1998

ISBN 5-7763-9818-5

Журнал зарегистрирован 31 января 1996 года
Серия КМ № 238

Редакционная коллегия:

Главный редактор Сидякин В. Г.
Заместитель главного редактора Багров Н. В.
Ответственный редактор Ена В. Г.

Редакционный совет:

Исторические науки

Буров Г. М.
Гарчев П. И. (редактор отдела)
Дементьев Н. Е.
Урсу Д. П.
Филимонов С. Б.

География

Боков В. А. (редактор отдела)
Дублянский В. Н.
Олиферов А. Н.
Пистун Н. Д.
Топчиев А. Г.

Математика

Донской В. И.
Колачевский Н. Д.
Кужель А. В. (редактор отдела)
Чехов В. Н.

Физика

Бержанский В. Н. (редактор отдела)
Воляр Н. В.
Мицай Ю. Н.
Тerez Э. И.

Философия

Лазарев Ф. В. (редактор отдела)
Мельников Г. И.
Мартынюк Ю. Н.
Николко В. Н.
Хриенко П. А.

Филология

Казарин В. П.
Киричек П. М. (редактор отдела)
Меметов А. М.
Новикова М. А.
Орехова Л. А.

Экономика

Апатова Н. В.
Ефремов А. В.
Кудряшов А. П.
Подсолонко В. А. (редактор отдела)

Биология

Апостолов Л. Г. (редактор отдела)
Коренюк И. И.
Мананков М. К.
Толкачева Н. В.
Юрахно М. В.

Химия

Дрюк В. Г.
Коношенко С. В.
Федоренко А. М.
Чирва В. Я. (редактор отдела)
Шульгин В. Ф.

Статьи опубликованы в авторской редакции

© Симферопольский государственный университет, 1998 г.

Подписано в печать 28.12.98 Формат 60x84 1/8

Усл. печ. л. 4,1. Тираж 500. Заказ № 29.

Отпечатано в информационно-издательском отделе СГУ.
333000, г. Симферополь, ул. Ялтинская, 4

ПРОИЗВОДНЫЕ ПРЕДЛОГИ И ПРОБЛЕМА АНАЛИТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Алиева В. Н., Сидоренко Е. Н.

Вивчення похідних прійменників в системі аналітичних засобів підтверджує ідею про те, що морфологічний лад російської мови, залишаючись в своїй основі синтетичним ладом, набуває елементів аналітизму.

The research of the derivative prepositions in the system of analytical means confirms the idea that morphological system of Russian language remaining in its basic the synthetic one acquires the analyticism elements.

Появление в русском языке большого количества производных предлогов следует увязывать с общим процессом роста аналитизма в русском языке. В. М. Жирмунский в одной из своих работ писал: «Из всего сказанного следует, что всякое грамматическое описание языка, синхронное или диахроническое, будет односторонним и неполным не только, если оно ограничит себя, следуя классическому латинскому образцу, формами флексивными, как это было в старину, но даже и в том случае, если оно дополнит их, как это обычно делается сейчас, «парадигматическими» (то есть традиционно включаемыми в парадигмы) аналитическими формами. Только полный и широкий учет целиком или лишь частично грамматизированных сложных форм, существующих в языке, рассматриваемом в его развитии, может дать правильное и исчерпывающее понятие о системе языка как явления по природе своей динамической». [3,с.124].

Чтобы понять, какое место занимает препозиционализация (в том числе и образование отыменных предлогов), в системе аналитических средств, необходимо определить содержание аналитизма. Приведем определение из словарей лингвистических терминов:

«АНАЛИТИЗМ англ. analytism. Развитие аналитического строя».[1,с.44].

«Строй аналитический... Грамматическая система языка, характеризующаяся преобладанием аналитической морфологии».[1,с.457].

«Языки аналитические... Языки, в которых грамматические отношения выражаются служебными словами, порядком слов, интонацией и т. п.; противоп. синтетические языки (французский, английский и др. языки)».[1,с.530].

«Словарь-справочник лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой также дает характеристику аналитическим языкам, но, кроме этого, включает статью «Аналитическая форма». Приведем соответствующие определения:

«аналитические языки. Языки, в которых грамматические значения (отношения между словами в предложении) выражаются не формами самих слов (*ср.*: синтетические языки), а служебными словами при знаменательных словах, порядке знаменательных слов, интонацией предложения. К аналитическим языкам относятся языки английский, французский, итальянский, испанский, болгарский, датский и др.» [5,с.23-24].

«аналитическая (от греч. *analytikos* – расчлененный) форма. Составная форма, образуемая сочетанием служебного и знаменательного слов (*ср.*: синтетическая форма). Аналитическая форма сравнительной степени прилагательных. *Более красивый*. Аналитическая форма превосходной степени прилагательных. *Самый красивый*. Аналитическая форма будущего времени. *Буду делать*» [5,с.23].

Уже сопоставление определений из двух основных словарей лингвистических терминов позволяет увидеть два основных направления в изучении явления аналитизма на современном этапе:

1) анализм языков;

2) анализм расчлененных наименований. На них, в частности, обращает внимание О.П. Суник в названии своей статьи «О понятиях «аналитическая форма слова» и «аналитический строй языка» ». [8,с.70-79]. Подробнее останавливаются на этом Н.В. Солицева и В.М.Солицев, статья которых помещена в этом же сборнике. Они подчеркивают: «Понятия «аналитическая форма слова» и «аналитический строй языка», которые обычно рассматриваются во взаимной связи как обуславливающие одно другое, в действительности являются внутренне не связанными, разноплановыми понятиями».[с.80].

Каждое из направлений имеет свои особенности; они с разной глубиной и широтой раскрыты в лингвистической литературе.

Цель настоящей работы (показать, как производные предлоги связаны с проблемами аналитизма в современном русском языке).

По содержанию излагаемого материала мы должны обратиться к обоим направлениям.

1. Для понимания строя языка важны такие части системы языка, как:

- а) звуковой состав языка;
- б) состав морфем (корней и аффиксов);
- в) состав служебных слов и аффиксов;
- г) синтаксические конструкции.

Количество единиц всегда ограничено. В языке бывает от 16 до 80 звукотипов, от 3000 до 5000 морфем, от 150 до 500 служебных слов и морфем, от нескольких десятков до нескольких сотен словообразовательных моделей и соотносимое с ними число синтаксических конструкций.

«...С типологической точки зрения эволюция языкового строя выглядит как изменение соотношения между единицами различных ярусов. Так, процесс аналитизации языков типологии описывает как увеличение числа грамматических конструкций, где связь между словами не выражается аффиксами, как увеличение числа служебных слов, компенсирующих уменьшение числа аффиксов, или увеличение объема слово- и основосложения при сокращении объема аффиксального словаобразования» [4, с.259].

Среди индоевропейских языков, как известно, нет чисто синтетических. Современный русский язык относят к языкам синтетического строя с элементами аналитизма. Одним из проявлений аналитизма служит возрастание числа служебных средств (предлогов, образованных путем перехода из других частей речи). Абсолютное большинство их имеет исходные формы, выраженные именами существительными, наречиями, деепричастиями.

Можно предположить, что большое количество служебных единиц призвано компенсировать недостаток морфемных средств, выполняющих одинаковую с предлогами нагрузку, (служить средством связи слов, передавать грамматические значения).

К синтетическим способам выражения грамматических значений относят окончания, формообразующие суффиксы, префиксы, чередование звуков, ударение. Они широко представлены в современном русском языке, но вместе с ними используются и аналитические способы выражения грамматических значений: предлоги, вспомогательные слова. Часто в выражении того или иного значения одновременно участвуют синтетические средства (флексии) и аналитические (предлоги): *о работе, в доме*. На первый взгляд, комбинации этих средств достаточно полно представлены в современном русском языке и способны передавать самые разные отношения, осознанные человеком. Но развитие мышления требует новых средств для передачи расщепленного выражения осознанных категорий. [6, с.469]. Эту роль хорошо выполняют аналитические единицы, прежде всего (предлоги, как первообразные, так и производные. С помощью производных предлогов можно передать разные синтаксические отношения: объектные (*на счет, за счет, по части, в смысле, в деле, по лицу, в лице, в области, со стороны, в отношении, по поводу, путем* и др.); пространственные (*около, возле, мимо, павстречу, впереди, позади, посреди, внутри, вблизи, вдоль, павстречу, против, вслед* и др.); временные (*в течение, в продолжение, на протяжении, в период, около, накануне, спустя, в процессе* и др.); целевые (*с целью, в целях, в интересах* и др.); причинно-следственные (*по причине, в результате, в силу, вследствие, по случаю, по поводу, благодаря* и др.).

И. Р. Выхованец уделяет особое внимание функционированию предлогов в составе детерминантов и рассматривает особенности употребления предлогов в детерминантных группах, в составе которых по семантике выделяются следующие: пространственные, временные, причинные, целевые, условные, мотивации, соответствия, уступки, основания, противопоставления, сравнения, включения-исключения, ограничения, уточнения, замещения и др. [2, с.239-250].

Таким образом, разнообразная семантика производных предлогов позволяет передать самые тонкие оттенки мысли, что повышает ценность этих единиц и способствует появлению новых трансформантов. Выражение морфологических значений с помощью производных предлогов свидетельствует о росте аналитизма в русском языке. Но по своему морфологическому строю современный русский язык отличается как от строя аналитических языков типа английского и французского, так и от агглютинативных языков (например, тюркских). В последних аффиксы, присоединяясь к словам, не вызывают фонетических

изменений и при этом каждое морфологическое значение (например, надеж и число) выражаются в слове специальным аффиксом.

2. Аналитическое выражение грамматических значений слов может происходить и за счет использования не синтетической (однословной), а аналитической (составной) формы. Аналитизм этого типа в предлогах может быть двух видов: в первом случае речь идет о предлогах, образованных путем диахронной трансформации из сочетания имени существительного и первообразного предлога (*по причине, в направлении, с целью, в целях* и т.д.), из наречия с последующим предлогом (*вслед за, вместе с, направле с*, и др.) или деепричастия с предлогом (*начиная с*); во втором – о трехсловных составных предлогах, состоящих из сочетания имени существительного и первообразного предлога, присоединяемых к другому предлогу (*в связи с, в соответствии с, по пути к, в сравнении с, в ответ на* и под.).

«В структуре предложных комплексов заметна тенденция к разграничению функций единой и функциональной точек зрения формы: семантика вновь образованного предлога сосредотачивается в первой части, которая своей соотнесенностью с полнозначными словами словно бы «шамкает» на свойственные комплексу семантико-сintаксические отношения, а первичный конечный предлог регулирует формально-грамматические особенности предложного комплекса, например, объединение с определенной предложной формой». [2, с.65-66]. Подобные предлоги в силу их генетической специфики не могут выражать многих значений, но они как бы аккумулируют в себе энергию нескольких значений одновременно (ср. *по пути к, в направлении от* и др.). Данные комплексы отличаются от традиционно выделяемых двух компонентов, один из которых передает лексическое, другой – грамматическое значение. Отсутствие такого разграничения приводит к тому, что роль слова выполняет весь комплекс как единое целое. Не случайно подобные единицы в лингвистической литературе классифицируются как составные слова, эквиваленты слов, лексии [7, с.64].

Количество составных предлогов не велико, но в русском языке имеет место тенденция к их увеличению.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод: морфологический строй русского языка, оставаясь в своей основе синтетическим строем, приобретает элементы аналитизма, проявляющиеся в том числе и в сфере препозициональной лексики, во-первых, за счет образования большого количества предлогов-трансформантов в синтетической форме; во-вторых, за счет создания аналитических форм (предложных комплексов (составных союзов, лексий).

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. (М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Вихованець І. Р. Прийменникова система української мови. (Київ: Наукова думка, 1980. 287 с.
3. Жирмунский В.М. Об аналитических конструкциях // Общее и германское языкознание: Избранные труды. -Л., 1976. -696 с.
4. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. -М.: Высш. шк., 1990. 383 с.
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. -М.: Просвещение, 1976. --544 с.
6. Сидоренко Е.Н. Теория частей речи в современной лингвистике (некоторые спорные положения) // Лингвистика на исходе XX века: итоги, перспективы. Тезисы международной конференции. -Т. I. - М.. 1995. - 468-469.
7. Сидоренко Е. Н. Лексии в системе аналитических единиц (Размышления над путями развития русского языка) // Диалог культур: этнические реалии и будущее Крыма. -Симферополь: Таврия. 1997. -С. 63-65.
8. Суник О. П. О понятии «аналитическая форма слова» и «аналитический строй языка» // Аналитические конструкции в языках различных типов. -М.: Л., 1965. -С. 70 -79.

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ А. С. ПУШКИНА В ФЕОДОСИИ

Андрейко Е. В., аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы

Робота охоплює один із маловивчених період в біографії О. С. Пушкіна – перебування поета в м. Феодосії 17 серпня 1820 року. На основі архівних матеріалів та мемуарів постає картина міста в першій половині ХІХ ст; зазначається, що міг побачити поет, чим зацікавиться. Наводиться раніше не досліджування пушкіністами біографія градоначальника М. У. Перовського та начальника митниці П. В. Гаевського, також аргументовано пояснюється, чому їх зустріч з О. С. Пушкіним була можливою.

The author of the article studies the visit of Aleksander Pushkin to Feodosia on 17 August 1820, which is a poorly investigated period in poet's life. The author uses a broad archival materials and memoirs in order to reconstruct the image of the Crimean town in the early 19th century. This helps to find out how Feodosia appeared to the poet and what impression it might make to him. The biographies of the two 19th century town officials, the mayor N. I. Perovsky and the head of the custom office P. V. Gayevsky, which were unknown to the previous researchers, contribute to the study considerably. The author attempts to prove that it is highly probable that a meeting between the poet and the officials mentioned above took place while Pushkin's visit to the town.

Поздним вечером 16 августа 1820 г. Раевские и Пушкин прибыли в Феодосию и остановились на даче у С.М.Броневского¹, бывшего градоначальника [1,с.223].

В пушкинистике существует традиция считать пребывание поэта в Феодосии малоинтересным и малозначительным эпизодом. А.Маркевич писал: "Подобно Керчи, и Феодосия, в которой останавливались Раевские на пути в Гурзуф, не произвела сильного впечатления на Пушкина" [2,с.30]. А.Л.Бертъе-Делагард утверждал, что "в Феодосии им (Раевским и Пушкину – Е.А.) нечего было делать" [3,с.29]. М.Выгон, автор одного из самых популярных современных путеводителей по пушкинскому Крыму, отмечал: "Феодосия показалась Пушкину скучной" [4,с.22]. Хотя у самого поэта такой оценки мы не находим.

Общая неразработанность данного вопроса зачастую приводит к ошибкам или неверному комментированию. Так, в путеводителе "Пушкинские места" мы находим следующее утверждение: "... лишь одно слово в письме (письмо Пушкина Дельвигу – Е.А.)

"Кефа" – указывает на то, что поэта привлекала история города и он верно понял, что от античности здесь ничего не осталось (...), что Кефа – памятник средневекового Крыма" [5,с.29]. Между тем, Пушкин просто упоминает официальное название города. По указу императора Павла I новый, русский, город, выросший на месте древней Феодосии-Кафы стал именоваться Кефой [6,с.71]. Именно такое название встречается в делопроизводстве первой половины XIX в. Примечательно, что другое название – Феодосия – употреблялось иногда в устной речи и литературных произведениях, например, в воспоминаниях В.Б.Броневского.

Анализ мемуаров путешественников, посещавших Кефу в указанный период, доказывает, что город вовсе не был малоинтересным. Наоборот, Кефа была довольно привлекательна для туристов: несмотря на то, что генуэзские и татарские постройки методично уничтожались, город все же сохранял остатки былого великолепия². "Судите о богатстве кефских развалин по тому только, что мрамор, сапфир и яспа сияют еще в комнатах нынешних жителей: что каждый день солдаты похищают кипарис и пальму из оставшихся зданий, чтобы из них разводить огонь в казармах; что здешнему жителю иногда надобно только прибавить к каменным стенам одну

¹ В рассматриваемую нами эпоху были известны несколько человек, носящих такую фамилию, отчего впоследствии часто происходила путаница. Феодосийский градоначальник Семен Михайлович Броневский. Автор "Обозрения Южного берега Тавриды в 1815 г." – Владислав Богданович Броневский. В документах также упоминаются Семен Богданович Броневский, государственная деятельность которого протекала в Восточной Сибири, и Николай Богданович Броневский. Последние два отношения к Крыму в описываемый нами период не имеют.

² К сожалению, подобное варварское отношение к историческому наследию-характерная черта крымской действительности прошлого столетия. Так, по свидетельству Г.В.Геракова, в первом десятилетии XIX в. "древние стены", мешавшие строительству "гульяня" на берегу моря градоначальник "сломал". Об этом подробно рассказывает Ф.Ф.Вигель: "... Генерал от инфантерии Феньш (...) ничего лучше не придумал, как выпросить из казны огромные суммы, раздать их заимообразно жителям и склонять их к строению домов. Все старое принимался он разрушать, а каменья раздавать даром (...). Через несколько лет городу сему дана, наконец, та пошляя физиономия, которую нашел я в нем". А в Бахчисарае, непосредственно перед приездом поэта, разобрали большое количество построек, поврежденных временем.

легкую пристройку, чтобы иметь дом готовый" [6,с.71]. Таким был город в самом начале XIX в. А вот что увидел в Кефе В.Б.Броневский в 1815 г.: "... тот город, для украшения коего нынешние генуэзцы не щадили своих богатств, ныне являет печальную картину разрушений. Драгоценные мраморы, порфир и камни с гербами вельмож генуэзских заделаны в стены ничтожных домов армян и татар. Феодосия не представляет и малых следов великолепия, развалины древней Кефы уже более не существуют, новый город, по плану строемый, мало-помалу истребляет остатки старого (...) Из остатков древних зданий, уцелевших в Феодосии, заслуживает внимания большая баня. Хотя сие строение относится к татарской эпохе, взор удивлен смелостию куполов, висящих над обширными отделениями разных комнат. Подле бани находится в половину разобранная огромная турецкая мечеть, перестроенная из греческой церкви, которая теперь опять обращается в соборную церковь (...) Набережная и одна улица имеют весьма приятный вид. Смесь азиатской архитектуры с европейскою представляют нечто необыкновенное." [7,с.135-136].

А.С.Грибоедов, посетивший Кефу пять лет спустя после Пушкина, также отмечал своеобразие этого города. Его внимание привлекла "чудная смесь вековых стен прежней Кафы и наших однодневных мазанок" [8,с.538]. Г.В.Гераков и И.М.Муравьев-Аpostол обратили внимание на карантин-строение, без сомнения, важное, особенно после чумы 1812 года, унесшей жизни тысячи жителей Крыма.

Однако, думается, такие новостройки Кефы, как карантин, казармы и новые трактиры, фигурирующие в воспоминаниях многих путешественников, Пушкина оставили равнодушным. А вот развалины ханского дворца, построенного Шагин-Гиреем, и монетный двор, находившиеся неподалеку от дачи С.М.Броневского, вполне могли заинтересовать поэта.

Весьма любопытные сведения об этих постройках сообщает Жильбер Ромм, побывавший в Крыму в 1786 г.: "Мы посетили монетный двор. Он расположен подле дворца, который хан строил себе на берегу моря и который так и остался незаконченным. Машины, прессы для чеканки и здания фабрики принадлежали хану" [9,с.48]. Князь Г.А.Потемкин возобновил работу этого монетного двора, где стали чеканить серебряные и медные монеты с изображением Екатерины и надписью: "Царица Херсонеса Таврического".

Следует отметить еще одно, на наш взгляд, весьма существенное обстоятельство. Дом С.М.Броневского был расположен так, что "с крыльца сего мирного убежища залив, покрытый купеческими судами, и город с прелестными своими окрестностями представляются с наилучшей их стороны" [7,с.139]. Таким образом, Раевские и Пушкин могли составить представление о Феодосии, даже не посещая ее. Тем более, что их собеседник и радушный хозяин - бывший градоначальник и страстный исследователь Крыма - не мог не рассказать о достопримечательностях Кефы, в частности о городском музее (музее).

Этот музей, о котором упоминают практически все путешественники, открытый в 1811 г., был детищем С.М.Броневского. Именно он начал собирать фрагменты старинных барельефов и другие "редкости", спасая их таким образом от уничтожения. Маловероятно, чтобы С.М.Броневский не поведал об этом своим гостям, тем более что в музее было на что посмотреть. "Все любопытные камни, барельефы и мраморы с надписями греческими и генуэзскими сохраняются в особенно учрежденном для сего предмета музеуме, заключающем сверх того древние медали, обломки статуй, ваз, ламп и две большие глиняные амфоры (...) В числе медалей есть греческие, римские и босфорские: золотая медаль Лизимаха и серебряная Александра Великого (...) Из надписей, прочитанных и переведенных, любопытна следующая, писанная на эллино-греческом языке на мраморном пьедестале: "Ксенокрита, жрица Цереры, посвящает сие богине за здравие дочери ее Димитрии". На пьедестале виден глубокий отпечаток ноги, где стояла статуя, которой не могли отыскать" [7,с.137-138].

В 1818 г. музей посетил Александр I. Его адъютант, сопровождавший императора в поездке по Крыму, описывал музей следующим образом: "Музей можно разделить на две части; в одной хранятся вещи, найденные в Феодосии, а в другой предметы, которые поступили из разных мест. Первые состоят почти все из мраморных досок с надписями и гербами Генуи и различных дворянских фамилий сей республики. Также есть несколько ваз, (...) они совершенно подобны тем, которые видны в погребах Помпеи. Любопытно, что начальником сего отделения музеума был один генуэзец (...) Другая часть музеума состоит из небольших статуек (...) подаренных разными лицами, из нескольких десятков медалей и мраморных досок, привезенных из Анапы..." [10,с.96]. Тогда музей располагался в небольшой каменной мечети, оставленной турками, впоследствии перестроенной под лютеранскую церковь. Смотритель музея, о котором упоминает мемуарист, - первый городской голова, генуэзский дворянин

Г.Галлера. О нем упоминает также И.М.Муравьев-Апостол, отметивший, что карты и планы Феодосии были предоставлены ему "жителем города сего, господином Галлсрою, коего познания о Тавриде, особенно относительно к временам, когда соотчики его генуэзцы обладали Каффою, занимательны столько же, сколько общество его привлекательно по вежливости и образованности, коими он отличается" [11,с.Х,предисловие].

То, что Раевские и Пушкин не осматривали Феодосию, в пушкинистике стало чуть ли не аксиомой. Главным аргументом сторонников такой точки зрения является тот факт, что поэт в письмах не упоминает об осмотре этого города. Принято считать, что, поскольку дача Броневского располагалась за городской чертой, у его гостей после утомительной дороги вряд ли возникло желание совершить экскурсию в Кефу, да еще в такую жару. Гераков, находившийся в Феодосии 17 августа и посетивший в тот день дачу Броневского, отмечал: "Жар сего дня был нестерпим" [12,с.121].

Однако с "аксиомой" маститых исследователей можно и поспорить. То, что в письмах поэта не описана Феодосия, еще не доказательство, что он там не был. Симферополь, например, им вообще не упоминается, хотя доподлинно известно, что он провел там несколько дней. К тому же расстояние от дачи до города составляло всего около двух верст, и преодолеть его, даже при некоторой усталости, не составляло труда, что подтверждают мемуары Геракова.

Таким образом, с определенной долей вероятности, можно предположить, что Раевские и Пушкин выбрались осмотреть город. В таком случае они наверняка обратили внимание на две действующие церкви: соборную церковь Св.Александра Невского и греческую Святовведенскую. Других действующих христианских храмов в Феодосии тогда не было.

Первая располагалась в древнем здании бывшей греческой церкви Св.Николая, лишь немного переделанном. Согласно "Формулярным ведомостям" за 1819 г., в ней служили: протоиерей Наум Иванович Славинский, священник Иван Афанасьевич Вариони, рукоположенный в дьяконы в 1810 г. митрополитом Хрисанфом (в рассматриваемое нами время являвшимся настоятелем Георгиевского монастыря). стихирный дьячок Филипп Васильевич Ботвиновский.

В греческой Святовведенской церкви, расположенной также в весьма древнем и интересном в архитектурном плане здании служба велась на греческом языке. Из тех же "Формулярных списков" нам известны имена служителей: протоиерей Иоанн Константинович Лафаки, дьячок Георгий Дмитриевич Гаврилов, пономарь Ефрем Дмитриевич Гаврилов [13,л.39 (об)-44].

Но прогулялись Раевские и Пушкин по древней Кефе или нет, они наверняка общались с некоторыми представителями феодосийского общества, о которых стоит вспомнить.

Феодосией управляли две властные структуры: гражданская, которую возглавлял градоначальник (о нем речь пойдет ниже), и военная, которую возглавлял комендант Сириоти, "израненный майор, бывший кадетом в греческом корпусе", по словам Геракова, "с некоторыми сведениями и остр" [12,с.121]. Весной-летом 1820 г., после отставки градоначальника Ф.И.Енгеля³, он исполнял и обязанности высшего гражданского должностного лица в городе. Сириоти наверняка нанес визит высокопоставленному и знаменитому гостю - генералу Н.Н.Раевскому.

Итак, мы привели имена тех, кто вполне мог встретиться с нашими путешественниками, даже если они не покидали дачу. Но можно назвать, по крайней мере, двух человек, общение Пушкина с которыми еще более вероятно.

Г.В.Гераков писал: По сильным убеждениям согласились разделить трапезу нового градоначальника Г.П-го... После обеда на шлюпке градоначальника ездили к Броневскому... У Броневского застали Н.Н.Раевского с дочерьми и больным сыном. Распростясь с философом-хозяином, поехали к П-му" [12,с.121-123].

"Градоначальник Г.П-й" – это бывший Таврический вице-губернатор, а в будущем, после смерти А.Н.Баранова, – губернатор Николай Иванович Перовский. Трудно представить, что Н.И.Перовский, посадив Геракова на шлюпку, сам остался в городе ждать его возвращения. Все указывает на то, что он был тогда на даче С.М.Броневского и, вероятно, встречался с поэтом. Поскольку имя Н.И.Перовского практически неизвестно исследователям, думается, следует побольше рассказать об этом человеке.

Николай Иванович Перовский родился в 1785 г. и был старшим незаконорожденным сыном графа А.К.Разумовского и М.М.Соболевской (Денисьевой). К слову заметим, что все

³ Тайный советник статс-секретарь и кавалер Федор Иванович Енгель, оставив пост градоначальника весной 1820 г., проживал с семьей в Феодосии.

последующие дети этой пары получили отчество от имени отца. В царствование Александра I графу удалось всех их приписать к дворянству и дать фамилию Перовские от подмосковного имения Перово. Н.И.Перовский воспитывался в доме своей тетки Н.К.Загряжской. В 1799 г. поступил на службу в коллегию иностранных дел студентом и причислен к Константинопольской миссии, а через два года Высочайшим указом пожалован в переводчики. В январе 1802 г. перемещен к Венской миссии, а год спустя – к Дрезденской миссии. В 1805 году отправлен был при посольстве графа Ю.А.Головкина в Китай. В числе семи дворян посольства был и Ф.Ф.Вигель. В марте 1807 г. Н.И.Перовский был определен в Сумской гусарский полк корнетом, отличился в сражении и был пожалован орденом св.Анны 3 степени. Но, видимо, военная служба не привлекала его, и вскоре он вернулся в ведомство коллегии иностранных дел в чине коллежского асессора. В 1810 г. произведен в надворные советники. В 1811 г. по Высочайшему указу был отправлен к Херсонскому военному губернатору для иностранной переписки. Герцог де Ришелье назначил Н.И.Перовского секретарем по гражданским делам. В сентябре того же года Николай Иванович в составе свиты М.Н.Нарышкиной (фаворитки Александра I) путешествовал по Крыму. Во время этой поездки он познакомился со своей будущей женой Шарлоттой де Салли (по другим источникам Шарлоттой Петровной Володкович), одной из компаний М.Н.Нарышкиной. В апреле 1812 г. Н.И.Перовский перешел на службу в ведомство министерства финансов и был определен в чиновники государственной канцелярии, а в ноябре того же года был включен в состав знаменитой "Комиссии о составлении законов". По Высочайшему указу пожалован в коллежские советники в 1814, а через год был отправлен в Амстердам для контросигнирования частных облигаций по Голландскому займу. Выполнив поручение "с желательным успехом", в мае 1816 г. вернулся на родину. При новом образовании "Комиссия о составлении законов" остался за штатом. Высочайшим указом от 1817 г. Н.И.Перовский в чине статского советника был назначен Таврическим вице-губернатором, а 25 мая 1820 г. занял пост феодосийского градоначальника с сохранением прежней должности. В том же году был пожалован орденом св.Владимира и получил чин действительного статского советника.

И.М.Муравьев-Апостол, посетивший Крым осенью 1820 г., отмечал, что "начальник Феодосии" был коротко знаком с А.М.Бороздиным и запросто приезжал в Кучук-Ламбат. Супруга А.М.Бороздина была сводной сестрой Н.Н.Раевского-старшего, и многие исследователи полагают, что Раевские и Пушкин, будучи в Гурзуфе, не раз бывали в этом имении Бороздиных.

Два года спустя после рассматриваемых нами событий Н.И.Перовский занял должность Таврического гражданского губернатора, продолжая оставаться и феодосийским градоначальником. К 1822-1823 гг. относится его знакомство с К.Н.Батюшковым, который жил в то время в Крыму и лечился у доктора Ф.К.Мильгаузена. Губернатор окружил больного поэта заботой и вниманием, а затем со своим личным врачом отправил его в Петербург. В 1824 г. Н.И.Перовский взял годовой отпуск и по истечении этого срока к прежней должности не вернулся, а остался в Петербурге и был причислен к коллегии иностранных дел. Однако вскоре он вышел в отставку и поселился в Крыму, где ему принадлежали имения Киль-Бурун Симферопольского уезда, Приморское и Степное, при которых числилось 70 душ крестьян.

Отношения Н.И.Перовского с могущественным начальником Юга России были весьма натянутыми. Об этом упоминает П.И.Бартенев: "В царствование Александра Павловича графу С.М.Воронцову трудно было сместить его (Перовского-Е.А.)".

В кильбурунском имении Перовского часто останавливались путешественники. Так, маршал Мармон герцог Рагузский с удовольствием вспоминал об оказанном ему приеме.

Умер Н.И.Перовский 22 апреля 1858 г. Старший сын его, Лев Николаевич, родившийся в 1816 г., был губернатором Санкт-Петербурга с 1865 г. и членом Совета министра внутренних дел (1866-1890). Дочь Л.Н.Перовского Софья – известная революционерка. Младший сын Н.И.Перовского Петр Николаевич, родившийся в 1818 г., был генеральным консулом в Генуе [14,с.550-551;15,с.481;16,л.38-38(об)].

Не исключено, что на дачу Броневского приезжал и начальник Феодосийской портовой таможни Павел Васильевич Гаевский-фигура заметная в городе, так как в описываемый нами период Феодосия была прежде всего торговым портом, самым крупным в Крыму. "Умный, весьма чванливый, к тому же великий хлебосол", – так отзывался о нем Ф.Ф.Вигель [17,с.166].

П.В.Гаевский был новым человеком в феодосийском обществе: свою должность он получил весной 1820 г., а до этого назначения служил управляющим Киевской складской таможни. Он

мог быть знаком с Н.Н.Раевским-старшим еще в Киеве, так как известно, что генерал командовал четвертым корпусом 2-й армии, главная квартира которого располагалась в Киеве. Думается, не случайно 29 мая 1820 г., проезжая Мариуполь, на почтовой станции Безыменная, Раевские и Пушкин завтракали в обществе жены П.В.Гаевского Елены [1.с.214].

В 1820 г. П.В.Гаевскому было 44 года. Он получил хорошее образование, "обучался российскому, латинскому и итальянскому языкам" в Полтавской семинарии, однако вследствии выбрал военную карьеру и поступил в Черноморский кадетский корпус. Выпускные экзамены у него принимал вице-адмирал Ф.Ф.Ушаков. В 1798 г. П.В.Гаевский принимал участие в знаменитом морском сражении у острова Корфу, находясь на корабле "Святой Петр", которым командовал капитан первого ранга Синявин. "По возвращении в российские порты приказом главнокомандующего Черноморской флотилией адмирала фон Дезина был назначен командиром на судно "Галет" для отвоза к флоту депешей". Потом служил "при адмирале" адъютантом и управляющим канцелярией. "В течение службы мичманом ежегодно был экзаменован, и всегда аттестован к повышению чина, и на открывшуюся вакансию Высочайше пожалован лейтенантом 1802". В 1803 году перевелся на Балтийский флот, но вскоре уволился со службы и "по желанию Таганрогского военного губернатора Дацкова определен к нему правителем канцелярии". "За отличное усердие, оказанное в дознании и приумножении пошлинных сборов по таганрогской таможне, за преграждение путей к подлогам и злоупотреблениям, от чего и сборы пошлин увеличил (...) Высочайшие пожалован надворным советником (...) по особенному доверию местного начальства составленный (...) проект для биржевого действия таганрогской таможни относительно досмотра товаров вводил в действие (...) свидетельствуя товары (...) имел вообще надзор за движением биржи (...) от чего сделала таможня приращения более 300 тысяч рублей". За примерную службу получил благодарность от императора и денежное вознаграждение, однако вскоре был вынужден оставить службу, так как его покровителя Дацкова перевели в Петербург, в правительствувший Сенат. В 1808 году "главнокомандующим Молдавскою армией князем Прозоровским был призван на службу, определён экспедитором (...) военно-походной канцелярии (...) и помощником правителя канцелярии". Прослужив десять месяцев, был уволен "по болезненным припадкам". В 1811 г. П.В.Гаевский "по особому вызову главнокомандующего 2-ю Западною армией князя П.И.Багратиона" вступил в управление походной канцелярии и "секретными делами". В 1812 г. по ходатайству князя П.И.Багратиона пожалован орденом св.Анны второго класса. Главнокомандующий "был свидетелем ежедневному расстройству здоровья (...) уволил от должности директора канцелярии и приказал выдать годовое жалование и столовые деньги для преподания способов к выгодному проезду на Кавказ (...). Получив малейшее облегчение в болезненных припадках" П.В.Гаевский отправился в Петербург, где занял должность начальника отделения в департаменте финансов и государственных имуществ. Однако и эту должность он вскоре вынужден был оставить, ибо северный климат не благоприятствовал выздоровлению. В январе 1820 г. Гаевский был определен управляющим Киевской складской таможней, а 22 апреля "назначен к управлению феодосийской складочной таможней" [18.л.49-53(об)].

Примечательно, что Гаевский был в числе подписчиков первого посмертного издания собрания сочинений Пушкина, вышедшего в 1838 г.[19].

На рассвете 18 августа Пушкин покинул Феодосию. Последнее, что он мог там увидеть, был торговый порт, гораздо крупнее керченского. Ведь феодосийские купцы вели дела с Турцией, Грецией и другими причерноморскими государствами. Перед глазами поэта предстала примерно такая картина. У причалов кипела работа. Швартовались суда из Мингрелии, из городов "Самсона, Трапезонда, Триполи, Константинополя", груженные табаком, маслинами, пряностями, лимонами, халвой, шелками, кожей, посудой. Рабочие перетаскивали бочки с вином, мешки с мукою, пшеном, финиками, изюмом. Купцы, не имевшие собственных кораблей, скупали товар прямо у причалов и грузили в свои пакгаузы. На судах прибывали нелегальные эмигранты-греки, бежавшие в Россию от турецкого произвола [20]. Пожалуй, это был самый крупный морской порт, увиденный Пушкиным в 1820 году, и трудно представить, что впечатление от него быстро сгладилось.

Литература

1. Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина:1799-1826. Составитель М.А.Цявловский.-Изд.2-е, испр. и доп.-Л.: Наука, 1991.
2. Маркевич А. А.С.Пушкин и Крым // ИТУАК. № 30, 1899.
3. Бертье-Делагард Л.А. Память о Пушкине в Гурзуфе. Отдельный оттиск из издания "Пушкин и его современники", вып.XVII-XVIII.-Сиб,1913.
4. Выгон М. Пушкин в Крыму.-Симферополь:Таврия, 1974
5. Пушкинские места. Путеводитель. Сост. Н.А.Тархова.-М.:Профиздат, 1988.- ч.2.
6. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова.-М.:1805.-ч.3.
7. Броневский В. Обозрение Южного берега Тавриды в 1815 году.-Тула, 1822.
8. Грибоедов А.С.. Сочинения.М.: Гос.изд-во худ.лит, 1953.
9. Жильбер Ромм. Путешествие в Крым в 1786 году.-Л.:Изд-во ЛГУ,1941.
10. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского 1818г. Сообщил Н.К.Шильдер// "Русская старина".-июль1897.
- 11.Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 го-де.-Спб.:1823.
- 12.Гераков Г.В. Путевые записки по многим Российским губерниям.Про-должение. Спб.:1830.
- 13.Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК).-Ф.118.-ОП.1.-Д.5092. Л.39(об)-44
14. Русский биографический словарь.-Сиб.:1902.
15. Из воспоминаний графа Рошешуара// "Русский архив".-1890, № 4.
16. ГААРК.-Ф.49.-ОП.1._Д.6632.
17. Записки Ф.Ф.Вигеля. Издание "Русского архива", М.:1893. ч.7
18. ГААРК.-Ф.221.-ОП.1.-Д.131.
19. ГААРК.-Ф.327.-ОП.1.-Д.2831
20. ГААРК.-Ф.45.-ОП.1.-Д.728

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Я.П. ПОЛОНСКОГО

Баранская Е. М., аспирант

В цій статті досліджується рання лірика Я.П.Полонського з точки зору формування ліричного героя та романтичних тенденцій початку XIX століття.

In the article peculiarity of Ya. Polonsky's early lyrics is investigated and the accent is made on the development of lyric hero in the context of Pushkin romantic traditions.

Стихотворный дебют Я.П. Полонского приходится на сороковые годы, когда поэтическое творчество в России переживает определенный кризис, и "голос лирики", до сих пор развивавшийся в русле романтизма, "потерял прежнюю звучность" [1]. В.Майков в рецензии на стихотворения А.Н.Плещеева писал: "Стихи к деве и луне кончились навсегда. Настает другая эпоха: в ходу сомнение и бесконечные муки сомнения, страдание общечеловеческими вопросами, горький плач на недостатки и бедствия человечества, на неустроенность общества... Таков дух времени" [2].

Эстетическая система Полонского не вписывается в рамки приземленной реальности, что преобладает в творчестве поэтов "гоголевского" направления (А.И.Лагунов). Напротив, она пропитана эфирной легкостью пушкинской совершенной Красоты.

В неопубликованных мемуарах Якова Петровича есть заметка: "Нет почти ни одного журнала, где бы не стояло это имя (Пушкина – Б.Е.) на самом видном месте и не служило бы для него исходной точкой его литературных и нелитературных убеждений" [3]. Так, лирический герой раннего Полонского во многом формируется в духе пушкинских традиций. Очарование поэтической гармонией, воссозданной в поэзии Пушкина, увлекает его на стезю романтизма, где Красота и Гармония искусства выступают антитезой дисгармоничной социальной жизни. При этом слияние абсолютного искусства с действительностью остается романтической мечтой: "Изучить поэзию данной эпохи – значит изучить дух этой эпохи" [4]. Дух эпохи далеко не тождествен самой эпохе, реальности, но получает ясное выражение в романтической литературе. "Что такое быть в гармонии с самим собой и природой? – размышляет Полонский. – Не сделать ничего такого, что, по убеждениям нашим, не согласно с законами природы, ни с нашим человеческим достоинством – одним словом, не изменить себе. – Как это легко на словах, и как это трудно на деле" [5]. Отсюда – возможность полноценного существования исключительно в поэзии, и, как следствие, искренность поэтического переживания при явной и несомненной мифологизации своей биографической личности. В этом отношении Яков Петрович Полонский выступает наследником пушкинских игровых ролей, примеряет различные лики Пушкина (Пушкин – литератор, денди, изгнаник, скиталец и т.д.), как когда-то гений лиры перевоплощался в героев его "возлюбленных творцов", особенно когда "эти литературные образы стимулировали его собственное творчество" [6]. Возникает некий литературный симбиоз: Полонский – Пушкин, вплоть до мелочей (например, география путешествий Александра Сергеевича) воссоздающий литературную личность Пушкина. В связи с этим особый интерес вызывает переосмысление, а затем "перепев" Полонским "личных" мотивов поведения Пушкина, что позволяет распознать в нем романтического поэта, в рамках пушкинской традиции "интимно" связанного со своим произведением. Яркий тому пример – любовная лирика Якова Полонского.

Понятие "лирический герой", на наш взгляд, включает несколько позиций:

- 1) психологическая личность, или реальное лицо автора;
- 2) социальная личность;
- 3) литературный персонаж;
- 4) литературная личность.

Психологическая личность определяется совокупностью личностных характеристик: темперамент, характер, способности. Выполняемая ею психологическая роль может отражать "единство исторического сознания, воплощенного целостной личностью, вплоть до устойчивых признаков внешности – романтика, нигилиста, декадента и т.д." [7].

Социальная личность формируется набором социальных ролей, которые множественны и зачастую отчуждены от индивидуальности, т.е. "мыслятся как единицы неопределенного широкого набора функций" [9] личности в общественной жизни. Так, Яков Полонский в 40-ых–начале 50-ых гг. – студент, гувернер, разночинец и, наконец, литератор, поэт, наделенный оригинальностью восприятия, способностью по-своему отвечать на впечатления жизни.

Е.А.Штакеншнейдер, добрый друг Я.П.Полонского, составила его психологический портрет: "Странный человек Полонский... Доброты он бесконечной и умен, но странен. И странность его заключается в том, что простых вещей он иногда совсем не понимает или понимает как-то мудрено; а сам между тем простой такой по непосредственности сердечной..." [8].

Литературный персонаж в поэзии равен своей роли, которая есть "тождество концепций человека и проявляющей ее формы" [10]. В результате литературный персонаж – самая объективная, достаточно четко очерченная величина. В процессе читательской интерпретации литературный персонаж, как правило, получает однозначную характеристику.

Гораздо сложнее обстоит дело с лирическим героем. Лирический герой создается путем наложения психологических черт автора на его функциональные особенности как поэта. Иными словами, "личность поэта – в его образах" [11]. Лирический герой претерпевает трансформацию вместе с эволюцией мировоззренческих, нравственных и художественных установок автора, а также получает "бытовое дополнение в интерпретирующем сознании читателя" [12], что придает ему черты биографизма.

Литературная личность является собой некое единство трех названных составляющих в их развитии либо совокупность лирических героев поэта. "Это величина не только текстовая, но и до-текстовая, и за-текстовая, она не может исключить читательское пристрастие в процессе интерпретации... и исторической трансформации..." [13].

Примечательно, что эти составляющие применительно к Полонскому настолько созвучны, что Е.А.Штакеншнейдер в своих дневниковых записях отмечает отсутствие какой бы то ни было игры в поведении Якова Петровича: "Он никогда не рисуется и не играет никакой роли, а всегда является таким, каков он есть" [14], т.е. романтиком и идеалистом по самой своей сути. Не случайно Александр Дюма говорит о русском поэте Полонском, что он "мечтатель, как Байрон, и рассеян, как Лафонтен" [15].

То, что Полонский воспринимался как определенный тип литературной личности, подтверждалось еще и тем, что он стал признанным "хозяином" литературного салона в Петербурге, посещаемого широчайшим кругом литературных деятелей (И.С.Тургенев, Ф.М.Достоевский, А.Н.Майков, А.П.Суслова и др.). Его признавали законодателем в поэзии, видели в нем поэта с исключительно своеобразным и всеми узнаваемым литературным обликом.

Хронологически обозначив ранний период творчества Я.П.Полонского 1838–1851 годами, мы можем соотнести его с этапами биографии, дифференцированными к тому же по географическому принципу:

- московский, 1838–ноябрь 1844 гг., (печатается в журналах "Отечественные записки", "Москвитянин", издает первую книгу стихотворений "Гаммы", 1844);
- одесский, ноябрь 1844–июнь 1846 гг., (издана вторая книга, "Стихотворения 1845 года");
- кавказский, июнь 1846–весна 1851 гг.;
- крымский, лето 1850 г.

Одесса. Крым. Кавказ... Все это не так давно фигурировало в поэтическом творчестве Пушкина, освящено его именем, стало центром формирования романтического метода молодого поэта. В самом начале южного периода А.С.Пушкин активно участвует в мифологизации своей личности, сгущая атмосферу интенсивности вокруг текста, выстраивая литературно необходимый ему идеал "любви отверженной и вечной", прибегая как к художественному тексту, так и к "тексту поэтического поведения". Последний создается "из единства поэтических произведений, писем, реальных поступков, дневниковых записей, бытового поведения, перенесенного в жизнь со страниц литературы" [16].

Я.П.Полонский шаг за шагом повторяет путь своего кумира, пленяясь неизвестностью судьбы, неустанно скитаясь по свету в поисках идеала. В этот период его приятель Николай Ровинский советует ему в письме "жениться, чтобы остепениться" [17]. Как своеобразный ответ Полонского о своем душевном состоянии можно рассматривать фразу из его письма к одной московской даме: "Ничего не смею ждать особенно хорошего в моей будущности, часто она пугает меня; но, сознайтесь, неизвестность имеет какую-то особую прелест – весь интерес недочитанного романа, который стал увлекать вас своим волшебным вымыслом" [18].

Безответно влюбленный – едва ли не основная поэтическая роль молодого Полонского. Так, А.В.Мещерский, один из сыновей князя В.И.Мещерского, в чьем доме с лета 1841 г. Полонский служил учителем грамматики, вспоминал о влюблённости поэта в его сестру, княжну Елену, которой посвящал стихи. Эти стихи не известны. В 1842 г. он заочно (по красочному рассказу студента Медико-хирургической академии Малича) увлекается Евгенией

Сатиной. Увидев ее, Полонский, как истинный поэт-романтик, на самом деле почувствовал себя влюбленным. Тогда же он сочинил стихотворение "Пришли и стали тени ночи..." – песнь юного, пылкого и неопытного чувства:

Помедли ночь! густою тьмою
Покрай волшебный мир любви!.. [19]

Волнения страсти побуждают поэта поделиться своими переживаниями с Михаилом Кублицким, "одним из самых прозаических пустых существ", по убеждению самого Полонского [20]. (Потом он раскаивается в своей откровенности, о чем пишет в дневнике). Самое сокровенное он доверяет и московскому приятелю Николаю Орлову, сыну декабриста М.Ф.Орлова: "Я дышу новым воздухом, и печали и радости мои так прекрасны" [21]. Позже будут письма, адресованные Евгении: "Я готов за один поцелуй Ваш отдать половину жизни моей" [22]. Неразделенная любовь и... последняя встреча ("Встреча", 1844):

Вчера мы встретились; – она остановилась...
И молвила: "Прощайте, до свиданья".
А я хотел сказать: "На вечную разлуку
Прощай, погибшее, но милое созданье" [с.37].

Примечательно использование пушкинской фразы "погибшее, но милое созданье". Однако вся эта история любви по большей части существовала лишь в воображении творца. Мaska пылкого любовника скрывала скромного юношу, который, по собственному его выражению, был "целомудрен, как Иосиф" [23].

Осень 1844 г. В жизни Полонского появляется красивая белокурая девушка семнадцати лет – Соня Коризна (в замужестве Софья Михайловна Дурново). Вместе с нею в поэзию Якова Петровича входит мотив утаенной и вечной любви: "Влюбленный без памяти, при ней я притворялся холодным", – признавался позднее поэт [24]. Верный романтическому штампу пылкой свободной личности, хотя и не без давления со стороны реальной жизни, в ноябре 1844 г. Полонский "без цели, без плана ускакал из Москвы" [25] в Одессу, в смятении спасаясь бегством от своей любви. В 1846 г. знакомый Полонского по Одессе И.Ф.Золотарев, посвященный в душевные дела поэта, интересовался, "не к ней ли относится последний стих Грузинки?" [26]:

Ее любовь – мираж среди пустынных
Степей: - не утоляет жажды в зной
И не врачуает ран старинных! [с.430]

Характерно, что в окончательной редакции стихотворения поэт снял несколько строк, в том числе и цитированные нами. Теперь он предупреждает:

Не увлекись пустым мечтаньем!
Мираж не утолит томящей жажды в зной
И не навеет снов журчаньем [с.57].

Переписка Софии Михайловны Дурново с Полонским прервалась в 1851 г., но и в 1857 г., находясь в Баден-Бадене, под влиянием нахлынувших воспоминаний поэт обращает к прежней, юной Соне Коризне пьесу "Утрата", что, по словам А.Н.Майкова, "пахнет ароматом Пушкина" [27].

В воспетую Пушкиным Одессу Я.П.Полонский направляется пушкинскими же тропами. Из Елисаветграда Яков Петрович наведывается вместе с Н.Орловым в степное село Болтышку, имение родственников Орловых – князей Раевских, где некогда побывал Александр Сергеевич; по возвращении в Елисаветград Полонский в нанятой таратайке устремляется дальше на юг – в Одессу. "Дешевый город" однако не вдохновил музу Полонского, о чем свидетельствуют стихотворные опыты 1845 г. И все же позднее, летом 1850 г., Одесса сыграла свою роль в судьбе Полонского. Отдыхая в Крыму, в Ялте (с июня по конец августа), поэт переживает бурное увлечение некоей мадам де Волан. В конце августа дама возвращается в Одессу, и Полонский, провожая ее, зашел в каюту корабля... Когда спохватился – пароход был уже в открытом море. Как видим, этот "нечаянный" визит в Одессу произошел совершенно в духе романтизма.

Но в январе 1846 г. Я.П.Полонский разочарованно писал Н.Орлову: "Вся Одесса в волнении <...> вряд ли я останусь здесь. Хочется быть на Кавказе и увидеть природу лицом к лицу" [28]. Желание поэта сбылось. Он прожил на Кавказе пять лет – с июня 1846 по май 1851 г.: И.Ф.Золотарев, помощник директора канцелярии Тифлиса, выхлопотал для Якова Петровича место в канцелярии наместника и должность помощника редактора журнала "Закавказский вестник".

Итак, 6 июня 1846 г. Полонский покинул Одессу и через 20 дней прибыл в Тифлис. Добирался на новое место службы с большими трудностями, ночуя в гостиницах, трактирах, имеретинских жилищах, в лодке. Тифлис, встретив Полонского полуденным зноем, произвел на него "тяжелое, безотчетно-неприятное впечатление", но уже вечером поэт "не мог налюбоваться им" [29]. Тифлис оказался "очень картиным городом". Живописное разноцветье и разноголосица тифлисских улиц запечатлены в стихотворном послании Л.С.Пушкину "Прогулка по Тифлису" (1846):

Тифлис оригинальным нахожу,

По крайней мере, не скучаю... [с.51]

Действительно, "великолепная для непривычных глаз картина" отныне и навсегда приворожила поэта. Не случайно в предисловии к сборнику стихотворений "Сазандар" Полонский писал, что стихи эти "появлением своим на белый свет обязаны не столько мне, сколько пребыванию моему за Кавказом, преимущественно в Грузии" [30].

Так появились стихотворения "Грузинка", "Татарская песня" (1846), "Горная дорога в Грузии", "Грузинская ночь", "Грузинская песня", "Татарка", "Агбар" (1849). Своебразную трилогию о предназначении поэта составили "Сатар", "Саят-Нова" (1851), "Старый Сазандар" (1853), объединенные философскими раздумьями о "стремлении к совершенству" [31]. Знакомство с бывшим атаманом - разбойником Таш-Тамуром послужило толчком к созданию поэтических строк "Каравана" (1851), проникнутых романтикой свободолюбия и оваги.

Стихотворение "На пути из-за Кавказа", датированное 10 июля 1851 года, – это прощание со "светлой Грузии солнцем", со "знойно-каменным" Тифлисом, с "воинственным" Кавказом.

С Тифлисом связано увлечение молодого Полонского красавицей-армянкой Софьей Гулгаз, проживавшей в предместье Тифлиса Саллалаках, иначе: Сололаки [32]. Эта встреча так преобразила поэта, что его друг И.Ф.Золотарев однажды написал: "О Яков, Яков, безалаберный, беспутный, влюбленный, рассеянный поэт, фельетонист, рисовальщик!.. Ты меня не надуешь... Ты или влюблен без памяти, или..." [33]. "Улыбка лукавая" и "огонь соблазняющих глаз" ("на пути из-за Кавказа") заставили поэта мучительно ревновать: "Она говорит мне – я ваша!.. А кто знает – кто владеет ею в иные минуты...", записал Полонский в альбоме [34]. Она была "прекрасна, как ангел небесный, как демон коварна и зла" [35]. Так родились стихи "Не жди" (1849) - эпизод в любовном сюжете:

... Не жди меня, на жди!

Ночь слишком хороша, чтобы я провел с тобою

Часы, когда душе простора нет в груди... [с.66]

Напрашивается аналогия со взаимоотношениями между А.С.Пушкиным и А.П.Керн. В обоих случаях искреннее чувство преобразовалось согласно условным формулам любовно-поэтического ритуала. Выраженное в стихах, оно превратило А.П.Керн в "гений чистой красоты", а С.Гулгаз искупало в "сиянье месячном" [с.66]. Между тем Пушкин в письмах к Керн сокрушался: "Отчего вы не наивны?", а в письме к А.Н.Вулфу именовал ее "Вавилонской блудницей" [36]. Полонский же пенял Гулгаз: "Я ревновал к тебе потому, что любил, и потому, что имею причины ревновать... Дай бог тебе еще лучшего друга, нежели я (ср. поэтическое пушкинское: "Как дай вам бог любимой быть другим." – Б.Е.). Если ты успела в эти две ночи с досады на меня продать себя – ради создателя, не ходи больше ко мне, не мучь меня... Будь счастлива, весела и спокойна" [37]. Впоследствии Полонский описал Софью Гулгаз в рассказе "Тифлисские сакли" (Магдана).

На Кавказе Полонский попадает в круг общения, который чтит память Пушкина. В частности, он навещает Нину Александровну Грибоедову в доме ее брата – князя Давида Александровича Чавчавадзе, которому еще в 1849 г. посвятил стихотворение "Кахетинцу". Вдове автора "Горе от ума" поэт отдает дань уважения в стихотворении "Н.А.Грибоедова" (1879), замысел которого относится к 1846 г., первоначальное название – "Грузинская элегия" (Б.М.Эйхенбаум).

К 1 сентября 1847 г. Полонскому вменено в обязанность составление статистических таблиц по Тифлисскому уезду – еще одна социальная роль (чиновник). Это служебное поручение само по себе было для него слишком прозаичным, но поездка по Кавказу оставила незабываемые впечатления: "Едва не потонул в реке Иоре – ночевал в пещерах – голодал – в Карайзской степи ел с пастухами печеные на углях какие-то грибы – проклинал азиатские седла, которые излемали мои ноги своими короткими стременами" [38].

25 мая Полонский покинул Тифлис с намерением вскоре вернуться. Однако более в Закавказье он не бывал.

Таким образом, на долю молодого Полонского, жаждущего романтической стихийной свободы и неуспокоенности, выпали любовные грезы, томления, первые разочарования, и все это – на фоне экзотической природы Юга. Любовь, как справедливо заметил Н.М.Соколов, "все-таки осталась на своем высоком пьедестале, – под эгидою Психеи, с которой... Эрот заключил узы вечного и нерасторжимого брака. Эта любовь осталась самою живою и светлою силою жизни" [39]. Любовь, природа, сюжет странствия последовательно формировали в ранней лирике Я.П.Полонского тип лирического героя, в духе пушкинской традиции соотнесенный с "биографическим" автором и отделенный от него устойчивой романтико-поэтической условностью.

Литература

1. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. – Л., – 1969. – С.234.
2. Майков В. Критические опыты. – СПб., – 1891. – С.129.
3. Лагунов А.И. О романтизме в русской психологической лирике середины XIX века // Вопросы истории и поэтики русской литературы. – Ставрополь, – 1957. – С.120.
4. Там же. – С.123.
5. Там же. - С.124
6. Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб., – 1995. – С.329
7. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Л., – 1979. – С.48.
8. Тхоржевский С.С. Портреты первом. – М., – 1986. – С.256.
9. Гинзбург Л.Я. – Указ. соч. – С.56.
10. Там же. – С.56.
11. Соколов Н.М. Лирика Я.П. Полонского. – СПб., – 1899. – С.16.
12. Орехова Л.А. Образ автора и поэтика жанра: русская лирическая проза. – Автореф. дисс... доктора филол. наук. – М., – 1993. – С.11.
13. Там же. – С.12.
14. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.256.
15. Там же. – С.270.
16. Лотман Ю.М. – Указ. соч. – С.263-264.
17. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. - С.235.
18. Там же. – С.235.
19. Полонский Я.П. Сочинения: В 2-х т. Т.1 Стихотворения; Поэмы. – М., – 1986. – С.33. Далее стихотворения Полонского цитируем по названному изданию с указанием страницы в тексте.
20. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.228.
21. Там же. - С.229.
22. Там же. – С.230.
23. Там же. – С.225.
24. Там же. – С.232.
25. Эйхенбаум Б.М. – Указ. соч. – С.242.
26. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.239.
27. Там же. – С.264.
28. Эйхенбаум Б.М. – Указ. соч. – С.245.
29. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.237.
30. Там же. – С.244.
31. Полонский Я.П. Лирика; Проза. – М., – 1984. – С.14.
32. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.243.
33. Там же. – С.243.
34. Там же. – С.244.
35. Полонский Я.П. – Указ. соч. – 1984. – С.602.
36. Лотман Ю.М. – Указ. соч. – С.107.
37. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.244.
38. Там же. – С.241.
39. Соколов Н.М. – Указ. соч. – С.52.

ОБРАЗОВАНИЕ АВТОРСКИХ СЛОВ ОККАЗИОНАЛЬНО ИЛИ ИНДИВИДУАЛЬНО?

Богданович Г. Ю., кандидат филологических наук, доцент

У статті розглянуті особливості окказіонального словоутворення. Надані приклади газетного жанру, дітейчої творчості, індівідуально-авторські деривати відомих авторів (С.Єсеніна, А.Вознесенського, Є.Євтушенка, Б.Ахмадулліної та інших).

The article deals with particularization of the Russian occasionalny wordbuilding. There are examples of newspaper genre, children's creative works, individual author's derivations of prominent authors (S. Esenin, A. Voznesenskiy, E. Evstusheenko, B. Ahmadullina and other).

В нашей речи встречаются индивидуальные средства, присущие только определенному контексту, создаваемые именно конкретным автором. К числу таких средств – собственно речевых, а не языковых – и относятся слова, которые созданы и живут лишь в определенном контексте и вне этого контекста не воспроизводятся. В этом их главное отличие от новых слов, ставших общеупотребительными (неологизмов). Можно ли подобные явления речи называть «неологизмами»? Думается, их следует называть иначе.

В лингвистике существует множество наименований этому понятию: индивидуальные слова, авторские, индивидуально-авторские неологизмы, стилистические, индивидуально-стилистические неологизмы, неологизмы контекста, однофазовые неологизмы, литературные неологизмы, слова-самоделки, слова-экспромты, слова-метеоры, неологизмы поэта, поэтические неологизмы, эгологизмы. [1, с. 64]. Однако наиболее распространенное название таких слов – окказиональные слова, или окказионализмы. Этот термин впоследствии получил право на существование в современной русистике и свидетельствует о том, что подобные слова созданы однажды, по случаю.

Что же такое окказионализм? Р.Ю.Намитокова отмечает, что это нестандартные образования, «созданные с какими-либо отклонениями от известного словообразовательного типа или созданные внетипно, т.е. с нарушением закономерностей словоизводства, действующих в системе» [2]. По мнению О.С.Ахмановой, окказиональное слово или оборот, употребленный говорящим или пишущим «один раз», для данного случая.[3, с. 95]

Все авторы, без сомнения, отмечают производность окказиональных образований, при этом отмечая, что, образуясь с нарушением действия законов словообразовательных типов (продуктивных и непродуктивных) или внетипно, чаще всего используются действующие в языке словообразовательные образцы или аналогии. [4] Довольно подробное и последовательное описание окказионального слова предложено в работах А.Г.Лыкова [5]. По мнению ученого, окказионализм отличается от общеупотребительного слова следующими признаками:

принадлежностью к речи, так как создание окказионального слова – это факт речи;

творимостью (невоспроизводимостью), так как окказионализм как чисто речевое явление принадлежит языку: оно не воспроизводится, а творится, заново создается всякий раз для каждого конкретного случая его употребления;

словообразовательной производностью; окказионализм по своей сути обязательно должен быть производным, он представляет собой результат относительно свободной комбинации по крайней мере двух словообразовательных морфем, что неизбежно ведет к производности окказионального слова;

ненормативностью, т.к. окказионализму присуще сознательное, определенным образом мотивированное отклонение от нормы, нередко имеет эстетическую информацию;

функциональной одноразовостью, так как окказиональное слово создается говорящим для того, чтобы оно употреблялось в речи лишь один раз. Вне контекста оно не живет;

экспрессивностью – это обязательная характерная черта индивидуально-авторских образований;

номинативной факультативностью – характер номинации окказионализма отличается от характера номинации общеупотребительного слова;

синхронно-диахронной диффузностью – при попытке рассмотреть окказионализм с синхронной точки зрения он как бы относит нас к диахронии, а при попытке увидеть его с диахронной точки зрения – он относит нас в противоположную, синхронную сторону;

индивидуальной принадлежностью, так как окказионализм принадлежит отдельному лицу.

Деривационный потенциал окказиональной лексики разнообразен. Она может появляться на основе нарушения действующих в современном русском языке словообразовательных типов, а также без отношения к словообразовательным типам, «внештипно». Чаще всего индивидуально-авторские образования появляются междусловным наложением («Собаки лаяли *синхронно*» – из прилагательного *синий* и наречия *синхронно*; «популярный *списатель*» – *списать* + *писатель*; «Директор овощного магазина занимается *бочковтирательством*» – из *бочка* + *очковтирательство*) [6], способом слияния («*неотмирасевосенька*» – из сочетания *не от мира сего* + суффикс -ЕНЬК), контаминацией.

От междусловного наложения слова, образованные контаминацией, отличаются тем, что при контаминации непременно происходит вытеснение какого-либо элемента объединяемых единиц (чего никогда не наблюдается при междусловном наложении). Контаминационные образования – это соединение узальных слов, которые порождают третье – окказионализм, состоящий из основы одного из объединяемых слов и части другого («Хамедия в одном действии». Ср.: *хам* и *комедия*. «Халтурне» – *халтурный* + *турне*. «Умористический карандаш» – *умора* + *юмористический* «Ее зовут *рецидевица*» (В.Лейкин); «санчонионат» (Ю.Шанин); «Спор, шпор, *кукарекнулись*» (А.Вознесенский); «Ты *докарикатурекаешься*» (А.Вознесенский) и др.)

Поскольку окказиональное словообразование – явление авторское, безусловно, перечислить полный набор словообразовательных типов и моделей, по которым формируются так называемые писательские неологизмы, сейчас невозможно. Некоторые ученые в качестве таковых предлагают различные вариации с собственными именами и фамилиями персонажей или даже предметов («*Пенсионер Пенсионерович*», «*Гонорарий Иванович*»). Довольно часто для создания комического эффекта или снижения высокого стиля употребляется нарочитая псевдоэтимология устной речи, распространенная преимущественно в писательской среде. Она состоит в том, что некая морфемная или неморфемная часть слова заменяется морфемной, в результате чего слову придается иронический смысл. Например: аудиенция *уединенция*; фельетон - *клеветон*; первоходец – *первопроходимец*; Ромео и Джульетта – *ромеоджузельтничать*; «*прихватизация*» – из *прихватить* + *приватизация* (из газет). Так, слово «*холостяк*» получило значение «охотник, стреляющий холостыми патронами»; «*наложница*» – «сборщица налогов»; «*супермен*» – видимо, «любитель супов»; «*глазунья*» – «наблюдающая женщина»; «*толстяк*» и «*толстуха*» – «последователи учения Л.Н.Толстого»; «*известняк*» – известный спортсмен; «*отелиться*» – «стать ревнивым, как Отелло»; «*крематорий*» – «косметический кабинет» – «*астрология*» – раздел ботаники по разведению астр; «*консерватор*» – «человек, работающий в консерватории». Подобных примеров можно привести немало.

Для художественной речи нередко используется так называемая редеривация (дезаффиксация) – способ обратной аффиксации: «Ух как сбросили рубахи, Как схватились в *рукопахе*». (Г.Поженян); «Как летающий *тарел*». (А.Вознесенский); «*фиФ*» вместо «фифа», «*обезьян*» вместо «обезьяна» и под.

Однако до сих пор нуждается в корректировке система словообразования индивидуально-авторских образований. Если к окказиональным словам относить и «детское словотворчество», то, безусловно, следует отдельно говорить о речевых образованиях детей и взрослых.

Ребенок участвует в словотворчестве, иногда не зная значения того или иного слова, а используя лишь случайно звуковые совпадения. Так, « *трубачом*» назван человек, который может угодить в трубу. Иногда, наоборот, зная значение слова, дети меняют звуковую форму: «*полуклиника*» – вместо «поликлиника»; «*горблюд*» – вместо «верблуд», наверное, потому, что у него есть горб; «*спинжас*» – вместо «пиджак», видимо, по тому, что его носят на спине; «*лампажур*» – от «лампа» и «абажур». Нередко используется замена одной мотивировкой другой: «*копаткой*» названа «лопатка», видимо, по тому, что ею копают; «*колоток*» – представляет собой «молоток», так как им колют; слово «*горластить*» в значении «кричать» появилось от того, что крики «издает» горло. Используя образцы известных пар слов (например, «царь – царица»), дети пытаются сами создавать по этим моделям слова:

продавец – продавица; негритянин – негритица. Подобных и других образований в детской речи можно встретить немало. Имеются даже словари детских окказионализмов.

Различие между детским и «взрослым» речевым мышлением заключается прежде всего в том, что речь ребенка прямолинейнее. Только некоторую часть слов, ими употребленных, дети воспроизводят в готовом виде, другую же часть, гораздо более значительную, чем это представляется на первый взгляд, ребенок не воспроизводит в соответствии с существующими в языке словообразовательными закономерностями.

Окказиональное слово, образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста, является прямой противоположностью слову потенциальному (которое создается по законам словообразования), хотя, на наш взгляд, существенной грани между потенциальными и окказиональными образованиями пока нет. В русском языке имеют место факты вхождения в общеупотребительную лексику слов, являвшихся некогда индивидуально-авторскими новообразованиями.

Для понимания грамматического строя языка в определенный момент его развития специфические явления речи могут быть чрезвычайно существенны: единичные, иногда окказиональные, образования и употребления часто сигнализируют о живых тенденциях развития, о продуктивности грамматических образцов.

Некоторые окказиональные слова рождаются дважды, трижды, вообще несколько раз под именем разных писателей и подчас в каждом случае самостоятельно. От этого они еще не перестают быть окказиональными, обслуживающими лишь конкретную речевую ситуацию (в данном случае – несколько ситуаций). В качестве примеров можно привести прилагательное *лошажий* (вместо *лошадиный*), встречающееся у В.Маяковского и С.Есенина, существительное *сонь* (от *сон*), употребленное теми же поэтами и Э.Багрицким, глагол *берложисть*, отмеченный у Н.Асеева и А Вознесенского.

А.Вознесенский, продолжая традиции В.Маяковского, также активно использует в своем творчестве окказиональные слова. Изобретения А.Вознесенского не претендуют на вхождение в общеупотребительную лексику и не для этого предназначены. Однако, проанализировав индивидуально-авторское словотворчество, можно отметить определенные закономерности в образовании слов определенной эпохи.

Суффиксальное образование окказионализмов представлено набором формантов: -ЕВ-, -ОВ- («...что так доживешь до седин под пристальным *сплетневым* оком...»). Слово образовано от существительного *сплетни* с помощью суффикса -ЕВ- ; «Где со спелинкой *земляниковые* бока...». Слово *земляниковые* образовано от существительного *земляника* с помощью суффикса -ОВ; «И все мои *конфликтовые* смуты – конфликт на час...». *Конфликтовые* образовано от *конфликт* при помощи суффикса -ОВ. При образовании всех этих прилагательных наблюдается нарушение словообразовательного типа, характерного для общеупотребительных слов в плане выбора мотивирующей основы и значения словообразовательного форманта).

Поскольку окказиональные слова обладают определенной экспрессией, естественно, что многие образования формируются за счет разнообразных формантов со значением субъективной оценки. Такими следует считать: *нигилисточка* («*Нигилисточка* моя, прапакузиночка») образовано от потенциального слова *нигилистка* с помощью суффикса -К-; *дисциплинка* («У нее... *дисциплинка* нулевая») – от существительного *дисциплина* с помощью суффикса -К-; *ягодиночка* («Одна *ягодиночка* в шерсти дремучей запуталась» – Е.Евтушенко) – от существительного *ягодина* с помощью суффикса -ОЧК-; *гонорок* («.. не забывши уездный шляхетский *гонорок*» – Е.Евтушенко) – от *гонор* + суффикс -ОК; *голенастенький* («...кто нам вверху, *голенастенький*...») – от основы прилагательного *голенастый* и суффикса -ЕНЬК-.

Нередко автор образует слова с суффиксом -Ш-, -ИХ- в значении «жена того, кто назван в мотивирующей основе»: *шоферша* («И неумелая *шоферша* была лиха и белокура»); *аистиха* («... стояли аист с *аистихою*...»); *архангельша* («Как *архангельша* времен...баба вывела»); *главарша* («По-вашему, *главарша*, а по-нашему, администратор»). Многие окказионализмы сформированы с помощью суффикса со значением «детеныш того, кто назван в мотивирующей основе»: *аистеныш* («Вдруг и они без *аистеныша*?» – суффикс -ОНЫШ-); *вербенята* («Не вывести птенцов – зеленых *вербенята*, По горлу их скользнул сентябрь...»- С.Есенин); *чукчата* («..и шьют из этой шкуры подгузнички *чукчата*...» – Е.Евтушенко).

Нередки в поэзии А.Вознесенского образования с суффиксом -ИНК-, -ИН-, -К- в значении «единичность»: *спелинка* («Где со *спелинкой* земляниковые бока») от прилагательного *спелый*; *дразнинка* («... ей хочется спрыгнуть с *дразнинкой* таежной дикой...»– Е.Евтушенко) –от глагола

дразнить + суффикс -ИНК-; **рассохлиника** («Завойте... на церкви похожие бабки – с **рассохлиникой** и скрипкой» – Е.Евтушенко) образовано от глагола при помощи суффикса -ИНК-; **бессмертника** образовано от **бессмертие** при помощи суффикса -ИНК-; **предателинка** («Как можно верить людям и веревкам с **предателинкой**, прячущейся в них!»–Е.Евтушенко) образовано от **предатель** + суффикс -ИНК-; **тишиника** («На великих всемирных **тишинах**») от существительного **тишина**.

Типичны образования окказиональных слов по типу: **одолжисть** – от существительного **долг** при помощи приставки ОТ- и суффикса -И-. Например, у С.Есенина: **ошафранить** – от **шафран** («Оглянись, как хорошо кругом: Губы к розам так и тянет, тянет. Помирись лишь в сердце со врагом–И тебя блаженством **ошафранит**»); **остаканить** – от **стакан** («На эти деньги. С мертвых глаз, Могильщику теплее станет.–Маня зарыв, Он тот же час Себя сивухой **остаканил**»); **отенить** – от **тень** («Иной травой и чащею **Отенит** мир вода»); **осынить** – от **сын** («На яслях овечьих **Осынила** дол За то, что в предтечах Был пахарь и вол»).

Экономя языковые средства, поэт нередко использует словообразовательные типы с нулевым формантом, в которых нарушается грамматическая норма русского языка: **зверь** (как существительное женского рода – «изгибаешь, как дерзкая **зверь**. голубой позвоночник и шею»); **модернь** (как существительное женского рода З склонения - «Ну и **модернь!**»). Нарушается образование форм множественного числа имен существительных: «Среди **идиотств**, суеты наветов поэт одиозен, почти смешон», «... перечисления **ед**» (от **еда**), «но поискам не до **шумих**»; **эхи** («Пошло отзвуками, **эхами**, рассказами, кругами по воде...» – Р.Рождественский); **клеветы** («Свободный от уз и **клевет**, я запахом трав отгуманен...» – Е.Евтушенко).

Окказиональным приемом следует считать неоправданное образование прилагательных в сравнительной степени: **одиночнейшее** («... в **одиночнейшем** из столетий кто-то обнял доску»); **нелетнейший** («...в **нелетнейший** из дождиц уходят под дула художники»).

Одним из излюбленных приемов нарушения правил словообразовательной мотивации представлены образования наречий по известному словообразовательному типу: приставка + основа существительного + нулевой суффикс. У А.Вознесенского: **вхлюп** («Он заплакал **вхлюп**»); **напоследь** (« Стало пусто **напоследь**»); **непасыть** («Обольстительная сеть, золотая **непасыть**»). У С.Есенина имена существительные образуются, используя приставку и нулевой суффикс от основы глагола или существительного: **ухлюпы** («На шелковом блюде Опада осин, Послухайте, люди, **Ухлюпы** трясин»); **Урусь** («И шумнула мать пелеганцу: «Ой ты, сына мой возлюбленный. Помути ты силу вражию, Соблюди **Урусь** кондовую»); **безгладь** («А ныне я в твою **безгладь** Пришел, не ведая причины...»); **взаглом** («Мы знаем все ... и слезы горькие **взаглом**...» – Е.Евтушенко).

Сложные окказионализмы образуются гораздо реже: **полуутоплена** («Одна клавиша **полуутоплена**...»); **поджеймбондиши** («Фильмы **поджеймбондиши**»).

Особое место индивидуально-авторские образования занимают на страницах газет. Чаще всего – это результат игры со словом. Причем неизуальное словообразование наблюдается во всех сферах, кроме деловой. Данное явление связано сегодня с особой раскрепощенностью газет. Поэтому нынешнее время можно назвать «веком окказионализмов» [7].

В текст могут включаться как отдельные слова-окказионализмы, так и целые каскады подобных слов. Большая часть слов связана с сарказмом («**казахизация**», «**узбекизация**», «**туркменизация**», «**чуващность**», «**удмуртскость**», «**бомжество**»), с созданием комического (по аналогии с глаголами **отлов**, **выгул** в газете читаем: **выкус пакуси и накось выкуси**; **выводок гусей и выродок людей**, **выкур кур и выпрыг кунгурей**. **Выкукол бабочек и выхухол выхухолей**; **вымет икры**, **выкидыш мусора**, **выжсереб коней**, **выкобыл лошадей**) На страницах газеты можно встретить: **Абсурдистан**, **россиенок** (дитя России), **Вашингтонница**, **здесьиздат**, **тамиздат**, **брювеносец**, **Нашисты**, **сер-реализм**, **перихнуться**. Особенно много умышленно создаваемых слов, образованных от собственных имен различных современных общественно-политических деятелей («**гайдариада**», «**чумакизация и каширизация**», «**чубайсостворчество**», «**горбостройка**» и др.).

Поэтому, когда мы говорим о словах, произведенных в русском языке с нарушением действия словообразовательного типа, конечно, понимаем, что данные слова сформированы по какому-то случаю или без него, для создания атмосферы большей образности, экспрессивности. Появившиеся как продукт речи образования могут быть и не закреплены на письме, однако люди, участвующие в данный момент в определенной ситуации, без труда поймут и оценят этот «эзоглизм».

Для людей творческих (поэтов, писателей, журналистов) окказионализмы всегда будут авторскими, так как получили должную оценку на страницах печатных органов, а поскольку образованы специально, с определенной целью (а главное – их образование существенно отличается от производства общеупотребительных слов), поэтому их (окказионализмы) следует называть индивидуально-авторскими словами.

Иногда бывает так, что в силу особой общественной актуальности своей семантики индивидуально-авторское образование получает широкое распространение. Так произошло с известными словами *прилучиться*, *приводниться*. Созданные в фантастической литературе, эти слова сейчас широко употребляются в научных сообщениях, деловых документах и вошли в словари общесловарных слов. Как справедливо отмечает Е.А.Земская [8, с. 238], превращение окказиональных слов в обычные может сопровождаться превращением окказионального словообразовательного типа в общесловарной словообразовательный тип.

В русском языке существует немало слов, образованных по существующим словообразовательным типам и моделям, однако не зафиксированных в словаре. Считается, что это – потенциальные слова.

Потенциальные слова – это не закрепленные нормой словоупотребления производные слова, созданные по образцу наиболее продуктивных словообразовательных типов. Любая морфема, входящая в состав потенциального слова, встречается с тем же значением в узульных словах [3]. Ср.: «Над кем каплет, тот и корыто подставляет (естественно, при условии сохранения оклада штагному *подставляльщику*)». *Подставляльщик* образовано от основы глагола *подставлять* с помощью суффикса -ЛЫЦИК- по одному и тому же словообразовательному типу, что и общеупотребительное *ныряльщик* (Ср.: основа слова *нырять* + суффикс -ЛЫЦИК-) [6]. Или другой пример: «В восемнадцати парках мира содержится сто двадцать куланов, но *кулано-зебры* нигде нет». Слово *кулано-зебры* образовано по продуктивному для современного русского словообразования типу: основа одушевленного существительного + суффикс -ОНК(-АТ) со значением «детеныши того, кто назван в мотивирующей основе». Поэтому и слово *подставляльщик*, и слово *кулано-зебры* следует считать потенциальными. Р.Ю. Намиткова потенциальные слова называет стандартными новообразованиями, или системными. При этом под стандартными образованиями понимаются образования, созданные в соответствии со словообразовательными типами языка, как естественная реализация возможностей словообразовательной системы, или иначе – это образования по живым моделям высокой продуктивности. Значение производных узульных слов может быть, в отличие от потенциальных слов, как фразеологичным, так и нефразеологичным [2]. В отличие от узульных слов потенциальные слова всегда лишены семантической фразеологичности. Это повышает степень их членности. Сумма значений морфем, составляющих потенциальное слово, равна значению всего слова, например: *подставляльщик* – « тот, кто подставляет что-либо»; *зебренок* – «детеныш зебры».

Если узульные слова имеют различную степень членности (от хорошо членимых до слабо членимых), то потенциальные слова отличаются от них наиболее высокой степенью членности. Э.Ханпира называет потенциальным словом такое, «которое может быть образовано по языковой модели высокой продуктивности, а также слово, уже возникшее по такой модели, но еще не вошедшее в язык»[9]. Причем термин «потенциальность» вовсе не значит, что данный звуковой комплекс заслуживает названия «слово», лишь попав в язык, и не сигнализирует о возможности вхождения данного слова в состав общеупотребительной лексики. Термин «потенциальность» подчеркивает заданность такого слова системой языка.

Вполне вероятно, что часть подобных потенциальных слов через какое-то время при помощи благоприятных языковых, а также социальных факторах получит право на существование. Поэтому не случайно периодически выходят выпуски «Новое в русской лексике», являющиеся своеобразным дополнением к словарям узульных слов, вышедшим ранее. Сказанное еще раз убедительно доказывает, что современный русский язык постоянно развивается, совершенствуется, вбирает в себя все лучшее, новое, закрепляя в качестве нормы, и отвергает пока то, что является непривычным, сомнительным, непроверенным. В этом случае и интранингвистические законы, и экстраплингвистические факторы действуют как бы заодно: вместе они стремятся обогатить словарный состав одного из самых интересных языков в мире.

Окказионализмы живут только в каком-то определенном контексте. Но в связи с этим не следует думать, что окказионализмы – это какие-то ущербные или неполноценные слова. Наоборот, это слова настоящие, и даже более нужные в определенном контексте, более

насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные слова. Но специфика их заключается в том, что, обслуживая определенный контекст, данный частный случай, данную речевую ситуацию, они не претендуют на то, чтобы закрепиться в языке, войти в общее употребление. Отсюда вытекает одно из важнейших свойств окказионализмов: они всегда сохраняют новизну независимо от времени своего создания. Этим индивидуально-авторские образования отличаются от неологизмов, которые со временем перестают восприниматься как новые.

Литература

1. Вопросы языкознания. – 1991. – № 1. - 62-78 с.
2. Намиткова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект.–Ростов-на-Дону.-1986. - 156 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. - 149 с.
4. Земская Е.А. Как делаются слова.–М.- 1963. – с.59-69; Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование.–М.: Просвещение, 1973; Калниязов М.У. Членность окказиональных и потенциальных слов//Актуальные проблемы русского словообразования - Ташкент - 1975 - 118-129 с.; Серебряков А.Н. Словообразовательные окказионализмы и их стилистические функции (по материалам прессы 70-х годов)//Вопросы русского современного словообразования, синтаксиса и стилистики – Куйбышев–1975 – 79-86 с.; Цейтлин С. Жил король со своей королицей//Наука и жизнь – 1976 – № 7– 128-130 с.; Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования//Актуальные проблемы русского словообразования - Ташкент 1975 и др.
5. Лыков А.Г. Современная лексикология (русское окказиональное слово) . М.: МГУ, 1972 – 11-31 с.
6. Примеры взяты из : Калниязов М.У. Членность окказиональных и потенциальных слов//Актуальные проблемы русского словообразования - Ташкент. - 1975 - 118-129 с.
7. Земская Е.А. Активные процессы современного словообразования. Русский язык конца ХХ столетия (1895-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – 477 с.
8. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование.–М.: Просвещение, 1973. --304 с.
9. Хапира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании// Развитие современного русского языка М. – 1966. – с.153-166.

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ТИПОЛОГИИ ТЕКСТА (КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Бойша Н. И., аспирант кафедры русского языка

Робота присвячена комунікативно-прагматичному аспекту типології текстів. Розглядаються терміни "прагматика", "текст", "дискурс", "макроструктура", а також текстові категорії. Наводиться класифікація текстів за прагматичним критерієм, подається характеристика рекламних текстів за типом мовленнєвого акту.

The work is dedicated to a communicative-pragmatical aspect of text typology. Such terms as "pragmatics", "text", "discourse", "macrostructure" have been considered as well as textual categories. The texts classification according the pragmatical criterion is; the characteristic of publicity texts according the type of speech act is given.

Исследование языка, языкового общения представляет большой интерес не только для лингвистов. Все чаще вопрос о месте языка в общественной деятельности ставится в рамках философии и семиотики, общей и социальной психологии, информатики, а также целого ряда других дисциплин. Таким образом, между дисциплинами происходит взаимодействие, которое выражается в использовании общих терминов, переходе некоторых из них из одних научных областей в другие. Так произошло и с термином "прагматика", широко использующимся в лингвистике. Коммуникативно-прагматическое направление в лингвистике основывается на идеях В.фон Гумбольдта и изучает язык, погруженный в условия своей жизни.

Ноинятие "прагматика" (от греч. "pragma" – "дело, действие") заимствовано из философских семиотических концепций для обозначения отношений между знаком и лицами, использующими знак в процессе общения.

Философское и лингвистическое понимание прагматики требует анализа ее оснований. Т.А. ван Дейк утверждает, что фундамент, на котором строятся прагматические теории, является, с одной стороны, концептуальным (что проявляется, например, при общем анализе деятельности и взаимодействия), а с другой стороны – эмпирическим, что видно из исследований психологических и социальных особенностей порождения и восприятия речи в процессе коммуникации [3, с.121].

Работы Остина, Серля и Грайса по анализу речевых актов обеспечили базисную концептуальную структуру для рассмотрения употребления языка с точки зрения прагматики. Это позволило установить необходимую связь между языковыми высказываниями как лингвистическими объектами, с одной стороны, и социальными действиями, с другой. Как оказалось, ранее не исследовавшиеся прагматические связи между лингвистическими структурами и социальными действиями важны и при анализе текста как последовательности речевых актов, и при анализе отношений между текстом и контекстом [2, с. 24].

В качестве одного из главных компонентов общей теории коммуникативно-языкового взаимодействия выступает когнитивная теория употребления языка. Эта теория должна не только открывать доступ к процессам и структурам, обеспечивающим продуцирование, понимание, запоминание, репродуцирование и другие виды когнитивной обработки предложения и высказывания, но и объяснить, как происходит планирование, производство и понимание речевых актов. Когнитивной целью прагматической теории языка является установление связи между высказываниями (и, следовательно, грамматикой), с одной стороны, и различными видами взаимодействия (и, следовательно, социальными науками)- с другой.

Реальная коммуникация включает действительные знания, мнения и желания. Существует общее условие, а именно условие искренности, которое требует прямой связи между содержанием мысли и содержанием высказывания. Можно сказать, что собственно социальные условия, вовлеченные в формулировку прагматических правил, такие, как авторитет, власть, ролевые отношения и отношения вежливости, являются когнитивно обусловленными, то есть они релевантны лишь постольку, поскольку участники коммуникации знают эти правила, способны использовать их и могут связать свою интерпретацию того, что происходит в коммуникации, с социальными характеристиками контекста.

Текст, по В.В.Богданову, представляет собой "сложное языковое образование, возникающее в результате интеллектуальной деятельности человека, отражающее тот или иной

фрагмент реальной или воображаемой действительности и фиксируемое с помощью определенного кода на материальном носителе" [1, с.6].

Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс, нарушая интуитивные и лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста.

Поэтому дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста.

Виды текстов весьма многообразны, в связи с чем возникает проблема их типологии.

Одним из важнейших критериев для определения типов текстов являются особенности pragматического компонента речевого произведения (текста). Коммуникативно-прагматическая направленность исследований типологии текста дает возможность перейти от констатации закономерностей языкового построения произведения к выявлению взаимосвязи экстралингвистических особенностей с внутритеクstуальными признаками.

Внутренняя структура любого речевого произведения включает в себя два аспекта: денотативный и коммуникативно-прагматический. Денотативный компонент (сиктум) отражает некоторый объект действительности, предметную или деятельностную ситуацию. Этот аспект является важным для типологической характеристики текста. Однако наибольшую актуальность для типологии текста приобретает второй компонент структуры коммуникативно-прагматический (модус).

Текст всегда отражает или воссоздает тот или иной возможный мир или фрагмент такого мира. Экстралингвистический мир выступает в тексте как своего рода предмет, или тема. Тема может быть выражена в заглавии текста, а ее характеристика раскрывается непосредственно в тексте. Детализация экстралингвистического мира, представленного текстовой темой и текстовой ремой, происходит за счет развертывания текста. Общая тема конкретизируется в частных темах, которые сами могут члениться на частные темы, взаимодействующие с соответствующими ремами.

Семантика текста вне pragmatического контекста оказывается неполной. Дело в том, что мир, отражаемый или создаваемый текстом, должен быть встроен в мир коммуникантов – повествователя (автора) и адресата (читателя) и ограничен пространственными координатами. Учет этих факторов и формирует то, что можно назвать pragmatическим содержанием. Конкретно этот компонент включает в себя иллоктивные акты, реализующиеся в текстовых высказываниях, систему принципов и постулатов, которых придерживается автор текста в своей ориентации на читателя и в текстопостроении, дейктические средства маркировки автора и адресата, систему ссылок на источники информации, указание пространственных и временных ориентиров и прочее.

В процессе проведения типологических исследований обращение к pragmatике необходимо. В отличие от лингвистических единиц более низкого уровня языковой иерархии, только текст обладает коммуникативно-прагматической исчерпанностью и полной реализацией иллоктивной установки отправителя информации. Кроме того, pragmatика как раздел лингвистики изучает значение и употребление форм языка в зависимости от ситуации общения, от типа речевых актов. Тем самым pragmatика приобретает актуальность в качестве теоретической базы для классификации текстов по типам.

Важным основанием для классификации текстов служит критерий речевого акта (pragmatickij kriterij). Теория речевых актов рассматривает языковое общение как целенаправленное действие. Единицей языкового общения является речевой акт. Структура речевого акта представляется в виде трех компонентов: иллокции – цели говорящего, локции – произнесения высказывания и перлокции – результата речевого воздействия на слушающего. Таким образом, в модель общения включаются цель и результат речевого акта.

Иллоктивный акт – самое важное звено в структуре речевого акта, т.к. он соответствует коммуникативному намерению говорящего.

Согласно классификации Дж. Серля существует пять типов речевых актов: асертивы, директивы, комиссивы, декларативы и экспрессивы. Эта классификация отражает речевое общение, но может быть распространена также и на текстовое общение [4, с.158].

При выявлении типологических особенностей текста также следует остановиться на следующих элементах коммуникативно-прагматической структуры произведения: адресант, адресат, пресуппозиция, цель сообщения, внутренняя организация сообщения, речевой контекст.

Одной из текстовых категорий является информативность, поскольку основная цель иллокутивного акта состоит в сообщении какой-либо информации. С категорией информативности связаны особенности композиционной организации текста. Через композиционно-речевую форму передачи информации реализуется также коммуникативная установка. С коммуникативной установкой и типом речевого акта сообразуется цель сообщения как элемент коммуникативно-прагматической структуры произведения.

По прагматическому назначению различаются 3 вида информации: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная, содержательно-подтекстовая.

Содержательно-фактуальная информация всегда выражена вербально, языковые единицы употреблены в прямых предметно-логических значениях.

Содержательно-концептуальная информация передает авторское понимание отношений между явлениями и их оценку.

Содержательно-подтекстовая информация не выражается эксплицитно, она основана на способности адресата к восприятию действительности сразу в нескольких плоскостях или к восприятию двух различных связных сообщений одновременно.

Для большинства текстов характерны две категории – целостность и завершенность.

Содержание – это выражаемая текстом информация. Завершенность представляет собой достаточность текстовой формы и объема для раскрытия содержания в соответствии с коммуникативной целью автора текста.

Целостность (или цельность) текста представляет собой соответствие содержания текста его форме в объеме, определяемом создателем текста, его транслятором или промежуточным потребителем для выполнения установленных ими коммуникативных целей [1, с.23].

Большинство исследователей считают сверхфразовое единство (СФЕ) или абзац основной единицей текста.

Единицы членности текста, как и его композиционные части, не могут выполнить свое прагматическое назначение вне контекста сообщения. Являясь компонентом единого речевого контекста, языковые элементы текста объединяются посредством когезии. Когезия представляет собой формальную связьность текста. Задачей композиционного вида когезии является сегментация и одновременно связь смысловых фрагментов в рамках всего текста.

Для текста характерна и содержательная связьность – когеренция, относящаяся к СФЕ. Чтобы текст был связанным, то есть чтобы некоторый набор высказываний воспринимался как текст, он прежде всего должен быть когерентным. В связи с этим возникает проблема изучения, рассмотрения и составления макроструктуры текста.

Понятие макроструктуры было разработано Т.А. ван Дейком. Анализируя различные прагматические контексты, ван Дейк пришел к выводу, что все они являются структурированными. Кроме того, быстрая когнитивная обработка требует того, чтобы они были иерархически структурированными. Эта иерархия должна определяться в терминах социальных структур: речевые акты являются составной частью социального взаимодействия. Соответствующая социальная структура должна быть принята во внимание при анализе процесса прагматического понимания. Необходимо иметь в виду, что на этом уровне анализа значимой является не сама социальная ситуация как таковая, сколько ее интерпретация или представление о ней у участников коммуникации [3, с. 251].

Как для выражения и организации значений предложения необходима синтаксическая форма, так необходима форма для организации общего значения или макроструктуры текста как целого. Схематическая суперструктура является такой формой. Схема может быть задана набором характерных категорий и набором правил или стратегий, определяющих порядок следования этих категорий.

Такие схематические структуры, называемые суперструктурами, задают общую форму дискурса и могут быть эксплицированы в терминах конкретных категорий, определяющих тип дискурса. Следовательно, макроструктуры – это семантическое содержание категорий, входящих в суперструктурные схемы.

Макроструктура выводится из значений предложений (пропозиций) текста по правилам какой-либо (например, лингвистической) теории с помощью операций селекции, обобщения, конструирования.

Без использования макроструктур и суперструктур нам пришлось бы интерпретировать текст и выявлять его связность только на микроуровне, а построение структур высшего уровня было бы возможно лишь в отдельно взятом тексте. Глобальные структуры, отражающие и тематическое содержание, и схематическую форму, являются определяющими в теоретическом анализе; они же очень важны и в реальных процессах порождения и понимания текста.

Известно, что восприятие дискурса как последовательности связных и согласованных предложений требует интерпретации этих связей (например, различных видов обусловленности между фактами). Аналогично и восприятие последовательности речевых актов, основанное на интерпретации "связи" между идущими друг за другом речевыми актами. Наиболее общее условие связности: предшествующий речевой акт задает контекст, в котором происходит оценка последующего речевого акта. Что касается порядка следования речевых актов вообще, то отношения условия могут или просто играть вспомогательную роль (т.е. делать речевой акт возможным относительно предыдущего речевого акта), или нести в себе большую прогнозирующую силу, делая последующий речевой акт вероятным или даже необходимым.

Каждый текст определенного pragматического типа должен в таком случае рассматриваться как своего рода речевой акт.

Так, с точки зрения речевых актов реклама представляет собой асертивные и комиссивные высказывания или их последовательность. Например: "Международный акционерный торговый дом Экмаштранс производит подписку на акции"; "Фирма оставляет за собой право на изменение всех указанных расценок в зависимости от индекса инфляции"; "Выплата дивидендов осуществляется безналичным перечислением на ваш лицевой счет в банке" – асертивы. "Акционерам гарантируется реализация продукции на ведущих биржах страны, финансовая и техническая помощь в поставке оборудования, приобретении продуктов питания"; "Сотрудничество с нами – гарантия вашего успеха (гарантия решения ваших проблем)"; "Мы поможем Вам обрести свободу в бурной стихии рынка" - комиссивы.

Встречаются также директивные высказывания ("Посредников просим не беспокоить"; "Любая форма оплаты, кроме (например, лизинг)"; "Финансовую помощь не оказываем. В кредит товар не отпускается") и экспрессивные ("Будем признательны за ваше обращение к нам"; "Фирма N. благодарит всех, заключивших с нами контракты", "Фирма приносит извинения всем, кто не смог дозвониться по перегруженному телефону"; "Желаем Вам счастья и процветания! Вместе с нами!").

Последовательность речевых актов может анализироваться на глобальном уровне. В этом случае она рассматривается как единое целое – как один глобальный речевой акт или макроречевой акт. По отношению к составляющим последовательность частным речевым актам такая pragматическая макроструктура возможна вследствие "редукции": она определяет "результат" высказывания в терминах общего намерения или цели.

Таким образом, конкретные речевые акты могут быть или относительно "самостоятельными" единицами коммуникации, или рассматриваться как нормальные условия, компоненты или элементы для последовательности, образующие глобальный речевой акт.

Поэтому необходимо отметить, что тип текстового акта следует определять по его коммуникативной функции в процессе текстового общения, а не по совокупности высказываний, относящихся к тому или иному речевому акту. Так, основную часть рекламных текстов образуют не комиссивные высказывания, а асертивные. Это свидетельствует о том, что решающую роль в pragматической квалификации текста играет его функциональное назначение, а не количество предложений того или иного pragматического типа.

Литература

1. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. – Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петербургского университета, 1993. – 67 с.
2. Богданов В.В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. – 87 с.
3. Т.А. ван Дейк Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. М.: Прогресс. 1989. – 312 с.
4. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151-169.

МИСТЕРИЯ И ТРАГЕДИЯ В СИМВОЛИСТСКОЙ ТЕОРИИ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА

Борисова Л. М., кандидат филологических наук, доцент

The article deals with some peculiarities of the symbolist's theory of creation and their reflection in V.Ivanov's, Bely's and Blok's dramas.

У статті розглядаються деякі особливості символістичної теорії та її відображення у драматичних творах В.Іванова, А.Бєлого, О.Блоха.

Идея искусства-культы (мистерии) была средоточием религиозных, социальных и философских воззрений русских символистов. Как высшая форма творчества, мистерия противопоставлялась традиционной драме. Принцип драмы – действие, принцип мистерии – действие, не борьба, но "дионисийское слияние", учил Вяч.Иванов. Гармония дионисийского (по терминологии Ницше, стихийного, творческого) и аполлонического (само по себе эстетического, оформительского) удерживает драму в границах искусства. Дионисийский порыв разрушает всякие границы и грани, становится началом и вселенского единения, и всемирного конца.

В статье "Предчувствия и предвестия" Иванов провозгласил «любовь к грядущему», очень похожую на ницшеанскую "любовь к року" (эта любовь предполагает «жертвенное отречение от иного, с чем мы связаны тончайшими органическими нитями, задушевными связями» – И. И. 88). А в «Автобиографическом письме» к С.А.Венгерову сделал еще одно важное признание. Вспоминая о своей тяжелой болезни в 1902 году и посещавших его тогда мыслях о смерти, добавил: "... которая сама по себе всегда была мне желанна..." (И. И. 21).

В "Древнем ужасе" Иванов отождествил рок, судьбу с Вечно Женственным, перед которым бессильно "мужественное дерзновение и ратоборство", в его трагедиях воплощением наивысшего могущества является Адрастей. Ей подвластны и люди, и боги. Боги тоже. Они все сказали, "что сказать велела / святая Правда и судьба извечная". Поэтому, борясь с Зевсом, Тантал у Иванова «покорствует» «Неотвратимой». Ее приговор приводят в исполнение две Мойры, одна из них – в преисподней, другая же – "в нас самих". Кроме рока внешнего, есть "рок сердца" – эрос к року:

... Тому, чье сердце – твой престол,... внемли, о Неизбежная! (И. И. 31);

Смеется Тантал! Ильяг с им его Печаль, его "Довоально!" слав прощальных! и его

"Приди!" обетованьям Адрастеиным... (И. И. 65).

В мире модернизированной античности гонец, приносящий дурные вести, особенно почтаем: "Одарен ты будешь мной". Тантал почти завидует тому, над кем уже разразился рок, и, чтобы ускорить свой собственный, готов добровольно спуститься с Сизифом в Тартар. Такая свобода делает героя богоравным в собственных глазах: "Кого избрал я, рок избрал". "Любовь к року" позволяет Танталу прочувствовать всю полноту жизни, ненависть к своей участи обрекает Бротеаса на жалкое прозябанье: "Я пресмыкаюсь: мой венец унизил рок..."; "За каждую минуту я позорный торг / веду с судьбой..." (И. И. 48). "Испей свой суд", – призывает его Тантал. Тантал у Иванова вполне утоляет свою страсть к року, в finale он слышит голос Адрастеи: "Ты мой, о Тантал!.. Я была твоей!" И если не о "любви к року", то по крайней мере о примирении с судьбой говорит жертва Бротеаса "на ниву Правды вечной".

В этом качестве – Правды, Фемиды, Судьба непосредственно вступает в действие в "Промете". Герой читит "Единую": "Родимая Фемида!", "Рок велел", "Так Судьба судила", "Пусть боги судят и святая Правда", "А прочее – пусть ведает Судьба". Но символистское "пророчество", как писал Иванов, противоречиво, "любовь к року" нередко сменяется у теургов вызовом мировой необходимости–времени, смерти, судьбе. В "Промете" богооборческий заряд обладает такой силой, что сражает рок:

Эринния

За ним стоит Судьба.

Прометей

Рабыня – за владыкой (И. И. 116).

Прометей сознает свою неуязвимость для рока: "Ни Зевс, ни Рок убить / Бессмертного Титана не возмогут". Как поясняет автор, "подобно своей матери, он сам – судьба и "сильнее себя самого" (И. И. 164).

Стихийность, неосознанный дионисизм прометеевского порыва, по Иванову, отчасти очищает действие, придает ему качества действия. Непросвещенным в нем (отсюда и трагическая вина) остается лишь отношение героя к Вечной Женственности. Судьба –

причинность, необходимость – один из ликов Мировой Души. "Великой неправдой" называет Иванов в "Древнем ужасе" порабощение женского божества и возвеличение мужского начала. "Мне недосуг страдать!" – заявляет Прометей и тем самым изменяет Дионису, страдающему богу. Теперь страдает "Единая":

Фемида

О, почто сама

Обречена я быть Судьбою, боги! (И, II, 133);

Пандора

Увы, почто повелено, злочастной

Быть рока голосом, судеб орудьем? (И, II, 150).

Но женское исподволь готовит себе новую победу в трагедии. Рок уязвляет героя, поражая его созданья. Череда смертей, убийств и самоубийств, проходит среди сыновей Прометея так отвергают они навязанный им дар жизни. Один из них, Архат, убивает Архемора. Другой, Автодик, вдохновляемый мыслью о возмездии ("Тебе отмстить за брата мне велела / Святая Правда"), закалывается на глазах у отца. На первый взгляд, поступок Автодика говорит только о любви к брату, но "любовь к року" у Иванова есть в значительной мере "рок любви". Любовь – это и оправдание жизни, и необходимое условие того, чтобы человеческое дерзновение из "неправого" стало "правым", действие сменилось действом, а обособленность "слиянием": "Мы умрем? – Напрасно жить" – "Научитесь любить!"

Иванов склонял своих героев "под иго первого ужаса", но теурги не всегда разделяли его пафос преклонения перед «Неизбежной». В этом случае сказывалась некоторая эклектичность соединения Ницше и Соловьева в символистской теории.

Соловьева иногда называют среди тех, кто активно противостоял ницшеанской "любви к року" [1, с.28-29]. Но в соловьевской концепции теургии инициатива преображения мира, ускорения его конца принадлежит человеку. Критик этой теории имел все основания заметить: "теургия" (буквально: "действие Бога") означает здесь скорее "действие на Бога", не действие Бога в истории, а "действие человека на высшие силы, определяющие ход истории". В таком случае "уже не Бог преображает мир, а искусство" [2, с.84, 85]. Надо, однако, заметить, что идею, так вдохновившую соловьевцев, сам Соловьев развивал с осторожностью. Как замечает О.Дешарт, "термин этот он не отменяет, но и не повторяет" (И, II, 796). Кроме того, «дух музыки», в слиянии с которым состоит дionисийство, в значительной мере есть тот самый Хаос, от которого, по Соловьеву, нужно освободить Мировую Душу.

Символисты в своем отношении к теургии не знали сомнений, подобных соловьевским. Белый пытался сгладить противоречивость устремлений теургов, объявляя Ницше борцом и глашатаем борьбы с роком и умалчивая про его "amor fati". Но иногда автору "Пепла" становилось жутко от образов Ницше и, сравнивая его с Ибсеном, утверждавшим тип героя-борца, он признавал, что Ибсен стоит на "гораздо более верной почве", чем Ницше с его дionисизмом.

В своей теории Белый исходил из того же, из чего и Иванов: "Хаос подстилает всякое творчество" (С, 111). Но если Иванов уподоблял хаос "первозданному раю", то Белому он внушал поистине панический ужас, хотя в его изображении стихия еще выглядит вполне безобразно: "Хаос расстился над головой человека густой ночью, шумом деревьев..." (А, 12). Но даже в таком идиллическом виде хаос опасен, потому что будит "ночные голоса человеческой души". Иванов видел трагедию в разрыве "всеединства" и всячески стремился его преодолеть. Белый, стремясь к "всеединству", хотел бы именно оторваться, как можно дальше уйти, загородиться от хаоса. Для него сущность трагического заключается не в господстве рока, а в борьбе с ним. Значение этой категории раскрывается в многочисленных подстановках, к которым Белый прибегает в своих теоретических построениях: "хаос – рок", "рок – отказ от жизнетворчества", "творчество – борьба с косностью жизни", "жизнь в творчестве побеждает рок" и т.д. Понимание творчества как борьбы с роком Белый утверждал в статьях "Символизм как миропонимание", "Апокалипсис в русской поэзии", "Театр и современная драма", "Пророк безличия", "Песнь жизни", "Кризис сознания и Генрик Ибсен", "Революция и культура", сквозь призму этой проблемы рассматривал произведения классиков и современников.

Представления о конкретных формах защиты от рока у Белого менялись. Сначала идеальным средством казалась музыка. Для всех она была олицетворением стихии, хаоса, Белый же проводил здесь серию тонких разграничений: "Содержание образов есть единство мирового хаоса и мировой стихии души, оно распадается на двоицу – на дух музыки и на безобразный хаос нас окружающего бытия" (С, 116). Под "духом музыки" понимался прежде

всего ритм, благодаря которому художник побеждает стихию: "Дух музыки" опочил над хаосом" (А, 56). "Дух музыки" противопоставлялся далее самой музыке, но оказался ненадежным заслоном от «стихии», музикальный поток, «разрывающий все формы искусства», прорвался в культуру. Предчувствуя в этом потоке гибель, Белый теперь уже искал защиты от музыки в песне. Преимущество песни перед чистой музыкой заключается в том, что она "соединяет ритм (время) и образ (пространство) в слове (причинности)" (А, 57). В своей первой классификации искусств в статье «Формы искусства» Белый рассматривал изобразительное как частный случай выразительного. Позже он утверждал, что "и ритм требует формы", что "ритм без содержания - хаос" (А, 14), а потому поэзия надежнее музыки. В поэзии же, по Белому, простейшая форма – песня, а наиболее сложная – трагедия.

В отличие от Иванова, которого неизменно притягивала тайна дионаисийского, скрытая античной маской, на Белого гипнотически действовал самый вид этой маски: в пустых глазницах ему чудился хаос. С маской настолько связывалось чувство ужаса, что она сама по себе начинала внушать страх. Мотив маски, симающейся в ночной тиши и обнажающей "лик ужаса" становится рефреном в "Пришедшем", одном из фрагментов незаконченной мистерии Белого "Антихрист". О появлении в городе масок сначала говорят здесь ученики Храма Славы, потом новость разносят голоса из толпы ("Среди нас водятся маски", "Маски недавно опять показались в святом месте", "Маски начинают сниматься"). И наконец сам автор показывает в ремарке, как снимается маска: "Он уже не сдерживает себя: из-под маски смотрит испуганное лицо его в бархатистую тьму" [3, с.13]. Лицо Пришедшего в finale тоже напоминает маску, прекрасную и страшную одновременно.

Маска у Белого – не образ, а понятие. "Вглядитесь, сколько масок показалось среди нас!" (А, 131), – пишет он о появлении теургов в обществе. Маска – знак, по которому узнают друг друга посвященные, "заговорщики грядущего действия", страх перед маской – священный ужас, сопутствующий ему. Маска – покров, с которым еще не пришло время расстаться [4, с.37]. Но та же маска – зловещий знак измени в стане посвященных. "Брюсов снял маску", – извещал Белый Блока [5, с.116] и Флоренского [6, с.36] в 1904 году, когда его психологический поединок с "черным магом" достиг своей кульминации.

Белый нередко утверждал, что трагедия – это борьба героя с роком, но к его собственному небольшому опыту в драматическом роде больше подходит другое, "рабочее" определение трагедии, данное им в связи с анализом пьес Блока: "Драма предполагает борьбу или гибель за что-то" (А, 465). В нем не было бы ничего необычного, если бы не противопоставление борьбы и гибели. Первый из выделенных таким образом типов драмы соответствует ивановскому "действию", второй – "действу". И Белый-драматург выбирает второй, как истинный символист, отдает предпочтение действу. В его мистерии нет и намека на драматическую борьбу. Со своеобразной закономерностью действие всякий раз обрывается в момент, чреватый изменением драматической ситуации, – с появлением лжемессии ("Пришедший"), накануне решающего штурма силами мрака последнего из бастионов святости ("Пасть ночи").

"Молитвами праведных враг остановлен. Надолго ли?" [7, с.557], – пишет Ю.К.Герасимов о содержании финальных сцен «Пасти ночи», другого отрывка беловской мистерии. Враг, однако, был остановлен еще до начала действия, а конец его совпадает с началом общего конца. Как и Иванов, Белый придавал особое значение катарсису в мистерии. "Драма должна изображать не только борьбу, но и победу над роком, и если нет в ней "предощущения этой победы, драма – не трагедия" (А, 22). В "Пасти ночи" нужного автору ощущения нет. Первыми гибнут у него во мраке мать и невинный ребенок. Таким выбором жертвы Белый-драматург подтверждал свою же характеристику: "Современная драма символов обрекается на Апокалипсис без Пришествия" (А, 35).

В ощущении торжества хаоса Белому ближе всех "неосознанный", по его характеристике, символист Л.Андреев. Автор "ненаписанной мистерии" настолько чувствовал это родство ("Мне казалось – со мной говорит мое" (А, 469), что порой отказывался судить о произведениях Андреева как критик. А как теург-жизнетворец находил в них все те образы, которые преследовали его самого – "хаос души сливаются с хаосом жизни", "призраки хаоса", "ужас ночи", "ночную муть". Андреева Белый признавал "единственно верным изобразителем неоформленного хаоса жизни" (А, 489).

Но беловские оценки подвержены колебаниям, и, наряду с восторженными, он высказывал об Андрееве и прямо противоположные мнения: «...с «Царя-Голода», с «Черных масок» я понял: сдвиг его в сторону символизма от «Знания» -- только мистико-анаархическая бурда...»

[8, с.178-179] Между тем именно в «Черных масках» Андреев со своей стороны демонстрирует особую близость Белому.

Как и в "Пришедшем", признаком надвигающейся катастрофы здесь становится вторжение в жизнь героя замаскированных. Разница только в том, что в Храме Славы трепетали перед снятой маской, а в замке Лоренцо с ужасом убеждаются: маска приросла к лицу. В обоих случаях нашествие масок – это только начало трагедии. В "Пasti ночи" их уже нет, зато все шире разливается мрак. Так же и у Андреева в брешь, пробитую масками, хлынула тьма. И перед новыми, черными масками, пугливыми и неловкими, в страхе отступают даже зловещие старые маски. Те, первые, хорошо знали, откуда они пришли ("из ночи"), и кто их послал. Черные ничего не помнят. И если можно сомневаться в реальности жутких карнавальных личин, принимать их за бред Лоренцо, то реальность черных сомнению не подлежит. В финале целые полчища их молча лезут на огонь. Черные маски – это "ожившие частицы мрака", ужас которого у Андреева – действительно "последний ужас". (Сходство с «Черными масками» исследователи отмечают у Белого и в драме «Гибель сенатора», созданной писателем уже в 20-е годы на основе романа «Петербург» [9, с.114]).

В воспоминаниях Белого есть один эпизод, показывающий, до какой степени близко было ему мироощущение Андреева: "Вечером я поднялся к себе, зажег свечку; и вижу: летучая мышь бьется в стены; гоню – все не выгоню; долго боролся с летучей мышью, с кусочком от тьмы, обступающей нас; тьма уже ворвалась в круг света, который был розовым абажуром, бумажным; его разорвали: и ночь ворвалась:

- Плохой знак!" [10, с.188].

В "Пasti ночи" последние христиане защищаются от мрака молитвой (в интерпретации Белого разновидность песни – А, 56). В "Черных масках" музыка в этом случае капитулирует первой – лишь несколько тактов прекрасной мелодии успевают сыграть музыканты, и она "переходит в крики и хохот, в трагическую бессвязность чувств" [11, с.247]. На всем протяжении действия звучит эта дикая, безобразная, замаскированная музыка. Она терзает слух герцога Спадары и тогда, когда ее никто не слышит. У Андреева музыка меньше всего может кого-либо защитить. Сочинение Лоренцо, содержание его души, она сама нуждается в защите. Для того чтобы восстановить гармонию, необходим героический порыв. Так разрешая конфликт драмы, Андреев выражал беловскую концепцию трагического даже последовательнее, чем сам Белый. Герой Андреева, погибая в огне, торжествует победу. Пророков и праведниц Белого пугает такая перспектива: "Ярче звезд воссияем мы там" – "Страшно запылать в такой черной бездне, когда под нами мировые пропасти". В финале «Пasti ночи» не загорается ни одна звезда.

Мистерия "Антихрист" создавалась Белым в самую раннюю пору его творчества, концепция же трагического окончательно сложилась у него в период кризиса символизма. Именно в это время, защищая теургическую идею от профанации, он пишет статьи против музыки и мистерии, символистскому идеалу лирической драмы противопоставляет трагедию классического типа, основу которой составляет конфликт личности с обществом. "Только такое столкновение рождает трагедию... только здесь начинается подлинная культура: такая трагедия есть нерв истории" (А, 168). Соответственно представлял Белый и смысл мистерии: "Тема ее всегда одна: богоподобный человек борется с роком" (А, 27). Реформу театра он предлагал проделать в направлении, прямо противоположном указанному Ивановым, – к шекспировской драме. А лирический дифирамб, в котором Иванов видел наибольшее проявление жизни в искусстве, в современных условиях считал "декоративным жанром" (А, 218).

Самодовлеющему лиризму символистской драмы противопоставлял в это время борьбу, действие и Блок. Он во многом разделял "нелюбовь" Белого к року, сочувственно отзывался о "Жизни Человека" Л.Андреева, герой которой "вызывал на бой неумолимую, квадратную, проклятую Судьбу" (Б, V, 192), часто цитировал Тютчева: "Мужайтесь, други, боритесь прилежно, / Пусть бой и неравен – борьба безнадежна!" В то же время Блок сам указывал Белому на разницу между ними: "Учел ли ты, что я люблю гибель, любил ее искони и остался при этой любви..." (Б,VIII,317) Но была ли эта "любовь к гибели" действительно "любовью к року"?

Что-то, похожее на это чувство, Блок испытал летом 1902 года. "Наступит время (момент), когда я твердо узнаю, что моя смерть нужна для известного момента... Этот момент будет отличаться от других моментов тем, что будет содержать в себе особенно интенсивное накопление твердой уверенности в необходимости прекратить его – притом: не непременно в силу отчаяния..., а СКОРЕЕ в силу большого присутствия силы, энергии потенциальной, желающей перейти в кинетический восторг... Высшее телеологически стремление человека –

применить наибольшую из своих способностей к наибольшему, что у него есть. Наибольшая способность -"прекратиться", наибольшее, что есть в руках, - собственная цель... Человек может кончить себя." (Б, VII, 53, 53-54).

Однако в статье "О современном состоянии русского символизма", на которую он ссылается в цитированном выше письме к Белому, Блок пишет не о восторге самопредания хаосу, а о последствиях, "ужасных исходах" такого состояния: "Лиловые миры захлестнули и Лермонтова, который бросился под пистолет своею волей, и Гоголя, который сжег себя самого, барахтаясь в лапах паука..." (Б, V, 434). И хотя здесь упоминается о любви декадентствующего художника к гибели "от играющего случая", основная мысль автора: от поэта-теурга мир ждет подвига. О том же и статья "Рыцарь-монах": "разил врага", "честный воин Христов", "занес над врагом золотой меч", - пишет Блок о Соловьеве.

По мере того, как в творчестве Блока нарастает мотив возмездия ("внутренняя Мойра" ивановского героя). Судьба у него теряет черты "квадратности" - косности, грубости. В «Песне Судьбы» современная Немезида является прекрасной Фаиной. Идея содействия человека силам судьбы коренным образом изменяет звучание темы. Во время работы над поэмой "Возмездие" Блок писал в дневнике: "В стихотворении Тютчева -- эллинское, до-христово чувство Рока, трагическое. Есть и другая трагедия -- христианская. Но, насколько обо всем, что дохристианское, можно говорить, потому что это наше, здешнее, сейчас, настолько о христовом, если что и ведаешь, лучше молчать..." (Б, VII, 99). Но, обдумывая "Розу и Крест", поэт уже склонялся к прямо противоположному мнению: "... располагаю в опере все, на что я способен, вокруг одного: судьбы неудачника: по крайней мере в христианскую эпоху, которой мы современники... Если же я (или кто другой) буду располагать все многообразие своих образов вокруг Рока и Бога греческой трагедии, то я буду занят чем-то нереальным, если захочу это показать другим" (Б, VII, 164).

Лирика Гаэтана в пьесе («Сдайся мечте невозможной./ Сбудется, что суждено») проникнута атмосферой Рока и Бога греческой трагедии -- для модернизма это по существу синонимы, дионасийство, с его пафосом "слияния", "растворения всего во всем" предполагало "любовь к року" [12, с.27]). Но в самом действии у Блока безусловно, побеждает принцип "христианской трагедии". При этом происходит такой обрыв в связи "Блок -- Ницше", который может оказаться последним, поскольку ставит в ней под сомнение главное. "Кто не верит в кругообразный процесс вселенной, должен верить в самовластного Бога: таково мое понимание, в противоположность всем до-сегодняшним теистическим, доныне существовавшим!" [13, с.40] -- категорический императив Ницше-Заратустры. "Мир во зле лежит. Всем, что в мире, играет судьба, случай; все, что стало выше мира, достойно управления богом" (Б, VII, 99) -- позиция Блока. Его герою не приходится бороться со своей человеческой природой, одной только готовности принять судьбу достаточно, чтобы разомкнуть порочный круг "вечного возвращения": "Боже, твою тишину громовую / Явственно слышит / Бедный твой раб!" (Б, IV, 245)

Вместе с тем символисты не отказались от идеи "современной мистерии". Противопоставляя (и подчас резко) ей трагедию, они лишь пытались активизировать действие и сделать его "в полной мере искусством" (И, II, 640). Белый признавался, что с его стороны нападки на мистерию были тактическим приемом [14, с.437-438], а у Блока указание "Мой Шекспир" (по поводу постановки «Розы и Креста») соседствует с другим: "Мой Вагнер" [15, с.286, 287].

Список сокращений

- А – Белый А. Арабески. М.: Мусагет, 1911.–516с.
- С – Белый А. Символизм. М.: Мусагет, 1910.– 632с.
- Б – Блок А. Собр. соч.: В 8 тт. М:Л: ГИХЛ, 1960-1963.
- И – Иванов В. Собр. соч. Брюссель, б.и. 1971- 1987.

Литература

1. Семенова С.Г. Odium fati как духовная позиция в русской религиозной философии // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994.– С.26-33.
2. Зеньковский В. Эстетические взорzenia Вл.Соловьева // Новый журнал.– 1956.– XLVII.– С.81-92.
3. Белый А. Пришедший // Северные цветы ассирийские. М., 1905.– С.2-25.
4. Блок А., Белый А. Переписка. М.: Государственный литературный музей, 1940.– 354с.
5. Там же.

6. Переписка П.А.Флоренского с Андреем Белым // Контекст 1991. М.: Наука, 1991. С.23-61.
7. История русской драматургии: Вторая половина XIX–начало XX века: до 1917 года. Л.: Наука, 1987. – 662 с.
8. Белый А. Между двух революций. М.:Художественная литература. 1990.– 670 с.
9. Николеску Т. Андрей Белый и театр. М.: Радикс, 1995.– 208 с.
10. Белый А. Собр.соч.: Воспоминания о Блоке. М.: Республика, 1995.– 512 с.
11. Андреев Л. Полн. собр. соч.: В 8 тт.– Т.7. СПб., 1913.
12. Семенова С.Г. Указ. соч.
13. Ницше Ф. Вечное возвращение // Новый путь.– 1903.–№5.– С.34-51.
14. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.– 528 с.
15. Блок А. Записные книжки. М.: Худ. лит., 1965.- 664 с.

ГОРНАЯ ФИЛОСОФИЯ В СМЕНЕ ВРЕМЕН

Бранг Петер, профессор, академик (Цюрих, Швейцария)

Петер Бранг показує, як народилась та розвинулась в російській літературі своєрідна «горна філософія» (термін В. Жуковського), як Альпи стали приводом для філосовських, релігійних, історичних, естетичних рефлексій російських письменників. В статті аналізується: сприйняття Миколою Карамзіним Швейцарії як іділичної Аркадії, паралель Василя Жуковського між історією людства та історією природи, між життєвим шляхом людини та горною країною Івана Коневського, образ демоничної досконалості планети Бориса Пастернака, геополітическо-історична роль Альп Миколи Федорова.

Peter Brang shows the source and development of a specific «philosophy of mountains» (the term of Mr. V. Zhukovskiy) and discloses how the Alps became a source of philosophic, religious, historical and esthetic reflections for Russian writers. In the article it is analyzed: Mr. Nicolay Karamzin's perception of Switzerland as idyllic Arcadia, Mr. Vasiliy Zhukovskiy's parallel between human history and the history of nature, Mr. Ivan Konevskiy's comparison of human being's life and the Highlands, Mr. Boris Pasternak's paragon of planet's diabolic perfection, of the world creation. Mr. Nicolay Fedorov's geopolitical and historical role of the Alps.

Славянская поэзия о Швейцарии – это поэзия об Альпах. Она занимается преимущественно горными местностями. Горы, озера, ледники истолковываются почти как выражения сути Гельвеции, сама же Швейцария – как «отчизна гор» (К. Случевский). Центральная часть страны, расположенная между горами, сдва ли воспринимается, за исключением Рейнинского водопада и некоторых городов: Базель, Берн, Люцерн, Цюрих, Женева прежде всего, а также Лозанна – темы стихотворений.

Горный мир, вечный и неизменный, пребывающий в постоянной идентичности с самим собой, снова и снова возбуждает фантазию людей, задавая им загадку о своем происхождении, пробуждая их к сравнению со своим собственным прошлым существованием. «Швейцарский ландшафт пробуждает потребность в понимании», – писал цюрихский геолог и исследователь глетчеров Альберт Хайм (1849–1937) во введении к своей «Геологии Швейцарии» («Geologie der Schweiz», 1916). История очерков о путешествиях дает неисчислимые свидетельства этого желания понять. Так, Иоганн Вольфганг Гёте писал в 1779 году Шарлотте фон Штайн, находясь в пути из Базеля в Тун: «Уже в темноте предчувствуешь возникновение и жизнь этих редкостных созданий. Если они могли произойти как и когда угодно, то сложились эти массивы по тяжести и подобию своих частей мощно и просто. Если что возбуждало, разъединяло, раскалывало их для революций, то были это лишь отдельные потрясения и даже сама мысль о столь мощном возбуждении порождает высокое чувство непоколебимости. И время связано с вечными законами, то больше, то меньше воздействия на них».

Так и на славянских поэтов, знакомившихся со Швейцарией, восприятие Альп наложило глубокий отпечаток. В течении отдельных исторических периодов и сменяющихся фаз истории поэзии возникала своего рода «горная философия» – Альпы становились поводом для философских, религиозных, исторических, эстетических рефлексий.

В «Письмах русского путешественника» (1789) Н. М. Карамзина находится реальное описание горного мира и странствий в горах. Путешественник чувствует свою подавленность перед лицом горных гигантов: «Нельзя взирать без некоторого ужаса на сии концы земного творения» [1, с. 136]. Однако в век чувствительности это смягченный ужас. Молодой русский человек, находясь на горной вершине, молится тому, кто в этих массах гранита и снега обнаруживает свое всеvlастие. Людей горных местностей он видит в идиллическом свете Альбрехта фон Галлера и Русса: «Для чего мы не родились в те времена, когда все люди были пастухами и братьями!» [1, 137] «Поэма о вечности» («Gedicht über die Ewigkeit») Галлера была напечатана в русском переводе в 1778 году, поэма «Альпы» («Die Alpen») появилась лишь в 1798 году и к тому же в прозаическом переводе, произведение однако пространно в оригинале цитируется Карамзиным в разделе о долине Гасли. Влияние Соломона Гасснера обнаруживается в грациозных пассажах: «Как нежно чувство в Альпийских пастушках! как хорошо понимают они язык сердца!» [1, с. 139] Если бы альпийские красавцы не были так стыдливы, русскому путешественнику «возможно пришло бы на мысль потребовать от нее невинного «поцелуя...» [1, с. 142].

Такого рода идиллические, в духе Аркадии представления и образы продолжают жить еще долго в стихотворениях о Швейцарии период романизма. Жизнь пастухов описывается в фольклорном духе, пастушья свирель, как и альпийский рожок, воспринимается как составная часть буколического существования. Это видно в «Песне альпийца» (1825) Платона Ободовского и в «Швейцарской песне» (около 1839) Тимофея Дычевича, как и в «Песне альпийца на чужбине» (1841) Ивана Бека. Идиллической увидена Швейцария и у поляка Казимежа Бродзинского, который как вдохновенный читатель Саломона Гесснера принимает его идеальных пастухов за совершенно реальных людей и убежден, что берега населены нимфами, фавнами и амурями, и даже насмешник Антони Одинец говорит в 1830 году в своем стихотворении «Эхо в Альпах» (*Echo w Alpach*) о «грациозной» песне альпийских пастухов и позволяет им услышать в песенном эхе звучание ангельских голосов.

Своевольно, отбросив все условности, истолковывает альпийский пейзаж Василий Жуковский. Когда он в 1832-1833 году находился там во второй раз, он изобрел термин «философия гор» или «горная философия». На Женевском озере читал он «Историю нашего времени» (*Geschichte unserer Zeit*) Карла Адольфа Менцеля и обнаружил в ней параллель между историей человечества и историей природы. Этот ход мыслей Жуковский перенес затем в написанном в начале 1833 года письме к наследнику трона на горные гиганты Альп: «Какое сходство в истории этих безжизненных великанов с историей человеческого рода!» Для верующего в духе строгого православия поэта Альпы стали символом того прочного порядка, который должен был установиться в истории искупительного подвига Христа вслед за хаосом исторических переворотов. Голос мира и порядка звучит все внятнее; время, подчиняясь промыслу, несет с собой лучшее – утихают дикий хаос вод, они начинают отражать небеса. «Вот вам философия здешних гор». Даже история деревни Голдау, уничтоженной в 1806 году падением горы, для Жуковского теперь «еще один маленький отрывок из той же горной философии» и представляется ему как аргумент против насильтственного переворота. Революция – это значит «разрушать существующее, жертвуя справедливостью, жертвуя настоящим для возможного будущего блага, есть опрокидывать гору на человеческие жилища с безумной мыслию: что можно вдруг бесплодную землю, на которой стоят они, заменить на другую более плодоносную» [2, с. 24-30]. Так глубоко религиозное переживание ландшафта Жуковским укрепляло его консервативные взгляды. Уже во время первой поездки в Швейцарию летом 1821 года, спокойно текущая под плотиной вода Аары, которую он наблюдал с террасы Федерального дома казалась «образом мудрого правления».

Яркое философское истолкование гор находится снова в конце XIX века в лирике, эссеистической прозе и переписке раннего символиста, умершего в молодости Ивана Коневского. Его эссе «Умозрение странствий» содержит главку «Разум гор», которая пытается обосновать глубокое значение гор. Еще в 1987 году он отмежевывается от высказанного Готвальдом Гарнишем мнения, что горизонт должен замыкать горы, позволяя предчувствовать нечто незримое. Это, так полагал Коневский тогда, «чисто немецкое ощущение». В то же лето однако (и затем снова в 1898 году) он был в Лаутербруннене: «Вот передо мной такой вид, какой носится в мыслях всякого, с детства слышавшего о Швейцарии» [3, с. 142]. Отныне он видит в хаосе гор отображение жизни: «Путь жизни, именно, по словам пословицы – «не поле», а горная страна» [3, с. 139] (намек на русскую пословицу – «Жизнь прожить – не поле перейти»). Коневский замечает теперь в горах и преимущества перемещенного горизонта: «Ибо в горах – все то как раз, с чем человек сжился в жизни: здесь она бьется, уповаet и с тоской устремляет взоры к сокровенному, заповедному. Тут обретает себе утомление неодолимая потребность человека в поисках неизведенного...» [3, с. 142]. Этот аспект исходящего из горного мира этического неистовства нигде не выражен с такой ясностью в важнейшей работе А. Кошорке «История горизонта» (*Geschichte des Horizonts*, 1990). И как А. Блок видел в Коневском прежде всего открывателя русского ландшафта, русской природы так этот поэт одновременно случай обращения в другую веру – веру в горы: «Все это – и горы, и облака – волшебные приведения среди бела дня воочию открылись все темные тайны туманных далей. И не решаешься взглянуться в это чудо: боишься, что оно исчезнет под упором взоров, и не оторвать от него глаз, и нет мига без изумления» [3, с. 142].

Глубокую смысловую связь между историей Альп и историей человечества познал и Осип Мандельштам. Он видел, что «в швейцарских горах сохранилась живая память геологических катастроф», при этом казалось ему именно здесь ощущение культурного единства Европы

наиболее сильным: «Здесь в Швейцарии, Карамзин пролил сентиментальные слезы русского путешественника. Альпам посвящены лучшие стихи Тютчева. Совершенно своеобразное, насквозь одухотворенное отношение русского поэта к геологическому буйству альпийского кряжа объясняется именно тем, что здесь буйной геологической катастрофой вздыблена в мощные кряжи своя родная, историческая земля – земля, несущая Рим и собор святого Петра, носившая Канта и Гете. <...> Так альпийские стихи Тютчева одухотворены историческими ощущениями европейской почвы.» [4, с. 251]

Сходным образом швейцарские Альпы как геологическая формация имели аллегорическое значение и для Бориса Пастернака, они казались ему в «Охранной грамоте» «символом демонического совершенства планеты» [5, S. 69], выражением мирового творения.

Своевольное признание причастности к горам дает Марина Цветаева в письме к Борису Пастернаку от 23 мая 1926 года: «Море – диктатура. Гора – божество. Гора разная. Гора умаляется до Мура (сын Цветаевой Георгий, 1925-1944. И. Б.) (умиляясь им!). Гора дорастает до гётевского лба и, чтобы не смущать, превышает его. Гора с ручьями, с норами, с играми. Гора – это прежде всего мои ноги, Борис. Моя точная стоимость». Несколько лет спустя, в 1934 году, в эссе-некрологе Н. П. Грекову Цветаева снова философствует о мире гор. Страсть к горам будто бы «нерусская страсть» [6, с. 117]. Альпинизм будто бы – процесс преодоления препятствий – здесь Цветаева очень близка рассуждениям Корневского. Ее большая любовь к горам – воспоминания Анастасии подтверждают это весьма вероятно – восходит не в последнюю очередь к ее пребыванию в Швейцарии в 1903\04 г.

Исходя из православно-русскофильской и критической к Европе позиции, рассматривал Альпы Николай Феодоров (1828-1903), «один из своеобразнейших русских мыслителей» (Д. Чижевский), в первом томе своей «Философии общего дела» (опубликованной посмертно в 1906 году). Его интересует не их геологическое доисторическое время, но их geopolитическая историческая функция. Для него «Альпы – это гульбище, ставшее алтарем естественной (т.е. самой искусственной) религии и поучившее значение как резиденция творца ее – Руссо». Как Греция – Парнасский полуостров, так и «Альпийский полуостров [Западная Европа] – страна не художников, но мастеровых [7, с. 246-247], разделившийся на два отрезка своей истории – на южно-романскую и северо-германскую часть.

Литература

1. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. -Л.: Наука, 1984.
2. Жуковский В. А. [Письма к государю наследнику цезаревичу]. 1 января 1833. Верне, близ Веве // Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. – СПб. : Изд-во А. Ф. Маркса, 1902. – т. 12.
3. Коневский И. Мечты и думы. СПб., 1900.
4. Мандельштам О. Пшеница человеческая//Мандельштам О. Собр. соч.: в 4 т. - М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. – Т.2
5. Danilevskij R. Ju. Eine Bergphilosophie. Russische Schriftsteller in den Aalen// Fakten und Fabeln. Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Hrsg. von M. Bankowski, P. Brang, C. Goehrke, R. Kemball. – Basel: Frankfurt a. M., 1991.
6. Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. – М.: Книга, 1990.
7. Федоров Н. Ф. Сочинения. – М. : Мысль, 1982.

Перевод Е. И. Нечепорука

К ПРОБЛЕМЕ ЗНАКОВОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Гадомский А. К., кандидат филологических наук, доцент

Дана стаття присвячена проблемам функціональної семантики і теорії знака. Робота написана на стикові семантики та семіотики і присвячена переосмисленню окремих положень теорії знака, систематизації і компонентному аналізу зі значенням знак.

The given deals with problems of functional semantics and theory of sign. The investigation was carried out on the semantics and semiotics junction. It reinterprets some professionals of sign theory, systematization components analysis on the material of more then with meaning sign.

Над проблемами семиотики работают представители самых различных наук: философы, историки, социологи, фольклористы, этнографы, языковеды. И все же ряд традиционных вопросов, связанных с этими проблемами, по-прежнему ждет своего решения.

В частности, в процессе анализа лексики, объединенной интегральной семой 'знак', мы в очередной раз столкнулись с проблемой знаковости языковых единиц. Однозначного ответа на этот вопрос пока нет.

В.М.Солнцев, проецируя определение фонемы, морфемы и слова на определение знака, указывает, что «фонема обладает функцией выражения смысла как часть слова» [14, с.118]. И в то же время он отмечает, что, «являясь материальной основой для выражения языковых значений, то есть строительным материалом для знаков языка, сами по себе фонемы (если исключить предельные случаи, где они совпадают с морфемами) не являются знаками, поскольку не отвечают двум условиям знака» [14, с.119].

Характеризуя языковые знаки, Л.Ельмслев определяет фонемы как части знаков, которые входят в знаковую систему, и называет их фигурами [4, с.300-305].

Некоторые ученые (Карнап, представители Пражской школы в языкоznании) к числу языковых знаков относят фонемы. Основанием для этого признается особая, различительная (дистинктивная) функция этой единицы, ее способность сигнализировать об определенной значимой единице языка. Применительно к фонемам говорят о знаках-дистинкторах (о знаках-делиминаторах) [17, с.79].

Знаковая природа морфем, по мнению В.М.Солнцева, не должна вызывать сомнений. Ряд ученых (Л.Ельмслев, Ю.С.Маслов и др.) относят их безоговорочно к языковым знакам [4; 8; 14]. З.Д.Попова считает, что «морфема, не являясь языковым знаком, может быть охарактеризована как составляющее языкового знака, вносящее в него свою семантическую долю, которая опознается лишь в составе лексем» [10, с.71].

Знаковая природа слова ни у кого не вызывает сомнения.

П.В.Чесноков утверждает, что «не являются знаками, несмотря на наличие значения, также интонация и модели построения слов, словосочетаний и предложений... Поскольку интонация и модели построения языковых единиц не существуют самостоятельно» [17, с.163]. А словосочетания, предложения и даже сверхфразовые единства – это знаки более высокого уровня, чем слова, поскольку их значение не равно сумме значений входящих в их состав словоформ [17, с.84-85]. Его поддерживают В.И.Кодухов и А.А.Уфимцева [7; 16].

Несколько по-другому рассматривает языковые знаки Б.А.Зильберт. Выделяя два основных языковых яруса: верхний – ярус знаков-информаторов, обладающих всеми свойствами знаков, и нижний – ярус знаков-динстинктиков (или, по терминологии Л.Ельмслева, «фигур»), он считает, что «языковые модели сочетаний слов, морфем выполняют все три функции знака – перцептивную, динстинктивную и информативную, – значит, входят в состав верхнего знакового яруса вместе с материальными сторонами слов и морфем» [5, с.27-29].

Как замечает П.В.Чесноков, «реально нет никаких оснований для такого переосмысления термина «знак». К тому же следует учесть, что знаковость единиц языка состоит в их направленности на внешние объекты через выражаемое смысловое содержание» [17, с.79].

Из-за того, что специфика нашего исследования предполагает не только изучение теории знака, но и анализ толковых словарей, мы попытались синтезировать приведенную выше информацию с лексикографическими сведениями.

Возможно ли это?

Да, действительно, отношения между «чистой теорией» и лексикографией не так уж просты. В последних работах исследователей они представлены следующим образом: «знания о мире»; «картина мира» – это одна из форм «знаний о мире»; частью «картины мира» является «научная картина мира»; в состав «картины мира» наряду с другими составляющими входит «мир языка» – «языковая картина мира» [13, с.2-6].

Нам эти отношения представляются несколько иными по следующим причинам.

Если существуют «химическая», «физическая» и другие научные «картины мира», то должна быть и «языковедческая, лингвистическая картина мира» – «картина мира науки о языке». А «языковедческая (1)» и «языковая (2)» «картины мира» – это, на наш взгляд, не одно и то же.

Поскольку первое (1) – это языковая теория, а второе (2) – это, скорее всего, «знания о мире», отраженные в лексике, нормативная часть которой зафиксирована в словарях. Поэтому «языковую картину мира» можно сравнить с зеркалом, в котором отражаются «знания о мире». Она существует одновременно с нашими «знаниями о мире», и в ней могут быть отражены как «химический», «физический», так и «языковедческий, лингвистический» «миры». А «знания о мире» и «языковая картина мира» взаимодополняемы, так как с помощью «языковой картины мира» формируются «знания», и «мир языкоznания» – «языковедческая, лингвистическая картина мира» отражается в «языковой картине мира».

Отталкиваясь от этих рассуждений, мы посчитали возможным совместить общетеоретические (языковедческие) сведения с информацией, зафиксированной в толковых словарях.

Так в процессе синтеза словарной и общетеоретической информации было получено следующее определение знака.

1. Признак, внешнее обнаружение, естественное проявление чего-либо.
2. Предмет, метка, явление, изображение, служащее для условного обозначения чего-либо.
3. Жест, движение, предмет как сигнал, побуждение к действию.

Хотя оно не исчерпывает всех противоречий и проблем, связанных со знаком, но в то же время оно максимально приближено ко всем распространенным классификациям знаков. Поэтому, на наш взгляд, его можно считать «именем поля» – набором семем, которыми может быть идентифицирована лексика со значением 'знак'.

Приступая к выбору материала, мы ставили своей целью определить набор семем со значением 'знак' и доказать тем самым существование соответствующей лексической группы, которое было предсказано априори.

На предшествующих этапах работы было замечено, что в словарных формулировках семем, предположительно входящих в лексико-семантическую группу «знак», содержатся следующие идентификаторы: «знак», «символ», «признак», «симптом», «сигнал», «значок», «мета», «отпечаток», «эмблема» и т.п.

Полагая, что наличие идентификаторов в словарной статье является формальным показателем принадлежности семемы к той или иной лексико-семантической группе [12], мы, конечно же, допускаем, что в данном случае возможны различного рода исключения в той мере, в какой они допустимы в любом правиле.

Поэтому мы стали выбирать из словарей отдельные значения слов. В типографском варианте они были представлены отдельными словами или сочетаниями слов, в словарных формулировках которых содержатся соответствующие идентификаторы. В результате сплошной выборки из МАС² и сверки полученных результатов с данными других лингвистических словарей (СО, СУ, БАС, ССА) было отобрано свыше 300 семем и словосочетаний, включающих в себя, по предварительным наблюдениям, видосему 'знак'.

Предпринимая попытку систематизировать полученный материал, мы обратились к наиболее известным классификациям знаков, как отечественных, так и зарубежных авторов.

- Это позволило предположить, что в числе семем со значением 'знак' могут быть выделены:
- а) знаки-изображения (иконические знаки);
  - б) знаки-признаки (симптомы, естественные знаки);
  - в) знаки-сигналы;
  - г) знаки-символы;
  - д) отиски, отпечатки, ярлыки;
  - е) языковые знаки.

Для того чтобы проиллюстрировать ход работы, запишем несколько словарных формулировок из МАС².

Аплодисменты	Хлопать в ладоши <u>в знак</u> одобрения или приветствия; рукоплескать.
Буква	1. <u>Письменный знак</u> в азбуке данного языка, обычно соответствующий определенному звуку.
Крест	1. <u>Символ</u> и предмет христианского культа в виде вертикального стержня, пересеченного у верхнего конца перекладиной (по евангельскому сказанию, на таком кресте был распят Христос). 2. <u>Признак</u> , по суеверным представлениям, предвещающий что-либо, предвестие чего-либо.
Примета	Ярлычок на чем-л. (товаре, экспонате и т.д.) с указанием названия, цены и т.п.
Этикетка	

Наличие в словарных формулировках слов-идентификаторов (они подчеркнуты) позволило сгруппировать семеи следующим образом. **Знаки письма**: буква₁; **знаки-символы**: крест₁; **знаки-сигналы**: аплодисменты₀; **знаки-признаки**: примета₂; **этикетки, ярлыки**: этикетка₀.

В итоге на основе данных толковых словарей были получены следующие результаты, которые еще нельзя считать классификацией, но они позволяют сделать выводы о различных типах знаков --- в том числе и знаках языковых.

Знаки письма можно рассматривать как составную часть языковых знаков. Но толкования всех остальных языковых единиц (звуков, морфем, слов и т.д.) не позволяют считать единицы языка знаками. Достаточно проанализировать словарные формулировки по МАС².

Звук	4. Членораздельный <u>элемент</u> человеческой произносимой речи.
Фонема.	Лингв. <u>Звук</u> речи какого-либо языка (или диалекта), рассматриваемый как средство для различия слов или морфем.
Морфема.	Лингв. <u>Часть</u> слова (корень, суффикс или приставка), имеющая лексическое или грамматическое значение.
Слово ¹	1. <u>Единица речи</u> , представляющая собой звуковое выражение понятия о предмете или явлении объективного мира. 2. Речь, язык.
Слово ¹	3. Высказывание, <u>словесное выражение мысли</u> , чувства и т.п.
Словосочетание.	Лингв. <u>Сочетание</u> двух или нескольких слов, объединенных грамматически и по смыслу.
Предложение ²	1. <u>Высказывание</u> , являющееся сообщением о чем-л.
Предложение ²	2. Лог. То же, <u>что суждение</u> (во 2 зн.).
Суждение	2. Лог. <u>Мысль</u> , в которой утверждается или отрицается что-л. относительно предмета или явления.

Очевидно, в данном случае следует говорить о языковом выражении знаков, т.е. о знаках, имеющих языковой экспонент, а о знаках языковых, споры вокруг которых ведутся в лингвистической литературе, опираясь на данные толковых словарей, пока говорить нельзя. Поэтому, приняв во внимание теоретическую информацию о языковых знаках, необходимо внести соответствующие дополнения в толковые словари.

Однако изменить представление о некоторых языковых стереотипах может помочь функциональный подход.

В работах Т.А.Тулиной отмечается, что «понятие функции – одно из центральных в лингвистике [11]. Функцию иногда ошибочно отождествляют со значением, иногда ею пренебрегают, между тем, «не обращая внимания на эту сторону, мы обедняем нашу науку»

[18]. Несомненно, функциональное тесно связано с семантическим и не может рассматриваться в отрыве от него...

Любая языковая форма призвана так или иначе функционировать и должна найти свое отражение в этом аспекте» [15, с.4-5]. «Лингвистическая разработка сущности знаковой репрезентации естественного языка принадлежит швейцарскому ученому Ф. де Соссюру, первому наиболее полно и последовательно изложившему целостную теорию языка как системы знаков» [16, с.10]. Поэтому все проблемы знаковой теории традиционно решались в рамках учения Ф. де Соссюра. До недавнего времени язык рассматривался как единство языка и речи (концепция Ф.де Соссюра). Сегодня язык рассматривается не только как двухуровневая, но и как трехуровневая система (концепция Э.Коссериу).

Развитие этого направления позволило пересмотреть уже исследованные языковые явления. Изучая фонетику, мы говорим не только о звуках, звукотипах, но и о функциональных единицах – фонемах. Если звуков в языке неограниченное количество, то фонемы исчислимы.

Уже не новой нам кажется теория А.В.Бондарко. В работе «Функциональная грамматика» он рассказывает о функционально-семантическом поле [1].

В монографии А.Н.Рудякова «Функциональная семантика» говорится о новой функциональной единице лексико-семантического яруса языка – семантеме [12]. Ю.С.Маслов, говоря о единицах письма, оперирует терминами "граф", "аллограф" (вариант графемы), "графема". Не упоминая о трехуровневой модели языка, данный автор следует традиции Э.Коссериу [13]. Так же поступает Г.И.Иванова-Лукьянова, вводя термин "ингонема" [9].

Приведенные доводы позволяют утверждать, что функциональный подход в лингвистике настойчиво требует выделения на каждом языковом ярусе (фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и др.) функциональных единиц. Те единицы, которыми сегодня оперирует лингвистика, недостаточно систематизированы. И в связи с этим происходит путаница: говоря о неограниченном количестве звуков, мы находим в учебниках по фонетике таблицы с указанием их конкретного количества (происходит смешение понятий звука и звукотипа – единиц уровня речи и уровня нормы). Аналогичная ситуация сложилась в словообразовании (здесь одновременно употребляются термины "морф", "алломорф" (вариант морфемы) и "морфема").

Сегодня в лингвистике нет четкого определения соотношений между языковыми ярусами (фонетическим и др.) и языковыми уровнями (в данном случае имеется в виду концепция Э.Коссериу). И начинать это необходимо со знака, потому что определение любой языковой единицы строится со ссылкой на эту категорию.

Таким образом, дать определение знака, используя при этом только традиционные подходы, невозможно. Подобные явления следует рассматривать не на «плоскости», а в «пространстве». Дофункциональный подход позволяет рассматривать явление с одной стороны, использование методов функциональной лингвистики делает объект более обозримым.

Опираясь на трехуровневую модель языка, можно, если не сформулировать определение знака, то, по крайней мере, обратить внимание на те основные моменты, которые следует учитывать, давая его. На уровне индивидуальной речи знак – это не только воспроизведенная, но и творимая единица, что позволяет считать знаками знаковые проявления незнаковых сущностей. На данном уровне количество знаков неисчислимо. На уровне нормы следует говорить о знаках как о типизированных знаковых единицах, которые исчислимы и поддаются классификации. На уровне языковой абстракции знак рассматривается как функциональная знаковая единица (сущность), которая может быть представлена как нечто материальное, что способно информировать воспринимающего как о себе самом, так и о чем-то другом, находящемся за его пределами. Это «нечто» может быть представлено как функциональное единство означающего и означаемого, между которыми, независимо от типа знака, прослеживается особый тип связи – знаковая связь. Данные единицы исчислимы и воспроизводимы.

Безусловно, все сказанное еще не является полным ответом на вопрос, сформулированный в заголовке статьи, но возможно будет способствовать решению проблемы знака в лингвистике.

Литература

1. Бондарко А.В. – Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
2. Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии //Филол. науки. – 1974. – №2. – С.105-110.
3. Елисеев А.Г. Семантический анализ языковых единиц, противопоставляемых по признаку действие – состояние. – М.: МГУ, 1977. – 72 с.
4. Ельмслев Л. Пролегомены и теории языка // Новое в лингвистике. – Вып.1. – М.: Иностр. лит., 1960. – С.264-390.
5. Зильберт Б.А. Система знаков языка, их сочетание и мотивированность. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 87 с.
6. Иванова-Лукьянова Г.И. Распространенные интонационные ошибки в публицистических текстах // Функциональная лингвистика: принципы организации текста. Материалы конференции. Ялта, 7-11 октября 1996 г. – Симферополь: CLC, 1996. – с.53-56.
7. Кодухов В.И. Общее языкознание. – М.: Высш. шк., 1974. – 303 с.
8. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М.: Высш. шк., 1975. – 327 с.
9. Моррис Ч.У. Основания теории знака //Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С.37-90.
10. Попова З.Д. Общее языкознание. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 212 с.
11. Распопов И.П. Шахматов и актуальные проблемы современного синтаксиса. – Уч. зап. Башкирского ун-та, вып. 29. Серия филологических наук, №12 (16). – Уфа, 1968. – С. 23-41.
12. Рудяков А.Н. Функциональная семантика. – Симферополь: Таврия, 1992. – 154 с.
13. Соколовская Ж.П. «Картина мира» в значениях слов. «Семантические фантазии» или «катехизис семантики». – Симферополь: Таврия, 1993. – 233 с.
14. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1977. – 341 с.
15. Тулина Г.А. Функциональная типология словосочетаний. – Киев; Одесса: Вища шк., 1976. – 176 с.
16. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. – 206 с.
17. Чесноков П.В. Спорные проблемы курса «Общее языкознание». – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 1996. – 176 с.
18. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследование по общей теории грамматики. - М.: Наука, 1986. – С.152-171.
19. Ярцева В.Н. Предложение и словосочетание // Вопросы грамматического строя. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С.21-34.

Словари

20. Да́ль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Рус. яз., 1989-1991.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997.
22. Словарь русского языка. В 4 т. / Под редакцией А.П.Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981-1984.
23. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – М., Л.: АН СССР, 1948-1965.
24. Словарь церковно-славянского и русского языка. В 4 т. – СПб.: Акад. наук, 1847.
25. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: Сов. энцикл., 1935-1940.

ОСОБЛИВОСТІ ПОЕТИКИ РАНЬОЇ ПРОЗИ ВОЛОДИМИРА ВИННИЧЕНКА

Гуменюк В. І.

В статье исследуются повести и рассказы В. Винниченко. Обращается внимание на использование писателем сатирико-художественных приемов, отчего иногда изменяется даже жанр произведения. Автор приходит к выводу, что важной стилевой особенностью Винниченко является философское, интеллигентское напряжение часто отмеченное заглавиями: "Красота и сила", "Раб красоты", "Момент". С этой художественной чертой связан расцвет жанра рассказа в раннем творчестве писателя, иногда приобретающего новые художественные формы - новеллы, очерка, памфлеты и др.

In this article is investigating narratives and stories of V. Vinnichenko. Critic pays attention on the use by the writer of satirical-creating manners in result of which sometimes changes even genre of work. Author makes results that the important feature of stylistical manner of Vinnichenko is philosophical, intellectual strain. Even the headlines ("Beauty and Power", "Slave of Beauty", "Moment") tell about this. With this creative feature is connect bloom of genre of story early creative work of writer. This genre sometimes reaches new creative manners of novel, essay, pamphlet etc.

Ведучи мову про ранню прозу Володимира Винниченка, не можна обійти увагою його першопублікацій - повісті "Краса і сила" (під назвою "Сила і краса" вона з'явилася 1902 року в часописі "Київська старина"). Тут відтворено мляву, неквапливу атмосферу буття в провінційному містечку з промовистою назвою Сонгород. Ця атмосфера виразно відчувається вже в наступному пейзажі (загалом характерному для творів ранньої прози автора): "Тихо на вулицях із плетеними тинами, тихо на головній вулиці з неодмінною поліцією, управою і будинком для арештантів, тихо коло крамниць на базарі, – скрізь тихо. Вийдеш на головну вулицю, що гін на троє тягнеться з одного кінця міста до другого, дивишся праворуч – тихо, пусто й нікого нема; глянеш ліворуч – тин, і нікого нема: куди не глянеш – тихо, пусто, тільки вітер тихенко шелемтить га грається листям...[1]" Кілька разів повторюване слово "тихо" підкреслює відчуття млявої провінційності, застіг пості. Композиційний це: гр пейзажної картини – довга порожня вулиця – немовби вказує на неосяжність, нескінченість цієї тиші.

Деякі деталі вступу мають особливі навантаження, можна сказати, виконують роль тієї рушниці, що врешті-решт неодмінно вистрелить. Такою деталлю є зокрема арештантський будинок, в який згодом потрапляють герої твору. Згідно з тенденціями, характерними для літератури рубежа століть, суголосними його власним творчим упродобанням, автор звертає пильну увагу на життя іонайрозмаїтіших суспільних сфер, сміливо виводить на літературний кін злодіїв, волоцюг, п'яниць, повій та інших представників так званого dna. Такими є головні персонажі "Краси і сили", перші за все Мотря, дочка злодія Марка Чумаченка. Основні драматичні перипетії повісті ґрунтуються на тому, що згідно з уявленнями Мотрі етичні засади її середовища дозволяють любити її одразу двох парубків, чи принаймні з обома мати любовні взаємини.

Винниченко і в своїх ранніх прозових творах, і в романах, і навіть у ремарках до драм виступає тонким фізіономістом, у нього, як правило, лише кілька промовистих портретних штрихів дають уже певне уявлення про характер і внутрішній світ персонажа. Автор далекий від спокійної описовості і чудово усвідомлює новаторство своєї манери, полемічно протиставляючи свої засоби портретування сентиментально-народницьким трафаретам. Про цю полемічність писав чи не кожен дослідник "Краси і сили" [2].

З динамічних портретних штрихів, психологізованих пейзажних деталей і побутових подробиць, дотепних діалогів, вигадливих і не позбавлених життєвої достовірності ситуацій постають також ще два головні персонажі: Ілько – високий, ставний, вродливий, але вайлуватий, нерішучий, такий же "тихий", як і описане у вступному пейзажі довкілля /цей пейзаж органічно сполучається з подальшою авторською характеристикою персонажа – "... ні думок, ні бажань, навіть дихання не почував він у собі, тільки чув, як сонце гріло, пекло в спину, як розливало лінощі по тілі і байдужість до всього", 22/ та Андрій – зовні непривабливий, непоказний, невисокий, але такий собі 'живчик', сповнений неабиякої внутрішньої енергії, кмітливості, хоч заразом і жорстокої грубості на відміну від добродушного

Ілька. Мотря розуміє, що за Андрієм вона буде, як за кам'яною стіною, що він може стати надійною опорою в житті, тому й народила саме від нього дитину, але й з Ільком не стрічатись їй несила.

Виписана з натуралістичною дітклівістю й достовірністю житейська ситуація набирає під пером автора символічних рис, сягає заманіфестованої заголовком філософічності. Символістська таємницість твору, яка прилучає нас до відчуття множинності його змісту, дас змогу твердити, що в образній системі "Краси і сили" автор, уникнувши алегоричної прямолінійності, немов передбачив дальший плин власної долі "художника, розіп'ятого на хресті політики" [3]. Можемо говорити, що поетать Мотрі є якоюсь мірою автопортретною.

Своєрідна увага до побутових та психологічних деталей, піднесена до символіки натуралістична колоритність є основною художньою системою повісті. Тому традиційний сюжет, фабула, інтрига хоч і не втрачають свого значення, але немов відходять на другий план. Взаємини між персонажами констатуються і майже не розвиваються. Авторська увага легко переходить від розкриття їх нюансів до висвітлення характерів в інших ситуаціях. Суттєву функцію в композиції твору відіграє симетричний спосіб змалювання парубків-суперників у злодійській роботі. Спершу бачимо, як спритно і вміло краде Андрій (перебравшись панком, змінивши навіть мову, хитро продає на ярмарку чужі волі), потім в колоритній сцені в корчмі стрічається з Ільком. Незgrabний та невдатний, він і вкрасти як слід не вміє. Його б'ють і відбирають назад вкрадені гроші. Оскільки фабула не має першорядного значення, то її необов'язково розгорнати у всіх деталях. Після того, як стосункам геройв приділено значну увагу під час перебування їх у тюрмі, про розвиток цих стосунків лише коротко сповіщається.

"У "Силі і красі", – відзначає сучасний дослідник В. Панченко, – можна побачити зародок майбутніх Винниченкових парадоксів. Уже тут проглядає думка про відносність, умовність усіляких моральних табу. Як казав один з геройв Шекспіра: "ніщо не є само собою добре чи погане – таке воно є у нашім сприйнятті". Що ж до" нашого сприйняття", то Винниченко з азартом відкинув пуританську регламентованість життя, хоч – був у цьому азарті і якийсь ризикований розмах, починав проглядати культ насолоди життям, який нічого-нічогісінько над собою не визнає. Радість життя, його повнота і яскравість – понад все! У "Силі і красі" така Винниченкова філософія лише зароджувалась. У полемічних, різких тонах він формулюватиме її трохи згодом – передусім у п'есах і романах 1907-1912 рр." [4]. Думається, дослідник тут деяло спрощено характеризує філософію Винниченка. У деяких своїх творах, хоча б у п'есі "Мemento", автор показує, наскільки згубною може бути вище окреслена філософія. Але безперечно, що перша повість автора (вона ж його перша публікація) дуже важлива для розуміння усієї його творчості.

Вигадливість ситуацій органічно узгоджується в творі з психологічно-побутовою достовірністю. "Тоді буду робить, як буде робить Клейтух, Тартаковський і усі багаті" /30/. Ця фраза Ілька, як і його подальший діалог з Андрієм, свідчить, що персонаж прагне виставити себе борцем за соціальну справедливість на кшталт Робіна Гуда чи Кармелюка. Леся Українка вважала, що цей соціальний мотив ззвучить у творі фальшиво й знижує його психологічну переконливість [5]. Між тим це не автор так трактує Ілька, а сам персонаж хоче виправдати свої лінії та злодійство. А це жодною мірою не суперечить психологічній переконливості. Вже тут можна углядіти зародок Винниченкової теорії "чесності з собою". Ілько далекий від цього принципу, чого не можна сказати про Андрія. Очевидно, це стало однією з причин того, що саме Андрія врешті-решт обрала Мотря.

У повісті "Краса і сила" епічна широчінь, панорамність об'єктивного відтворення життя органічно сполучена з драматизмом характерів і ситуацій. Вже тут можна углядіти тенденції, які приводять автора згодом до жанрів роману і драми.

Серед ранніх прозових творів В. Винниченка чільне місце займає ще одна повість – "Голота", яка значно більша за обсягом від "Краси і сили". Цей епічний твір відзначається особливим внутрішнім драматизмом. Неквапливий описовий тип оповіді, в якій приділяється значна увага, здавалося б кожній щонайдрібнішій деталі, сполучається з надзвичайно напруженим ритмом гри психологічних нюансів, зміни картин та епізодів. Перед нами постає ледве чи не фізично відчутина у своїй пластичній і звуковій виразності (і не тільки – автор звертає увагу і на запахи, і на смак їжі персонажів, і на гіркоту горілки, у способів вживання якої також виявляються характери) панорама життя-буття мешканців бараку, де сплять і харчуються наймані робітники панської економії. Цю подану "крупним планом" невеселу панораму відтіняють кілька контрастних штрихів – відгомони банкетування в панських покоях.

Аналізуючи ранню прозу В.Винниченка, Іван Франко відзначає таку її новаторську ознаку як особливий рівень психологізму – відтворення навколошнього світу через призму сприйняття персонажів. У концепції І. Франка невіддільна від новітнього художнього психологізму апеляція письменників до засобів інших літературних родів і видів мистецтва, а відтак суттєве розширення можливостей впливу на читача. В праці “Старе й нове в сучасній українській літературі” йдеться як про нові про такі риси прози як музикальність та ліризм[6]. У статті про Винниченка наголошується на особливості пластичності авторського письма, близькості його до маллярських засобів, а також відзначається драматизм оповіданої манери Винниченка. І.Франко вказує зокрема на значні художні ефекти, яких досягає автор завдяки вмілому оперуванню світлотіннями, складистію і насиченістю барв. Ведучи мову про відтворення напівспролетаризованої селянської маси в повісті “Голота”, критик пише: “Винниченко малиє нам з великою силою і вірністю немов серце тої верстви – нутро “чорної кухні” при панській економії, немов оазис сірої барви між селом з його густою недолею та рідкою поезією і панським двором у блискучім освітленні” [7].

У “Голоті” автор передає глибоко психологізовані, життєво переконливі портрети персонажів зосереджує увагу на драматизмі їх стосунків між собою і зовнішнім світом, внаслідок чого перед нами увиразнюються моторошна, але не позбавлена глибинного оптимізму, віра в незнищенну фізичну й духовну силу народу картина людської недолі. Повість “Голота” високо цінувалася Леся Українка, яка у своїй статті про ранню творчість В.Винниченка цьому твору приділяє найбільшу увагу. Відзначаючи органічне поєднання в повісті відтворення психології юрби та окремих її представників, Леся Українка відносить “Голоту” до помітних явищ європейського неоромантизму [8].

Звертаючись у своїх ранніх прозових творах до відтворення яскравої гами людських характерів і типів, до змалювання буття найрізноманітніших суспільних верств, В.Винниченко пильно придивляється до найбільш вразливої з них, художньо розкриває характери дітей, що працють протистояти життєвій скруті. Цій традиційній в українській літературі темі письменник присвятив ряд оповідань, зокрема таких як “Кумедія з Костем”, “Бабусин подарунок”. В цьому ряді і одне з найпопулярніших оповідань автора – “Фед'ко-халамидник”.

Тут, як і в деяких інших оповіданнях письменника, скажімо, таких як “Контрасти”, “Момент”, особливу роль виконує пейзаж. Тут немає характерного для інших авторових творів вступного пейзажу, але навколошня природа виступає активним учасником подій.

Пробудження навколошньої природи, бурхливе скресання ріки стає не просто тлом, а важливим чинником дій, образного ладу. Вдача завзятого відчайдуха Фед'ка зрідні грізний стихії. Може тому він так відчуває цю стихію й орієнтується серед щонайнебезпечніших її поривів. Автор підкреслює небуденність Фед'кової натури, його надзвичайну спрітність і кмітливість.

Після того як, рятуючи заздрого і амбітного Толю, Фед'ко сам провалився в воду й був ледве врятований, він через свою особливу внутрішню шляхетність взяв на себе вину, за що, вже хворий, був жорстоко побитий батьком, а відтак і помер. На лицу душу панича Толика це мало подіяло. Він поставився до спричиненої ним трагедії, як до звичайної пригоди, і з цікавістю спостерігав з вікна за похороном.

Майстерно поєднуючи художнє осягнення суспільної та індивідуальної психології, В. Винниченко в своїх ранніх оповіданнях дає виразні картини революційних заворушень початку ХХ століття. Пробудження народної свідомості з'ясовується зокрема в оповіданні “Біля машини”. Його композиційним центром є пущена повним ходом молотарка пана Скшембжховського. В грюкоті й пилу зникає чіткість голосів та обрисів, і цілком достовірна картина набуває своєрідного імпресіоністичного забарвлення, а сама машина, що порівнюється з ненажерливим звіром, підноситься до ненав'язливого символу життєвої круговерті, плину часу, людської долі чи інших подібних понять. Авторська увага, мов кінокамера (динамізм твору мимоволі спонукає порівняти його засоби з кінематографічними), вихоплює з цієї веремії окремі постаті, обличчя, сцени, діалоги, в яких з'ясовується кілька міцно сплетених між собою сюжетних ліній.

Першим перед нами постає самовпевнений економ Гудзінський, якого селяни звуть не інакше як Гудзик. Він, немов частина, мов якась деталь машини, “ходить злий і темний, як хмаря”, раз у раз сипле докорами та образами, підганяючи робітників. Його уривчасті внутрішні монологи, сповнені динаміки, суголосної роботі машини, час від часу набувають своєрідної стереоскопічності, сполучаючись з внутрішніми монологами робітників: “Всі бачать,

як гостреньке, засмалене личко його щоразу робиться гостріше, губи тоншають і вся невеличка постать іще більше зменшується. Він се знає, і се піднімає у його тупу, глуху ненависть до їх. Він знає, що їм усім до одного відомо, кого він виглядає так пильно і чого так виглядає. Він знає, що їм навіть відомо, коли він буде вінчатись з Глікeroю Парменовною; відомо, скільки дає йому батько-монопольщик викупного за надзвичайно великі зуби, за косі очі, за 28 літ своєї дочки....” /68/.

Гудзик, хоч і очікує свою незугарну наречену, далеко не байдужий до молодої селянки Хими, до якої, ховаючись у хмара пилу, пробує залишатися. Повз пильні очі щиро закоханого в Химу парубка Карпа це не проходить непоміченим. Тугий вузол з'ясування любовних стосунків затягується усе міцніше паралельно з тим, як підмовлювані Карном робітники починають працювати з усе більшою лінню. Але цей вузол несподівано розв'язується. Коли на велосипеді підїхав до машини її власник, молодий пан Ян. “Гудзик з досадою згадав, що він обіцяв на сьогодні пану послати до двору гарненьку дівчину від машини”. На злість і Карнові, і собі самому Гудзик посилає до пана Химу, на що та, трохи вередуючи для годиться, врешті погоджується. Розлючений Карпо врешті-решт побив Гудзика так, що ніс тому “розпух, почервонів і блищав, як намазаний салом” /86/. Однак Карпова помста на тому не скінчилася. Він рішуче здійснює давно затаєний намір і підбиває на страйк селян, які, приинивши роботу, вимагають підвищення платні і негайні винплати грошей, на що побитий економ змушений погодитися.

У творі відчутні сатиричні засоби. В деяких оповіданнях В. Винниченка сатира вистуває як стильовий засіб (“Народний діяч”, “Заручини”, “Біля машини”...). в деяких набуває жанрової визначеності. Прикметно, що часто вістря своєї сатири автор спрямовує на потворні явища в українському патріотичному русі, у вияві національної свідомості. Очевидно, з тієї причини, що письменникові вболівання за чистоту в цій царині є особливо гострі. Таким є оповідання “Уміркований та щирий”, одному з персонажів якого, ультрапатріотові Недоторканому належить “сакраментальна” фраза “Геть, чертова кацапня, з наших українських тюрм!” Таким є й оповідання “Малорос-європеєць” (обидва твори вперше опубліковані 1907 р.). В “Малорос-європейці” своєрідним контрапунктом до зображеного, так само як у деяких інших творах автора, скажімо, ще в одному сатиричному оповіданні “Антреprеньор Гаркун-Задунайський”, є образ інтелігентного оповідача, котрий є одночасно і учасником подій. Тут це вчитель, що їде в пошуках заробітку до одного провінційного пана, рекомендованого йому як людина, відома своїм “демократизмом, українством, лібералізмом”, їде, аби стати репетитором “паненяти”. Мова оповідача відзначається тонкою іронією (в тім числі й самоіронією), яка непомітно переходить в їдкий сарказм, головним об'єктом якого є “ліберальний” пан, а врешті набуває стримано трагічногозвучання.

Важливу функцію в образній системі твору виконує заявленна на початку яскрава видовищна деталь, яка вражаюче обігрується у фіналі. При в'їзді оповідача в село його зустріло весілля – “На воротях стирчало гілля, обвішане червоними стъожками й перев'язане хусткою” (446; у народному весільному обряді оздоблене гілля символізує щастя).

Основна увага в оповіданні звертається на поміщика Коростенка, самозакоханого самодура, що видає себе за неймовірно передову та прогресивну особистість. Динамічні портретні штрихи підкреслюють цю самозакоханість і байдужість до всього, що безпосередньо не стосується його власної персони: “Я був голодний, і хотілось остатись самому; хотілось вмитись, роздягтись, і хоч трохи спочити від драбинчастого возика. Але Коростенко, видно, й не думав покидати мене. І я вже з неприязнью дивився на товсту його шию, на англійські бакенбарди й розчісану надвое, як у лакеїв, голову”. Пан заходився без упину показувати учителю своє машинізоване, “європеїзоване” господарство, зовсім не зважаючи на втому, на голод і душевний стан здороженого прибульця: “Балакав він мовою якоюсь кумедною, книжною, скоріше російською, перекладаючи тільки московські слова на українські. Але я майже нічого не чув і дедалі то все більш і більш втрачав надію колись скінчити огляд цих сіялок, віялок, жаток, плугів, телефонів, електричних дзвінків, конюшень, амбарів, водопроводів, водокачок, молотилень, маслобоєнь, собачих будок” /449-450/.

Чіткими психологічно проникливими штрихами раз у раз проймають невгамовну Коростенку велемовність то запитання до лакея, то звернення до гостя, пов'язані з можливими селянськими зворушеннями. В цих штрихах проглядається справжня сутність персонажа, яка цілком явно розкривається у фіналі. Забачивши валку селян, що наблизжалась до панського обійстя, Коростенко миттю видобув давно наготовлений кулемет і зі словами “Не подходи!

Убью ! Всех Убью-у” (куди й поділась його показна прихильність до української мови) розпочав стрілянину. Невдовзі з’ясовується моторошна іронія ситуації. То йшли не бунтарі, а сільське весілля до пана за традиційним благословенням, яке цього разу виявилось яж ніяк не традиційним: “Вбито було одного, того якраз, що ніс “флаги”, себто гілля з червоними хустками й стъожками, а ранено дві баби й хлопчика” /456/. Порушуючи національні та інші суспільні проблеми, письменник разом з тим ставить перед собою значно ширші завдання, художньо осягаючи злети й падіння людської душі.

Важливою стильовою ознакою ранніх повістей та оповідань автора є філософічність, яка зокрема виразно виявляється в оповіданні “Момент”. “Із оповідань тюремної Шахерезади” – цей підзаголовок і початок твору свідчать, що ім’я легендарної оповідачки арабських казок є в даному разі прізвиськом в’язня, від імені якого написаний твір В. Винниченка. Так само, як мудра донька візиря перського царя, на грани поміж життям і смертю перебувають і герой оповідання. Раз у раз повторювані ключові побутово-психологічні деталі (маленькі чепурненькі мушники, гудіння оси, сміх панни, соломинка в її волоссі...) покликані підкреслити відчуття краси й минуності буття. На це спрямована уся складна й вищукана символіка твору - небезпечний перехід кордону; кохання з першого погляду, швидкошилне, але на віки збережене в душах персонажів: панорамність і детальність пейзажних картин тощо.

Звернення до жанру повісті в ранній період свідчить про епічну широчінь і глибокий драматизм авторського письма, які з новою силою розкриються в пізніші періоди. Не менш важлива риса Винниченкової художньої манери – психологічне нюансування, звернення уваги на промовисті подробиці й деталі людського буття. З цією рисою пов’язаний розквіт жанру оповідання в його ранній прозі. При певній перевазі в його творах оповіданої манери (що й дає змогу їх жанрово визначити як «новідання») в них часто переплітаються жанрові ознаки новели, нарису, памфлету, поезії в прозі, філософської притчі тощо. За широтою тематики, за модерністю художнього письма ранні твори В. Винниченка є визначним явищем літератури початку ХХ ст. Але могутньому таланту автора досить швидко стає затісно в жанрових межах оповідань і навіть повістей. 1906 року з’являється друком його перша п’єса “Дисгармонія”, а згодом (1911) роман “Чесність з собою”. Драми й велиki епічні твори стають основними жанрами в творчості автора наступних періодів. Але сформовані в ранній період визначальні риси авторської стилістики лишаються незмінними. І в ранній, і в наступні періоди творчості Винниченка натуралистично точне відтворення дійсності поєднується з глибоким художнім проникненням в таємниці людської душі, з осягненням животрепетних суспільних та філософських проблем.

Література

1. Винниченко Володимир. Краса і сила: Повісті та оповідання.-К., 1998 .-С. 21. Далі твори В. Винниченка цитуються за цим виданням /безпосередньо в тексті в дужках вказується сторінка/.
2. Див. наприклад: Гермайзе О. Рання творчість Винниченкова на тлі громадського життя// Винниченко В. Вибрані твори.-К., 1929.-С.ХХII; Костюк Григорій. Світ Винниченкових образів та ідей //Українське слово: Хрестоматія української літератури і літературної критики ХХ ст.: У 4 кн.-Кн. 1.-К., 1994.- С. 387; Гнідан О.Д., Дем’янівська Л.С. Володимир Винниченко: Життя. Діяльність. Творчість.-К., 1996. С. 94.
3. Так озаглавив свою статтю про творчість В. Винниченка відомий сучасний дослідник: Жулинский Микола. Художник, распятый на кресте политики // Дружба народов. -1989. -№12.
4. Панченко Володимир. Рання проза Володимира Винниченка: Стаття перша // Дивослово. -1995. -№4. - С. 9.
5. Українка Леся. Винниченко // Українка Леся. Твори: У 12 т. -Т.12. -К., 1930. -С. 233-263.
6. Франко Іван. Збір. Творів: у 50 т. -К., 1976-1986. -Т. 35. -С. 108.
7. Франко Іван. Новини нашої літератури: Володимир Винниченко...// Літературно-науковий вісник. - 1907. -Т. 38. -Кн. 4. -С. 140.
8. Див. вказану вище працю Лесі Українки.

ПОНЯТИЕ «ПРЕЛЕСТЬ» В РОМАНЕ И.С.ШМЕЛЕВА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»

Дзыга Я. О., аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы

В статті розглядаються різні значення слова «прекрасне» в «Путях небесних» І. Шмелевої та вплив на нього Л. Толстого.

The article deals with various senses of concept «charm» in I. Shmelyov's novel «Ways in heaven», as well as Tolstoy's traditions.

В романе Шмелева «Пути небесные» «прелесть» – одно из наиболее употребительных и значимых понятий. В современных словарях фиксируются разные значения этого слова: «очарование, обаяние, внушаемое кем-, чем-л. красивым, приятным, привлекательным; привлекательность, привлекательная сторона чего-л.; устар., женская красота, красивое женское тело; разг., ласковое обращение; о том, кто (или что) вызывает восхищение красотой, изяществом и т. п.» [1, с.378]. Семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» к перечисленным добавляет еще одно значение, маркированное как устаревшее, – «обольщение, соблазн» [2, с.227]. Между тем в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля именно оно выделено первым: «что обольщает в высшей мере; обольщенье, обаянье; // мана, морока, обман, соблазн, совращенье от злого духа; // стар. ковы, хитрость, коварство, лукавство, обман», а уже затем идут «красота, краса, баса, пригожество и миловидность, изящество», причем, и в этом случае сохраняется оттенок первого значения: красота, «что пленяет и льстит чувствам, или покоряет себе ум и волю» [3, с.393]. Негативное значение слова исторически первично [4, с.327], а все остальные позитивные, фиксируемые современными словарями, – результат секуляризации сознания русского человека и связанных с этим изменений в социально-нравственном укладе общества.

В соответствии с изначальной традицией Шмелев вкладывает в понятие «прелесть» вполне определенный морально-нравственный смысл. в «Путях небесных» – это прежде всего «наваждение», «безумие», «прельщение», «соблазн», «искушение». Шмелев тут выступает как преемник традиций духовной литературы, на него влияют жития, проповеди и другие ее жанры.

В соответствии с той же традицией писатель употребляет и понятие «прелестница», которое в словаре В. Даля определено следующим образом: «прельщающий, обольщающий собою, обольститель, соблазнитель; волокита; кокетка; женщина дурной славы» [3, с.555]. Слово «прелестница» употребляется Шмелевым 14 раз: «Повсюду кричал соблазн... с накрашенных дам – «прелестниц» – так называла Даринька»; «Кружился Кузнецкий мост... подхватывали хвости прелестницы...»; «... говорил, что она ... как ... прелестница, в этих... Четы-Минеях»; «Говорю про гадость, про сравнение со святой, с бывшей «прелестницей», убежавшей в пустыню из разврата...»; «Кузнецкий и пассажи слепили ... роем модниц и дорогих прелестниц»; «Гусары знают, как развлекать прелестных...» и т.д. Указанное значение подкрепляется у Шмелева синонимами: «блудница», «вакханка», «содержанка», «любовница». Вспоминая историю с Вагаевым, героиня романа думает: «Да, я была блудница, прелестница... прельщение владело душой моей, и я не могла собрать ее под начал, соблазны сеяли мою душу, как сор, пригоршнями».

В тексте романа есть прямые указания на источники такого толкования слова «прелесть»: «Она знала, по житиям и из рассказов в монастыре, что это «прелесть» и «наваждение», и надо бороть молитвой». (Ср. у Иоанна Лествичника: «Будучи во искушении, я ощутил, что волк блуда хочет обольстить меня, производя в душе моей бессловесную радость, слезы и утешения; и по младенчеству своему я думал, что получил плод Благодати, а не щету и прелесть» 5, с.64).

Однако наряду со святоотеческой литературой на Шмелева воздействовала и классическая художественная литература, благодаря которой в нашем языковом обиходе и закрепилось употребление слова «прелесть» преимущественно в эстетическом смысле. В этой связи особенно значительно на автора «Путей небесных» влияние Л.Толстого.

В «Войне и мире» и «Анне Карениной» понятие «прелесть» употребляется, в основном, в современном, т.е. в светском, значении, при котором актуализируется семантический пласт, связанный с восхищением красотой человека, предмета, природы, наконец, самого чувства. При помощи производных от слова «прелесть» Толстой создает представление о некоторых деталях облика или внешности человека в целом: «прелестный ротик», «прелестное детское робкое лицико» («Война и мир»); «прелестная фигура и голова Анны» («Анна Каренина»). Как правило, это «прелестный» относится не только к физическим качествам героев, но к

особенностям их поведения, психо-физическому складу личности в целом. Смысловая доминанта понятия «прелесть» – внешняя привлекательность – получает у Толстого дополнительный смысл внутреннего богатства и полноты жизни: «прелестная шестнадцатилетняя девочка», «что за прелест эта Наташа», «что за прелест эта Соня», «экая прелест этот Николай», «что за прелест этот дядюшка» («Война и мир»); «прелестная Кити», «прелестные дети» («Анна Каренина»). «Прелесть» у Толстого – это внешнее проявление душевной чистоты, наружная красота в его мире должна быть оправдана нравственно. Такого рода оправдание имеет у него, например, Долли, когда собирается с детьми к причастию: «Теперь она одевалась не для себя, не для своей красоты, а для того, чтоб она, как мать этих прелестей, не испортила общего впечатления» («Анна Каренина»). Всякая попытка употребить слово «прелесть» не по назначению, в контексте толстовских романов выглядит едва ли не кощунственной. Характеристику, которую дает Элен Безуховой Анна Павловна («Ах, это такая несчастная и прелестная женщина!») выдает едва ли не саркастическое отношение автора к самой Шерер. В одном из эпизодов «Анны Карениной» содержится прямой спор о правомерности расширения границ «понятия»: если Стива Облонский допускает «прелесть» в падшей женщине, то для Левина эта характеристика неприменима к существу нравственно ущербному: «Я прелестных падших созданий не видел и не увижу, а такие, как та крашеная француженка у конторки, с завитками, – это для меня гадины, и все падшие – такие же» («Анна Каренина») [8, с.51].

«Прелесть» может быть у Толстого и характеристикой чувства. В значении «притягательная сила» употреблено это слово для выражения настроений Николая Ростова после знакомства с княжной Марьей: «После его свиданья с княжной Марьей, хотя образ жизни его наружно оставался тот же, но все прежние удовольствия потеряли для него свою прелесть, и он часто думал о княжне Марье...» («Война и мир») [7, с.30]. Самой княжне Марье доводилось испытывать «прелесть печали и самозабвения», проигравшемуся Николаю Ростову доминанта жизнь вспоминалась не иначе как «с прелестью», позже эта «прелесть» пригрезилась ему в игре Наташи. Во время скандального объяснения с женой Пьер ощущил «прелесть бешенства». В последнем случае, как бы вне намерений автора, в слове отчетливо проступает его «старое» значение: страсть, затемняющая понимание истинного смысла событий, до неузнаваемости искажающая личность.

Значение «восхищение красотой» в понятии «прелесть» у Толстого может быть связано и с впечатлениями от природы. После сенокоса Левина очаровала красота ночи: «Как все прелестно в эту прелестную ночь!» («Анна Каренина»). Те же чувства переживает Наташа в Отрадном, в этом случае поэтическое впечатление от сцены усиливается приемом нагнетания лексического ряда:

« – Соня! Соня! – послышался опять первый голос. – Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть! Да проснись же, Соня, – сказала она почти со слезами в голосе. – Ведь эдакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало» («Война и мир») [6, с.164]. В «Анне Карениной» тот же прием использован при описании Анны на балу: «Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были ее полные руки с браслетами, прелестна гвердая шея с ниткой жемчуга, прелестны выющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своем оживлении; но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести» («Анна Каренина») [8, с.95-96]. И в данном случае повтор ведет к некоторому изменению семантики слова. Как бы случайно, не делая из этого каких-либо моральных выводов, автор дает указание на необычность прелести геройни, имеющей тенденцию перерастать в свою противоположность.

«Прелесть» у Толстого нередко является формой ласкового обращения. Долли при рассставании с Анной называет ее «моя прелесть».

Особое место в художественном мире Толстого занимают случаи, когда понятие «прелесть» не называется, но его значение актуализируется через лексическое окружение, контекст: «В этом коротком взгляде Бронский успел заметить сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшей ее румяные губы» («Анна Каренина») 7, с.72 ; «В гостиную входила Анна. Как всегда, держась чрезвычайно прямо, своим быстрым, твердым и легким шагом, отличавшим ее от походки других светских женщин, и не изменяя направления взгляда, она сделала те несколько шагов, которые отделяли ее от хозяйки, пожала ей руку, улыбнулась и с этюю улыбкой оглянулась на Бронского» 8, с.153].

Рассмотренные случаи употребления Толстым интересующего нас понятия позволяют заключить, что оно функционирует в его романах в качестве эстетической, а чаще морально-эстетической категории и при этом является характеристикой не духовных, но душевных качеств личности.

Среди современников Шмелева ни на кого толстовские представления о прелести не оказали столь сильное влияние, как на Бунина. Понятие «прелесть» широко используется писателем для характеристики внешности персон и может относиться как к деталям, так и к облику в целом: «Но что за прелестная мордашка у тебя!» («Мадрид»); «На теле у нее тоже было много маленьких темных родинок – эта особенность была прелестна» («Руся»); «Белизна ее ножек ... была невыразимо прелестна...» («Жизнь Арсеньева»); «Вы и всегда были прелестны, а теперь прелестны просто на удивление!» («Гали Ганская»); «Она была похожа на индианку... Но я в этом находил даже какую-то особенную прелесть» («Жизнь Арсеньева»); «...все было прелестно в этой маленькой женщине» («Солнечный удар»). При этом Бунин по сравнению с Толстым сужает объем понятия, у него «прелесть» – это в первую очередь эстетическая оценка. Есть примеры использования слова «прелесть» в значении «источник физического обаяния»: «Чувство только что испытанных наслаждений всей ее женской прелестью было еще живо в нем» («Солнечный удар»).

Как и Толстой, Бунин употребляет это понятие и для характеристики эмоций: «...я не чаял такой прелести любви и радости...» («Жизнь Арсеньева»). Чаще всего прелесть у Бунина – это характеристика, одинаково относящаяся и к объекту, и к субъекту повествования, бурная привязанность к эстетическому в мире или в другом человеке: «Детская душа моя начинает привыкать к своей новой обители, находить в ней много прелести...»; «Всюду была своя прелест!»; «...во всем непонятная прелесть...»; «И была в эти легендарные времена... весна, и был кто-то ...день и ночь таивший в себе тоску о своем будущем, где, казалось, ожидала его вся прелесть и радость мира» («Жизнь Арсеньева»). В «Жизни Арсеньева» слово «прелесть» сигнализирует о ностальгическом подтексте воспоминаний героя: «Только там...было нечто отцовское..; и только оттуда веяло на меня грустью и прелестью прошлого...»; «Я нередко рассказывал ей о своем детстве, ранней юности, о поэтической прелести нашей усадьбы...»; «...нет, нынче же вон, назад, в Батурино, в родной, прелестный дом!» Подобное впечатление может относиться к отдельным деталям воспоминаний. Речь может идти, к примеру, о комнате в родном доме («Я виновато поклонился, прошел по балкону в раскрытые двери гостиной, совершенно прелестной своей утренней тишиной и пустотой...») или даже крыше этого старого дома («...непонятная успокаивающая прелесть этих очертаний»).

Прелесть для Бунина разлита и в природе, причем может относиться не только к конкретной реалистической картинке, но и к широкому космическому плану: «Какой прелестный и по виду и по имени цветок цвел в густой и высокой траве...»; «...мы пошли по лесу, вошли в его...веселое и прелестное царство» ; «Солнце скрылось за притихший сад... только последний луч одиноко краснеет в углу на паркете.., как мучительна его безмолвная и печальная прелест!»; «...увидал...бледную и грустную осеннюю луну.., такую грустную и исполненную такой неземной прелести...» («Жизнь Арсеньева»); «прелестное небо» («В ночном море»).

Менее бурно проявляются у Бунина прелести иного, не материального порядка: «...чувствую поэтическую прелесть этой ночной работы»; «...ради Сашки и прелестей деревенского безделья бросил гимназию» («Жизнь Арсеньева»); «...есть какая-то осенняя прелесть в этих стихах» («Холодная осень»).

Во всех перечисленных примерах писатель не отступает от привычного нам эстетического, современного толкования слова «прелесть». Тем более обращают на себя внимание случаи, когда в значении слова «прелесть» появляется дополнительный смысл: обаяние невинности, чистота. При этом Бунин порой даже по сравнению с Толстым усиливает эти смысловые оттенки за счет окружающих слово в тексте эпитетов: «Я все это клоню к тому, в каком похабном месте вдруг опять встретил ее во всей ее чистой, благородной прелести...» («Речной трактир»); «Женили меня родители на прекрасной девице... которая была... дивной прелести... лицо прозрачное, первого снега белей, глаза лазоревые, как у святых отроковиц...» («Железная шерсть»); «Я знал ее в пору ее наивысшей прелести, невинности и... почти отроческой доверчивости и робости...» («В ночном море»).

На Шмелева в «Путях небесных», несомненно, тоже оказала влияние толстовская традиция употребления слова «прелесть», неожиданно сблизив его с Буниным. В «Путях небесных» 52

раза встречаются слова и словосочетания, включающие в себя понятие «прелесть», и в 5 случаях интересующее нас понятие, помимо общепринятых значений, приобретает у Шмелева «буинский» семантический оттенок – «обаяние невинности, чистота», – не зафиксированный в словарях: «Передо мной была освещенная, возносящая красота. Не красота... это грубое слово тут, а прелестная девичья чистота... юница, воистину непорочная»; «Все это отступило перед прелестной девичьей чистотой, перед освещающими, лучистыми глазами»; «Виктор Алексеевич... приходил в восторг... от «неземной», от ее детской прелести...»; «В Дариньке это «вечное», это мерцание миров иных, «небесная красота»... необъяснимая, неназываемая прелесть – «чарующая прелесть», «какой-то святой ребенок», как сказал доктор Хандриков». И в этом случае Шмелев явно уходит от традиционных духовных норм. Так же, как у Толстого и у Бунина, рассмотренные случаи не являются обращением к устаревшему значению, но представляют собой авторское привнесение в семантику слова.

«Прелесть» в смысле «обаяние невинности» как антитеза другой «прелести», в значении «обольщение, соблазн», упоминается в романе в 26 случаях: «Даринька признавалась, что «все это смущало мою душу неодолимой прелестью»; «...я ужасалась – и бежала навстречу прелести...»; «...она все забыла и предалась прелести»; «Она вспоминала после этого «безумие», это упоившее ощущение прелести...»; «...в этом «чуде» таилась уловляющая прелесть» и др.

Понятие «прелесть» у Шмелева многозначно: «неназываемая прелесть», «чарующая прелесть», «неземная прелесть», «детская прелесть»; а также «уловляющая прелесть», «искушающая прелесть», «неодолимая прелесть». Иногда он прибегает к сложным смысловым образованиям, содержащим в качестве компонента-ядра понятие «прелесть»: «прелестновая», «прелестная-чужая». Эти сочетания отличаются внутренней антиномичностью: «Он называл ее страстно-нежно – «новая моя... прелестно-азартная моя!..» и восторженно повторял, что не мог и вообразить, чтобы такая бесплотная, такая небесная, какую видел совсем недавно в келье матушки Агнии, могла оказаться такой страстуней, такой азарткой-лошадницей!»

В 21 случае в слове актуализируется значение «внешняя привлекательность, обаяние, очарование, исходящее от кого-, чего-либо». В 16 случаях речь при этом идет о Дариньке. Шмелев не связывает это с какой-то внешней чертой героини («эта прелестная головка»), прелесть у него – ее постоянное качество: «Даринька вдруг открылась живой и прелестной женщины...»; «увидел прелестную голубую Дариньку»; «прелестная девочка»; «какую прелестную видели мы сегодня»; «вы прелестны, сударыня!»; «прелестная-то какая!»; «За здоровье прелестной королевы» и др. Только в 5 случаях из 21 данное слово относится к предметам или общим понятиям: «прелесть жизни»; «прелестный вальс»; «...подкатил на паре, такая прелесть...»; «...какие на ней серьги, прелесть»; «Серьги были «совсем те самые»... Какая прелесть!..»

«Пути небесные» – произведение, в котором Шмелев попытался синтезировать традиции духовной и светской литературы. Но уже характер употребления слова «прелесть» в романе показывает на серьезные противоречия, которые писателю не удалось примирить. Формально в романе чаще упоминается «старое», богословское понятие, относящееся к сфере духовной жизни, однако в художественном плане доминирует «новое», толстовское (или толстовско-буинское) понятие «прелести», указывающее не на духовное, но на душевное, и относящееся к сфере психологизма и внешней описательности в литературе.

Литература

1. Словарь русского языка: В 4 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1987. – Т.3. – 752с.
2. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1961. – Т.11. – 1394 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1990. – Т.3. – 555 с.
4. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – К.: Радянська школа, 1989. – 599 с.
5. Иоанн Лествичник. Малая Лествица Преподобного Отца нашего Иоанна, Игумена Синайской Горы. – Варшава, 1934. – С.64.
6. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22т. – М.: Худож. лит, 1980. – Т. 5. – 429 с.
7. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22т. – М.: Худож. лит, 1981. – Т.7. – 432 с.
8. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22т. – М.: Худож. лит, 1981. – Т.8. – 495 с.
9. Бунин И.А. Собр. Соч. – В 6 т. – М.: Худож. лит, 1988. – Т.5. – 639 с.
10. Шмелев И.С. Пути небесные. – М.: Сов. писатель, 1991. – 585 с.

ВАЛЕНТНОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ГЛАГОЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Забело И. В., ассистент кафедры русского языка

В науковій статті розглядається термінологічна лексика в граматичному аспекті. Валентність мовних одиниць таємо связана з деревоформною структурою Дієслової термінології. На певному фактичному матеріалі підхопотиво показано, що семантика структурних одиниць слова визначає стисливості морфем, створюючи регулярні ряди семантических противопоставлень переважно при перфективзації.

In scientific article terminological lexis is shown in its grammatical aspect. Language merits valency is closely connected with historical structure of verbal terminology. Based on specific actual material it is forcefully proved that semantics of word structure units delta-mimes valency of morphemes creating regular rows of semantic contradictions especially when prefix-forming.

Термины, терминосистемы и терминология как целый лексический пласт были предметом анализа многих работ лингвистического, логического и конкретно научного содержания.

Положение термина в лексической системе литературного языка обуславливает ряд его непрерывных свойств: термин должен иметь строгое определение, его форма, конструкция должны быть мотивированы структурными особенностями литературного языка.

В начале 80-х годов рядом ведущих специалистов-русистов было констатировано появление новой самостоятельной области знания – терминоведения, которая рассматривает знак специального понятия. Термин представляет собой слово или словосочетание определенного естественного языка. В то же время термины являются единицами лексической системы того или иного языка в целом, а именно, тех его функциональных разновидностей, которые в последние десятилетия получили название языков для специальных целей.

Термин – это сложная система, в которой можно выявить целый комплекс признаков, связанных с тем, что термин является непосредственным объектом ряда наук и научных дисциплин или одновременно объектом и предметом терминоведения. Термин – продукт человеческой деятельности на достаточно высоком уровне абстракции, и поэтому он вобрал в себя достижения многовековой обобщающей работы мышления.

Материалом для исследования послужила глагольная терминология, извлеченная из "Словаря современного русского языка" в 17-ти томах и "Словаря русского языка" в 4-х томах.

Семантическая структура глаголов сложна и многоаспектна. Это связано с тем, что глагол имеет не только собственное лексическое значение, но и определенные аспектуальные характеристики, в частности, глаголы обладают категориями предельности/непредельности, вида, фазовости, валентности.

Понятие валентности в лингвистике сравнительно молодо, оно получило свое распространение лишь во второй половине XX века. Под валентностью в современной лингвистике понимаются основные закономерности сочетаемости единиц определенного языка друг с другом. Теория валентности получила преимущественно грамматическое направление, лишь косвенно связанное с лексическим значением слов. Понятие «валентность» Л. Теньер использует для синтаксической классификации глаголов, выделяя глаголы с нулевой валентностью, одновалентные и поливалентные глаголы. Существуют различные точки зрения на природу самого явления «валентность». Одни ученые считают, что валентными связями обладает только глагол, другие понимают под валентностью сочетаемость языковых единиц различных уровней (синтаксического, лексического, морфематического и др.). Не вызывает сомнения, что по определенным законам сочетаются не только слова, но и части слов-морфы. Явления эти существуют реально, они очень тесно связаны между собой, оказывают постоянное действие друг на друга. Примером тому может служить «Словарь валентности и дистрибуции немецких глаголов» Г.Хельбига и В.Шенкеля. В нем специально не описано влияние префикса на состав внешнего окружения глагола (или, наоборот, внешнего окружения на выбор префикса), но явление это отразилось как бы помимо воли авторов. Так, например, ясно видно, что вариант I глагола antworten имеет одно лексико-семантическое окружение, а вариант II глагола бы – antworten имеет другое окружение.

А.В. де Гrot рассматривает валентность как степень возможности/невозможности употребления одних частей речи по отношению к другим, способности/неспособности слова определяться другим словом или самому определять другое слово.

Адмони В.Г. рассматривает валентность в расширенном смысле и трактует под термином «сочетаемость». Сочетательные потенции, по его мнению, присущи каждой части речи. Под сочетаемостью он предполагает отношение атрибутивных прилагательных к существительному (облигаторные потенции), а также отношения существительного к атрибутивному прилагательному. [1, с.74-76].

Лейкин Б.М. и Ломтева Т.П., так или иначе, говорят уже о зависимых и факультативных членах при валентных связях о центростремительной потенции (способности присоединяться к доминирующему слову) и центробежной потенции (способности дополняться другими словами).

Абрамов Б. также подразумевает под понятием «валентность» свойства всех частей речи. При этом способность слова присоединяться к доминирующему слову он называет центростремительной потенцией, а дополняться другими словами – центробежной потенцией. Глагол, имея способность конституировать предложение, обладает только центробежной потенцией. Другие же части речи обладают как центробежной, так и центростремительной потенцией.

Характерными общими чертами теории валентности в работах Х. Бринкмана, Вайстербера, П. Гребе, Г. Хельбига следует считать: 1) ее объединение с вербоцентрической теорией предложения (глагол – основа предложения, от которого зависят остальные члены предложения, в том числе и субъект); 2) переплетение морфологии и синтаксиса; 3) основную роль при анализе играет количественная сторона валентности. В последнее десятилетие понятие "валентность" укрепило свои позиции. В разных работах говорится о различных типах валентности: активной и пассивной, категориальной и индивидуальной, альтернативной и неальтернативной и т.п. Валентность исследуется на разных уровнях и по отношению к разным единицам языка.

В отечественной лингвистике получило распространение более широкое понимание валентности, охватывающее различные уровни языка. Многие ученые занимаются проблемами внутренней валентности с целью подготовки теоретической основы для издания словаря префиксальной валентности [Бажутина 1976; Боброва 1975; Валеева 1976; Соколов 1976; Степанова. Хельбиг 1978]. М.Д. Степанова одной из первых конкретизирует понятие валентности и вводит термины «внешняя валентность» и «внутренняя валентность». Кроме «внешней валентности», которую актор понимает как актуализацию слова в предложении, проявляющуюся в каждом случае речевой реализации слова, слово в то же время может обладать внутренней валентностью, под которой понимается закономерности соединения составляющих его элементов [2, с. 16]. Внутренней валентностью, считает М.Д. Степанова, обладают не все слова, а лишь некоторые.

Внутренняя валентность может быть сопоставлена с синтаксической («внешней») валентностью слова, «поскольку непосредственно сопоставляющие его основы обладают определенной - формальной и семантической избирательностью» [2, с. 15-16].

Этой точки зрения придерживается и профессор О. М. Соколов. Он определяет внутреннюю валентность как «совокупность мотивационных связей, ориентированных на множество различных непосредственно конституентов», т.е. основ, префиксов, суффиксов и т.д. [4, с. 11]. Эти мотивационные связи и условия их реализации еще недостаточно ясны, поэтому, считает О. М. Соколов, построению словаря префиксальной валентности должна предшествовать работа, связанная с выделением в пределах лексемы контекстно обусловленных значений, релевантных для префиксального селектирования (избирательности) [5, с. 86]. Условия осуществления такой избирательности чрезвычайно многообразны. Они носят не только интралингвистический, но и экстралингвистический характер.

Профессор О. М. Соколов предложил следующий план анализа избирательных связей префиксов с мотивирующей основой глагола: 1) выделение группы глагольных беспрефиксных многозначных лексем, в рамках которой прослеживаются все случаи префиксальной дивергенции; 2) анализ структурных условий, в которых существуют префиксально-глагольные образования (по своей сущности, пишет профессор О. М. Соколов, эта процедура соответствует установлению квантиitatивного количества мест при глаголе). Такой подход оказался тесно связанным с установлением характера фазовой конфигурации и с определением лексико-семантического статуса именных партнеров [5, с.87]; 3) анализ семантических условий и различий, определяющих различия префиксальных валентных связей; 4) введение

дополнительных показателей, влияющих на префиксальную избирательность. В качестве таких показателей О.М. Соколов называет:

- суффикс **-И-ТЬ**, с которым наиболее часто связывается значение переходности;
- суффикс **-Е-ТЬ**, с которым наиболее часто связывается значение непереходности;
- суффикс **-НУ-ТЬ** как показатель совершенного вида и др.

Большое значение среди факторов, влияющих на префиксальную валентность имеют характер мотивирующей основы самого глагола, его семантика, основные категориальные признаки и характер синтаксического окружения. Обе основные тенденции явно связаны друг с другом и взаимозависимы, поэтому можно сделать вывод о наличии валентности не только у глаголов, но и других частей речи.

В настоящее время в понятие валентности включаются синтаксический, лексический, а также фонетический, фонологический и морфологический языковые уровни. Функционируя в языке в качестве единицы, которая обладает определенной внешней валентностью, слова в то же время могут обладать и внутренней валентностью. Внутренняя валентность – закономерность соединения составляющих элементов, т.е. элементов лексической основы слова. Внутренняя валентность связана с оформлением мотивации слова, а именно ее зависимостью от соответствующей словообразовательной модели и значения непосредственно составляющих основ. Возможность соединения тех или иных аффиксов с теми или иными основами при словоизвлечении, а также тех или иных компонентов при словосложении – морфологическая валентность. В морфологической валентности при аффиксации можно говорить в том случае, если те или иные аффиксы в той или иной части речи соединяются с основами определенной частей речи. Внутренняя семантическая валентность отражает экстралингвистические факторы, т.е. лексические единицы – основы слов и словообразовательные морфемы, которые обладают лексико-категориальными значениями. Здесь следует сказать о диффузности связей между непосредственно составляющими основы в сравнении со связями при внешней валентности (т.е. между лексемами). Однако, учитывая значительное число возможных отношений между непосредственно составляющими, приблизительно можно выявить семантическую внутреннюю валентность. Иначе говоря, внутренняя валентность устанавливается на основе семантико-мотивационного сближения лексических единиц речи.

Валентные свойства глагольных основ находятся в тесной зависимости от их морфемной структуры. Многокомпонентность семантической структуры глагольного слова производится в порядке моделирования деривационно-видовой цепи. Исходным членом этой видовой цепи является бесприставочный глагол несовершенного вида.

При соединении с определенными префиксами этот глагол порождает цепь глагольных вариантов, которые приобретают различную префиксальную валентность. С точки зрения своих словообразовательных возможностей, производящие глаголы далеко не однородны в процессе перфективации. Это определяется рядом факторов: лексическим содержанием глагола, степенью употребительности в речи, характером основы (отыменная или собственно глагольная), формальными условиями и т.д. В целом, факторы, определяющие внутреннюю валентность глагольных лексических единиц, могут быть соотнесены в четыре группы: 1) языковая норма; 2) факторы структурного порядка; 3) семантические факторы, а также существенную роль играют экстралингвистические факторы.

Определяющее влияние на валентность производящего глагола оказывает лексическое значение глагола. Например, «терминированное» значение глагола **КЛЕПАТЬ (техн.)** – имеет конкретную направленность действие на достижения результата (в отличие от его переносного значения). «Терминированное» значение этого глагола характеризуется получением потенциального результата, который связан с признаком сближения или слияния двух или нескольких предметов. Поэтому приставки ПРИ- и С- со значением «присоединения, соединения» формируют наиболее мотивационно связанные между собой противочлены: **КЛЕПАТЬ – СКЛЕПАТЬ (железнодорожные полосы); КЛЕПАТЬ – ПРИКЛЕПАТЬ (ручку к крыше)**. Необходимость в производстве этого процесса обусловливает возникновение и других приставочных образований: **ЗАКЛЕПАТЬ (болт, гвоздь), т.е. скрепляя что-нибудь, расплющить конец вбиваемого стержня; НАКЛЕПАТЬ (заплату), т.е. прикрепить к поверхности металла с помощью заклепок; РАСКЛЕПАТЬ 1 (заклепку), т.е. забивая, расплющить; РАСКЛЕПАТЬ 2 (котел), т.е. разнять, разъединить склепанное**. Глагольный мотиватор **КЛЕПАТЬ** вступает в оппозиционное окружение с префиксами С-; ПРИ-; ЗА-; НА-; РАС-. Префиксы ЗА-; НА-; РАС- в этих случаях имеют локально-результативное значение.

Переносное же значение глагола **КЛЕПАТЬ** (*клеветать*) обнаруживает иную префиксальную валентность. В видовой паре **КЛЕПАТЬ – НАКЛЕПАТЬ** префикс НА- не имеет даже оттенка значения «соединения»; **НАКЛЕПАТЬ** (*наклеветать на кого-нибудь*). Кроме того, во втором случае глагол **КЛЕПАТЬ** имеет ярко выраженную отрицательную стилистическую окраску.

«Терминированное» значение глагола **КОВАТЬ** (*техн., ох-во*) – *ударом молота придавать какую-нибудь форму* (*куску металла*) и *набирать подковы* – отличается от переносного значения этого глагола также получением потенциального результата действия интенсивным физическим воздействием на предмет. Префикс ПОД- со значением «изменения формы, соединения» создает видовую пару: **КОВАТЬ – ПОДКОВАТЬ** (*кусок металла, коня*). Образования же от этого глагола с префиксами ЗА-; ПРИ-; ПЕРЕ-; РАЗ- имеют иные локально-результативные значения: **ЗАКОВАТЬ** (*ковкой повредить ногу лошади*); **ПРИКОВАТЬ** (*заковав, прикрепить к чему-нибудь*); **ПЕРЕКОВАТЬ** (*определить ковкой, т.е. преобразовать в иной характер*); **РАСКОВАТЬ** (*сплющить ковкой железо, освободить от подков*).

Глагол **КОВАТЬ** в значении «деятельно участвовать в создании чего-нибудь» имеет иную префиксальную валентность. В видовом противопоставлении **КОВАТЬ – ПОДКОВАТЬ** префикс ПОД- уже не содержит значения «интенсивного физического воздействия». Приставок с локальным значением в этих образованиях не обнаруживается: **ПОДКОВАТЬ** (*кадры*); **ПЕРЕКОВАТЬ** (*перевоспитать*).

Различную префиксальную валентность обнаруживает глагол **ГНАТЬ** в сочетании с префиксом ПЕРЕ-. «Терминированное» значение глагола **ГНАТЬ** (*хим., техн.*) – *добывать посредством перегонки* – в корне отличается от его «бытового» значения: **ГНАТЬ 1 – ПЕРЕГНАТЬ** (*спирт*); **ГНАТЬ 2 – ПЕРЕГНАТЬ** (*стадо овец*).

Глагол **ШЛИФОВАТЬ** (*техн.*) с префиксом ОТ- создает видовую пару, однако с префиксом СО-, ПРИ- формируется новый лексико-семантический вариант.

Сравним: **ОТШЛИФОВАТЬ** (*обрабатывать поверхность металла, дерева трением для придания гладкости*), **СОШЛИФОВАТЬ** и **ПРИШЛИФОВАТЬ** (*шлифуя, плотно подогнать одну поверхность к другой*).

То же можно сказать и о глаголе **ВАЛЬЦЕВАТЬ** (*техн.*) – *прокатывать, пропускать между вальцами*; **ВВАЛЬЦЕВАТЬ** (*трубы разные по диаметру*); **НАВАЛЬЦЕВАТЬ** (*один деталь на другую*); **РАЗВАЛЬЦЕВАТЬ** (*трубы по диаметру*).

Глагол **ФИЛЬТРОВАТЬ** (*хим.*) – *пропускать через фильтр*. (**ФИЛЬТРОВАТЬ** воду) вступает в оппозиционные отношения с четырьмя префиксами НА-; ОТ-; ПО-; ПРО-. **НАФИЛЬТРОВАТЬ** (*отфильтровать много чего-либо*); **НАФИЛЬТРОВАТЬ** *вседро бензина*. **ПОФИЛЬТРОВАТЬ** (*фильтровать в течение какого-либо времени*); **ПОФИЛЬТРОВАТЬ** *около часа*. **ОТФИЛЬТРОВАТЬ** (*завершить действие*); **ОТФИЛЬТРОВАТЬ** *раствор*. **ПРОФИЛЬТРОВАТЬ** (*пропустить через фильтр*); **ПРОФИЛЬТРОВАТЬ** *воду*. Сфера употребления глагола **ФИЛЬТРОВАТЬ** ограничена, поэтому употребление его спрефиксами затруднено.

Глагол **ФАРШИРОВАТЬ** (*кулин.*) – *начинять фаршем, приготовлять, кладя внутрь фарша* (**ФАРШИРОВАТЬ** *рыбу*) вступает в оппозиционное окружение с тремя префиксами ЗА-; НА-; ПО-: **ЗАФАРШИРОВАТЬ** (*наполнить фаршем*); **ЗАФАРШИРОВАТЬ** *рыбу*; **НАФАРШИРОВАТЬ** (*начинить чем-нибудь, набить, наполнить начинкой*); **НАФАРШИРОВАТЬ** *перец*; **ПОФАРШИРОВАТЬ** (*фаршировать в течение какого-либо времени*); **ПОФАРШИРОВАТЬ** *в течение часа*.

Учитывая фактор структурного порядка, т.е. переходность/непереходность при анализе валентных свойств глаголов-терминов, следует сказать, что переходные глаголы отличаются высокой степенью обрзования префиксальных лексико-семантических вариантов: **ЖАТЬ** (*спорт.*); **ВЫЖАТЬ** (*спорт.*); **ЗАЖАТЬ** (*техн.*); **НАЖАТЬ** (*техн.*). Предельность/непредельность, наличие и взаимодействие категорий направленности действия на достижение результата и характер процессуальности определяют префиксальную валентность глагола. Предельные беспрефиксные глаголы, соединяясь с той или иной приставкой, образуют соответственные видовые противопоставления, от семантического варьирования зависит морфемная валентность слова.

Как показывают результаты исследования, основы предельных глаголов характеризуются более узкой конкретной специализацией. Семантика СВ выражает достижение критической точки, когда действие, исчерпав себя, должно прекращаться:

**ТОЧИТЬ (техн.) – ОБТОЧИТЬ (деталь вокруг) – ЗАТОЧИТЬ (конец детали);
ФУГОВАТЬ (спец.) – ПРИФУГОВАТЬ (пристрогать фуганком дверь) – СФУГОВАТЬ
(плотно пригнать кромки досок).**

Исследованный материал подтверждает, что различные валентные свойства проявляются при видообразовании, особенно ярко видно в перфективации. Так, большинство глаголов-терминов характеризуется присоединением префиксов ПРИ-; НА-; ЗА-; С-; ОТ-; РАС-; ПРО-; АФФИНИРОВАТЬ – ПРОАФФИНИРОВАТЬ (техн.); ВЕРСТАТЬ – СВЕРСТАТЬ (полигр.); ГИДРИРОВАТЬ – ПРОГИДРИРОВАТЬ (хим.); ГРИМИРОВАТЬ – ЗАГРИМИРОВАТЬ (ис-во); ДЕЛИТЬ – РАЗДЕЛИТЬ (матем.); КАНИФОЛИТЬ – НАКАНИФОЛИТЬ (ис-во); КОПИРОВАТЬ – СКОПИРОВАТЬ (физика); КОНСЕРВИРОВАТЬ – ЗАКОНСЕРВИРОВАТЬ (спец.); ГОФРИРОВАТЬ – НАГОФРИРОВАТЬ (спец.); БАЛАНСИРОВАТЬ – ОТБАЛАНСИРОВАТЬ (техн.); БРАКОВАТЬ – ОТБРАКОВАТЬ (спец.); ОКУЛИРОВАТЬ – ПРИОКУЛИРОВАТЬ (с/х); ТАБАНИТЬ – ПРИТАБАНИТЬ (спец.); ПЯТЬ – НАПЯТЬ, ПРИПЯТЬ, СПАТЬ, ОТПАТЬ (техн.); ПИКИРОВАТЬ – РАСПИКИРОВАТЬ (с/х); ФРЕЗЕРОВАТЬ – ОТФРЕЗЕРОВАТЬ (техн.); ТОЧИТЬ – ОБТОЧИТЬ, ЗАТОЧИТЬ, ОТТОЧИТЬ, ПОДТОЧИТЬ (техн.).

Некоторыми для глагольной терминологии являются приставки О(ОБ)-; ПРО-; СО-; ЛИЦЕВАТЬ – ОБЛИЦЕВАТЬ (стр-во); РЕЗАТЬ – ПОДРЕЗАТЬ (с/х); ТЕСАТЬ – ОБТЕСАТЬ, ЗАТЕСАТЬ, ПОДТЕСАТЬ (техн.); СТРОИТЬ – ПОДСТРОИТЬ, СОСТРОИТЬ, ОБСТРОИТЬ (техн.).

Значение префикса нередко обусловлено функционально, т.е. семантика его обычно является следствием функциональной приспособляемости и связана с определенным контекстуальным окружением.

Рассмотренный языковой материал свидетельствует о том, что мотивационные связи представляют собой связи внутренней валентности, и возникают они на основе видов внутриморфемного взаимодействия.

Наблюдения показывают, что отдельные приставки (т.е. словообразовательные модели) объединяют значительное число возможных отношений между непосредственно составляющими.

Выделение валентных особенностей глаголов-терминов является характеристикой функционирования словообразовательных приставок особенно в плане дальнейших перспектив их реализации при развитии словарного состава.

Таким образом, многие глаголы-термины в сочетании с определенными префиксами создают регулярные ряды семантических противопоставлений, т.е. лексико-семантические варианты, которые свидетельствуют о различной префиксальной валентности, особенно при перфективации. Лексическое значение глагола оказывает главное влияние на валентность производящего термина. Значение приставки обуславливает его "внешнюю валентность".

Валентностные отношения глаголов-терминов подчиняются общим законам образования глаголов современного русского языка. Это еще раз доказывает то, что глагольная терминология – это самостоятельное, отдельное понятие, которое представляет собой самостоятельную функциональную разновидность литературной лексики современного русского языка.

Литература

1. Тулина Т.А. О двоякой сочетаемости некоторых русских глаголов. // РЯВНШ, 1974, № 4. – С.74-76.
2. Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. – М.: Высшая школа, 1978.- 258 с.
3. Степановап М.Д. Проблема теории валентности в современной лингвистике. // НДВНШ, 1973. – № 6. – С. 12-22.
4. Соколов О.М. О факторах, определяющих внутреннюю валентность глагола.// Актуальные проблемы лексикологии. Доклады лингвистической конференции конференции. Часть I. – Томск, 1971.-С.10-17.
5. Соколов О.М. О построении словаря префиксальной валентности. // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, Изд-во ТГУ, 1976. – С.75-90

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ НАИМЕНОВАНИЙ ПРАВИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВА В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА.

Захарова Л. Н., преподаватель КМУ

В методике преподавания русского языка как иностранного изучение художественного произведения имеет давние традиции. Художественная литература является одним из источников ознакомления иностранных учащихся с национальной культурой. И несомненно, что центром русской культуры является Пушкин, который вобрал в себя все прошлое и будущее России. [1, 2]. Он – один из величайших художников мира. Между тем творчество Пушкина не всегда попадает в поле зрения иностранного читателя, замечено недостаточное знание, недопонимание произведений поэта. [3, с. 155]. И данная работа – одна из попыток помочь раскрыть глубинный смысл пушкинской поэзии при изучении русской литературы в иноязычной аудитории. Обращение к прагматике слова – основной путь в таком виде анализа текста.

В понимании прагматики мы следуем за Ю. Д. Апресяном. Он определяет ее как информацию, фиксирующую отношение говорящего к ситуации, о которой идет речь [4, с. 53]. Но предмет прагматики, как и ее дефиниция, еще не определены. Ясно лишь одно – прагматика связана с реальным употреблением, функционированием единиц разных уровней языка в тексте, где они приобретают функциональную значимость. Часто прагматическую информацию полнозначного слова именуют коннотациями. Н. Г. Комлев выделяет четыре типа таких коннотативных смыслов, которые объединяют всю "непрямую информацию" слова [5, с. 147]. Самый главный из них – текстовая коннотация. В. Н. Шаховский отмечает, что явление коннотации является наименее изученным в языкознании.

В современной лингвистике существует несколько направлений изучения коннотативного значения: 1) семиотическое; 2) психолингвистическое; 3) собственно лингвистическое, в пределах которого выделяются: а) стилистическое, б) семантическое, в) страноведческое (культурологическое). Наша цель – исследование коннотативного компонента как элемента страноведческого знания. По справедливому замечанию Н. Г. Комлева, эта фоновая семантическая доля может дополнять сведения об объективно существующей реалии сведениями о ее национальной специфике [5, с. 123].

При изучении семантики слова важным является компонентный анализ, то есть разложение значения слова на семы, а также поиск общих смыслов на уровне языковой абстракции – семантем (Ж. П. Соколовская). Данные инварианты смыслов характеризуются иерархически расположенным набором определенных сем. В работах Ж. П. Соколовской также отмечается, что каждое значение слова (семема) нуждается в отдельном анализе, так как в тексте слово выступает в одном из своих значений. Но коннотация не является частью материальной структуры слова, ее компоненты создаются лишь в определенном контексте (что связано с отсутствием однозначного определения). Особенно важно учитывать это при восприятии художественного текста иностранцами, изучающими русский язык. Ведь коннотативный компонент отражает социально-психологические оценки народа-носителя языка, на его основе семема включается в процессы образования различных тропов.

Задача данной статьи – показать особенности функционирования слов-номинаций правителей государств в лирике А. С. Пушкина. Нами выделено 11 семем, содержащих семантический компонент "представитель высшей государственной власти (см. рис. 1).

На основе компонентного анализа определены два инварианта смыслов данных единиц, различающихся видосемой второго порядка: наследственность – ненаследственность власти (см. рис. 1). Первая семантема с основным вариантом монарх включает в себя интегральные семы "единоличный", "глава государства", " получающий власть, как правило, в порядке наследования". Данный вариант не имеет индивидуальных признаков. Все остальные включают дифференциальные семы. Это важно показать, так как иностранцам сложнее всего определять различия между близкими синонимами. Варианты первой семантемы различаются по наличию или отсутствию стилистической окраски. Стилистически нейтральные семемы имеют в своем составе интегральную для них сему "титул монарха". Это лексико-семантические варианты: царь, король, император, князь. Наиболее частотная семема "царь" имеет ядерный компонент "общее именование главы какой-либо страны", а также "титул монарха в некоторых государствах". Страноведчески значимым является дифференциальный признак "титул

правителя русского государства в средневековье, принятый Иваном Грозным (византийская традиция)", а также приведенный в иллюстрациях в словаре В. Даля, относящийся к коннотативной семантике "бытовое именование русского императора".

<u>Видосема 1</u>	<u>Представитель высшей неограниченной власти</u>
<u>Видосема 2</u>	<u>1 семантическая единица</u>
	<u>2 семантическая единица</u>
(наследственность власти)	(ненаследственность власти)
монарх (основной вариант)	тиран
<u>Видосема 3</u>	<u>Со стилистическим окр.</u>
	<u>Без стил.окр.</u>
<u>Видосема 4</u>	<u>Нейтральная Негативная царь, король,</u>
властитель, государь	деспот
властелин, владыка	император, князь

Рис. 1

В лирических произведениях варианты семемы часто употребляются с определениями-приложениями, актуализирующими нужные семы. Проследим за функционированием семемы "царь". Важной деталью является именование Пушкиным Александра I царем, хотя со времен Петра I Россия стала империей. И действительно, императоры в поэзии Пушкина – личности необычные, выдающиеся – Петр I, Наполеон. Тогда как в именовании Александра I выделяется вышеуказанный компонент ("бытовое именование русского императора"), который содержит намек на обыденность существования этого монарха и его деяний. Обращение к поэзии пушкинского времени (К. Рылеев, В. Кюхельбекер) говорит о том, что именование царь со скрытой отрицательной экспрессией не имело литературной традиции. Пушкин здесь скорее следует народной традиции именования монарха, хотя и не исключается скрытая оценка.

Для характеристики личности Александра I особое значение имеют определения. Так, в стихотворениях 1815 г. "Александру", "Наполеон на Эльбе" и др. поэт называет его нашим царем, добрым царем, царем-спасителем. В этих ранних произведениях отразились иллюзии, захватившие даже передовые круги общества, о первостепенной роли царя в спасении России, освобождении Европы и надежды на политические перемены. Важно отметить, что стихотворение "Александру" написано Пушкиным по заказу директора департамента министерства народного просвещения И.И.Мартынова. И одилические восхваления Александра I в стихах подобного рода были обязательны. В более поздних произведениях ("Была пора" 1836 г.) Пушкин по-другому оценивает роль монарха в победе, хотя и говорит о его твердости: "царь суровый и могучий". Негативное отношение поэта к монарху обусловлено личными качествами Александра I: слабоволием, недальновидностью, честолюбием. Одни и те же определения в разных контекстах придают разную экспрессивную оценку сочетанию. Для сравнения приведем примеры из стихотворений разных лет. "Александру" 1815 г.: "И ныне ты к сынам, О царь наш, возвратился И край полуночи Восторгом озарился." Здесь царь и народ находятся как бы в отношениях родства, что было особенностью устройства русского государства с древнейших времен. В России не было оппозиции царской власти, вся страна мыслилась как одна большая семья. Во главе ее стоял царь-отец [6, с. 37]. Следующий пример, эпиграмма "На Александра" 1820-26 гг.: "Воспитанный под барабаном Наш царь лихим был капитаном: Под Австерлицем он бежал, В двенадцатом году дрожал". В этом отрывке местоимение наш обозначает просто принадлежность к нашему государству. Сама по себе предикация к семеме "царь" – наш. Оно не заключает особого смысла, но актуализирует различные семы: в первом случае – сила монарха от народной поддержки, во втором же – ирония по поводу парадомании царя.

Определения-приложения порождают коннотации к семеме царь, усиливающие экспрессивность именования. В стихотворении "Сказки" (NOEL): "Пора уснуть уж наконец, Послушавши, как царь-отец, Рассказывает сказки". Так говорит Мария младенцу Иисусу. А сказки "земного бога" о будущей конституции в России. В 1818 г. поэт уже не верит в обещания "просвещенного монарха", но использует традиционный для народной поэзии эпитет наименования царя, заботящегося о всеобщем благе. Весь фон произведения "Сказки" и его жанр придают номинации правителя и его деятельности ироническую окраску.

Особое место в творчестве Пушкина занимает личность Петра I, тема истории этого времени. Лирические жанры не предполагают широкого описания и глубоких выводов об эпохе, ее деятелях. Здесь Пушкин лишь касается темы царя Петра, не говоря о негативных сторонах деятельности монарха. В сочетании с определениями «великий, русский» именует поэт Петра I царём, прославляя его деяния. Это и строительство новой столицы и прославление ратных подвигов: "Что пишет царь великий в Петербурге-городке" ("Пир Петра I"); "День, как жизнь своей державы, спас от Карла русский царь" (там же). В иностранной аудитории важно отметить, что Пушкин использует синонимы в наименовании Александра I и Петра I, но вкладывает в них разный смысл. Главное отличие между ними в силе духа, таланте Петра как государственного деятеля, полководца.

Семантические параллели с семемой "царь" имеет семема "король" – "государь, управляющий королевством" [7, т. 2, с. 332]. Здесь необходимо обратиться к национально-культурной семантике: "король" – по данным словаря М. Фасмера "заимствовано из имени Карла Великого" [8, т. 2, с. 427]. Отсюда и специфика именований западноевропейских монархов у Пушкина в стихотворениях "Родик", "Песни западных славян".

Семема "император" связана с именованием правителя крупной монархии (со времен правителя Рима Августа) [8, т. 2, с. 386] и переводится с латинского как "повелитель, полководец". Действительно, появление империй связано с колониальными захватами. Данная семема содержит дифференциальный признак – "участие в захвате колоний". В поэтическом контексте служит указанием на прославленного завоеваниями монарха. Так у Пушкина именуются только значительные, по мнению поэта, личности: Петр I, Наполеон. При этом отмечается резкое неприятие молодым поэтом Бонапарта (ода "Вольность"). В сказочной поэме "Бова" (1814 г.) в метафорическом образе царя Дадона изображен Наполеон – "Эльбы император". Деятельность остальных правителей (Павла I, Екатерины II и т.д.) не представляется для Пушкина столь великой. Нужно отметить особое отношение поэта к Екатерине II, о которой он пишет в возвышенном стиле. Она прославила свое царствование не столько завоеваниями, сколько мирными великими деяниями, это Пушкин выделяет в ее именовании: "Когда под скипетром великия жены венчалась славою счастливая Россия" ("Воспоминания в Ц. С."). В следующем отрывке поэт называет царицу монархиней, актуализируя интегральную сему "неограниченность власти": "В глазах монархини сатирик превосходный невежество казнил в комедии народной" (о Д. М. Фонвизине "Послание цензору"). Данные истории говорят о том, что во времена Екатерины II была усиlena монархическая форма правления.

Последняя в ряду "титулов" (см. рис.) семема "князь". Видосема первого порядка (именование представителя высшей государственной власти) в ней не является ядерным компонентом: "глава племени, рода, вождь военной дружины, с развитием феодализма высший представитель феодалов" [6, т. 5, с. 124]. Словарь Даля представляет страноведческую информацию из русской истории: "правитель русского государства до Ивана 4, великий князь" [7, т. 2, с. 454]. В иллюстрациях мы находим сему, связывающую семему "князь" с более поздними временами – "сан всех членов императорского дома, титул дворян". Но эта сема выходит за рамки семантемы (не высший руководитель). В поэтических произведениях мы находим эту семему в стихотворении "Песнь о Вещем Олеге" в функции именования главы древнерусского государства – князя Олега. Сравнив варианты семантемы "царь", "император", "князь", можно сделать вывод об отличии их по времени правления.

Обратимся к стилистически окрашенным вариантам семантемы, их анализ является очень важным для иностранцев. Среди таких семем выделяется две группы по различию в видосеме 4 (см. рис.): нейтральная и отрицательная оценка представителя высшей власти. Первая семема – "государь" занимает промежуточное положение и связана с основным вариантом семантемы – "монарх". Доказательством этому является набор ядерных сем: "глава монархического государства, царь, император" [9, т. 6, с. 236]. Словари зафиксировали и другие признаки: "всякий светский владыка, владетельная особа и учтивое обращение к такой особе" [7, т. 2, с. 456], а также близость по происхождению со словом "господь" [8, т. 2, с. 235]. На основании последних признаков семема сближается со стилистически возвышенными вариантами, такая она является в поэзии Пушкина: "Годовщину ли Полтавы торжествует государь" ("Пир Петра Великого"). Семема здесь выступает в окружении слов, принадлежащих к книжному, возвышенному стилю. Пушкин акцентирует внимание на коннотативной семе: "талантливый военачальник, глава государства". Также государем называет поэт и Александра I как человека

либеральных убеждений в области цензуры: "Сам государь велит печатать без тебя" ("Послание цензору") и поэзии: "...и твердо верю, что Бог простит мои грехи, Как государь мои стихи" (Там же). Эти строки сближают значения семем "государь" и "благодетель". Они придают новое значение слову "государь" – "человек, умеющий прощать, дарить милость". Следующие три семемы очень близки по значению и функционируют в возвышенной поэтической речи – "владыка", "властитель", "властелин". Различия между ними прежде всего в сочетательных возможностях, а также в расстановке сем. Семема "властитель" – "обладающий властью, оказывающий сильное влияние на кого-либо" [7, т. 1, с. 85], лишь частично является вариантом семанты 1. Видосему 1 здесь можно найти на периферии. "Властитель", "владыка" образованы от разных слов – " власть" и "владеть". Слово "власть", которое пришло из церковнославянского языка и обозначало "волосъ" (государство, область) [8, т. 1, с. 89]. На значение семемы владыка оказывает влияние его лексико-семантический вариант: "архиерей, титул архиерея" [9, т. 1, с. 79]. Наличие семы "духовная власть" отличает данную лексему от синонимичной "властелин" – "неограниченный или верховный правитель" [9, т. 2, с. 147]. Дизъюнктивные семы "неограниченность" или "верховность правления" позволяют отличить семемы "властелин", "властитель".

Особенностью функционирования в пушкинском контексте следующего варианта "владыка" является образование дескрипций. Это касается именований Александра I и Наполеона: "Владыке полуночи Владыка Запада грозящий предстоял" ("Недвижный страж" 1824). Особое внимание акцентируется на значении обладания территорией, людьми, ее населяющими. Но здесь не только политическая или наследственная власть, но и духовная. Известно, что Наполеон был кумиром для многих просвещенных людей мира, так же как и Александр I для русских во время Отечественной войны. Во всех контекстах семема "владыка" окружена словами с возвышенной окраской, как правило церковнославянского происхождения. Это придает номинации и обстановке торжественный характер, так как от деятельности правителя зависят судьбы людей: "И делу своему владыка сам дивился" ("Недвижный страж") и "И умер бедный раб у ног непобедимого владыки" ("Анчар"). Таким образом Пушкин обогащает значение семемы, выделяя такие дифференциальные признаки, как "жестокость самовластия", "пренебрежение интересами обычного человека".

По-иному представлен в лирике Пушкина синоним слова "владыка" – "властитель". Данная семема содержит компонент "сила" (политическая) от имеющейся власти. Эту сему поэт заменяет антонимичной в изображении Александра I: "Властитель слабый и лукавый" ("Евгений Онегин" гл. 10). Это сочетание содержит уничижительную оценку Пушкиным царя как личности вялой, безынициативной, честолюбивой. Если русский царь не способен, по мнению поэта, полноценно управлять страной, то Наполеон это умеет. Однако, его власть основана на подавлении воли других, на насилии, что породило большое сопротивление: "исчез властитель осужденный, могучий баловень побед" ("Наполеон"). Здесь поэт обращает внимание на то, что Наполеон удерживал власть благодаря колониальным захватам. Следовательно, наблюдается совмещение значений лексико-семантических вариантов двух слов "властитель" и "император".

Как было уже отмечено, семема "властелин" близка к основному варианту семанты (монарх), но с отличием в стилистической окраске. Так она предстает у Пушкина в "Песнях западных славян": "Будь над Боснией моей ты властелином", то есть единоправным владыкой. Аналогично и в именовании Александра I ("К бюсту завоевателя" 1829): "Не даром лик сей двуязычен, аков и был сей властелин". Речь идет об описании бюста монарха: на устах – улыбка и гнев на "хладном лоске чела". Таким образом, подчеркивается жестокость неограниченной власти, тем более, если она в руках двуличного человека.

От данных стилистически возвышенных семем отграничено слово "деспот" по признаку отрицательной эмоциональной окраски. Оно включает в себя набор сем, обязательных для семанты "представитель высшей государственной власти" и содержит дифференциальный признак, негативную сему "действующий не на основании законов, а по своему произволу" [9, т. 3, с. 132]. Интересно, что лексема заимствована из древнегреческого языка в значении "повелитель, господин" без негативной окраски и лишь через посредство западных языков появилась отрицательная экспрессия. Немалую роль в этом сыграла полисемия лексемы "деспот", где второе значение "человек, не признающий чужой воли и желаний" [9, т. 3, с. 132]. В стихотворении "Сказки" Пушкин говорит о сути политики Александра I и его либеральных

обещаний: "Ура! В Россию скачет Кочующий деспот. Спаситель громко плачет, а с ним и весь народ." Это уже не просвещенный монарх, а человек, подчиняющий все своему произволу.

Синонимичной в одном из лексико-семантических вариантов семеме "деспот" является семема "тиран". Однако, как отмечено выше, она образует другую семанту и отличается от первой видосемой 2 "ненаследственность верховной власти". Данный вариант "тиран" имеет, по данным словаря М. Фасмера, сему "пришедший к власти путем переворота", заимствованную вместе с понятием из греческого языка. Так, "тираном" неоднократно именуется Наполеон: "Европа свой расторгла плен, во след тирану полетело, как гром, проклятие племен" ("Наполеон"). Сказочные сюжеты ("Бова") продолжают тему законности власти. Царь Дадон пришел к власти, "убив царя законного Бенкидора Слабоумного". Сочетание "царь законный" – своеобразная тавтология. Обязательным для семемы "царь" является компонент "законность" и "наследственность власти", а имя прилагательное "законный" имеет то же значение "на основании закона". Далее история о Бове помогает расшифровать строки о захвате Дадоном власти. Он был прозван "тираном неусыпным". Намек на конкретную историческую личность заключен в именовании Дадона "Эльбы императором". Таким образом, представленный анализ художественного текста в иноязычной аудитории поможет показать дифференциацию в употреблении именований-синонимов, и прежде всего – в стилистическом плане. Исследование языкового материала, его функционирования в поэтическом контексте помогает выделить в данных семемах фоновые коннотативные смыслы, имеющие страноведческую направленность. Все это служит определенной цели – более глубокому пониманию поэзии А. С. Пушкина.

Литература

1. Новикова М. А. Пушкинский космос: Языческие и христианские традиции в творчестве Пушкина – М.: Наследие, 1995. – 353 с.
2. Мейлах Б. С. Творчество А.С.Пушкина. Развитие художественной системы. – М., Наука, 1984. – 289 с.
3. Тамарченко Е. Д. Факт бытия в реализме А.С.Пушкина – М., Наука, 1994. – 240 с.
4. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 366 с.
5. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова – М.: Изд-во МГУ, 1960. - 191 с.
6. Коровин В. И. Размышления Пушкина о русской и западноевропейской истории как фен "Бориса Годунова" // Фил. науки -- 1995. -- 5 – 6 – с. 35-40.
7. Даляр В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Рус. яз., 1989 – 1981.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т./ Пер. с нем. и доп. Трубачёва О. Н. – 2-е изд., М.: Прогресс, 1886. – 1987.
9. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / Под. ред. Бабкина А. М. – М.- Л.: Наука. - 1950-1965.

СЕМАНТИКА ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННО-ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНТАМИНАНТОВ И ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СЛОВАРЯХ

Калугина Т. В., преподаватель

Стаття присвячена актуальним проблемам лексикографічного опису зaimenників негативного семантичного розряду титу *некого, негде*.

*This article is devoted to the lexicographical description of the negative pronouns such as *некого, негде* and their actual problems.*

Одним из интересных семантико-функциональных классов слов являются отрицательные местоимения. Объясняется это оригинальной семантикой этих местоимений, их особым положением в системе прономинальной лексики. Местоимения, или прономинативы, рассматриваются в настоящей работе в широком понимании термина, с включением в их состав и так называемых «местоименных наречий». К отрицательным местоимениям с учетом широкого понимания термина «местоимение» мы относим следующие прономинативы: *никто, ничто, никакой, ничей, некоторый, несколько, нигде, никуда, ниоткуда, никак, никогда, низачем, ниточему, ниотчего, нинасколько*. Традиционно слова *некого, нечего, некогда, незачем, негде, некуда, неоткуда* включают в разряд отрицательных местоимений на основании имеющейся отрицательной семантики. На различия в семантике и особенно грамматике этих слов и традиционно выделяемых отрицательных местоимений внимание обращалось и ранее, но впервые четко разграничила их, выделив из состава местоимений с отрицательным значением, Е. Н. Сидоренко [1, с.60].

В предложенной автором теории контаминаントов [2, с.85] эти слова занимают особое место. Слова типа *некого, нечего* и подобные выделены в самостоятельную группу — прономинально-предикативные контаминанты, совмещающие признаки местоимений и безлично-предикативных слов. При отнесении слова к контаминантам, то есть к словам, совмещающим в некоторой пропорции (иногда в трансформированном виде) дифференциальные признаки двух частей речи, необходимо установить в каждом конкретном случае соотношение этих дифференциальных признаков. Цель данной статьи — выявить корреляцию слов типа *некого* с безлично-предикативными словами и отрицательными местоимениями с приставкой *ни-* на семантическом уровне, что важно не только для грамматики, но и для лексикографии.

Одним из важнейших признаков при классификации частей речи является способ отображения объективной действительности. Безлично-предикативные слова существенно отличаются этим от местоимений. Они относятся к полнознаменательной лексике. Отображая действительность номинативным способом, безлично-предикативные слова обладают определенным, закрепленным за ними вещественным содержанием. Местоимения же отображают действительность прономинально, их значение переменно, зависит от контекста и ситуации (например, *никто — ни он, ни друг, ни родственник* и так далее).

На изменение способа отображения у словоформ, обладающих признаками слов категории состояния, обратила внимание О. П. Ермакова, которая пришла к выводу, что «все словоформы этого типа имеют модальное лексическое значение, синонимичное слову *надо*, с отрицанием выраженным или скрытым» [3, с.147]. Она также считает, что в данном случае наблюдается процесс депрономинализации, поскольку у словоформ такого типа появляются определенные, не зависящие от контекста лексические значения, синонимичные значениям знаменательных слов [3, с.147].

Рассмотрим семантику конкретных прономинально-предикативных контаминаントов.

НЕКОГО. Категориально соотносится с именем существительным и имеет общее категориальное значение предметности и частное категориальное значение лица: Телефон, по которому *некому* позвонить, — чудовище, генератор, вырабатывающий и излучающий тоску (Солоухин). По способу отображения этот контаминаант объединяется с местоимениями, так как не обладает закрепленным вещественным содержанием. Приставка *не-* имеет значение отсутствия, корень передает значение лица (объекта действия). Но в отличие от отрицательных местоимений местоименно-предикативный контаминаант имеет и модальное значение, отмеченное А. Н. Гвоздевым, — значение необходимости и невозможности совершения действия [4, с.31]. Такая двойственность значения порождает затруднения при составлении словарных статей. Для описания привлекаются местоимения с приставкой *ни-*. В словаре Ожегова: 'Нет никого такого, кого бы (с кем бы и т. п.)...' [5, с.326]. В БАС: 'Нет никого, чтобы

{в сочетании с неопределенной формой глагола} [6, с.936]. В свою очередь, значение местоимения *никто* БАС определяет следующим образом: 'ни один человек' [6, с. 1316]. Если перенести это значение для определения значения *некого*, то получим 'нет ни одного человека'. Само по себе значение местоименного корня шире и включает любой одушевленный предмет, то есть лицо и крупное животное. Для значения компонент 'ни одного' не играет существенной роли, его можно заменить местоимениями *любого*, *всякого*, можно опустить.

НЕЧЕГО. Этот контамиант вызывает наибольшие затруднения при грамматическом описании, так как имеет два омонима, отраженные в словарях. *Нечего¹* и в словаре Ожегова, и в БАС определяется как 'нет ничего, что бы...' [5, с. 333; 6., с. 1266]. Как и у *некого*, значение определяется через местоимение с приставкой *ни-*. Значение *ничто* в БАС — 'ни один, никакой предмет, ни одно, никакое дело, явление и т. п.' [6, с. 1335]. Подставив это значение для *некого*, получаем 'нет ни одного, никакого предмета, дела, явления и т. п.'. Основной компонент значения местоименного корня — предмет, включающий все остальные понятия. Таким образом, *ничего¹* обозначает отсутствие предмета: И нечем было дышать среди пыли, дыма, смрада и гари, и давно уже не было сил. (Васильев)

Нечего² сопровождается грамматическими пометами: 1. В словаре Ожегова — 'в знач. сказ., с неопр.' [5, с. 3337]. 2. В БАС — 'безл. сказ. с неопр. формой глагола несов. вида' [6, с. 1266]. Эти пометы показывают синтаксическую близость к безлично-предикативным словам, то есть отмечается устойчивое изменение синтаксической функции, однако частеречная принадлежность *ничего²* не установлена. Лексическое значение именно этого контамианта в наибольшей степени приблизилось к полнознаменательным словам. Это отражает и словарь Ожегова, используя для передачи значения не другое местоимение с приставкой *ни-*, а полнознаменательные слова *не нужно*, *не приходится*, *не следует* [5, с. 333]: Машина, мол, в порядке, и *ничего* тратить время, ковыряясь попусту (Грифонов).

БАС считает *ничего²* многозначным словом, но приводит такие же значения, как и словарь Ожегова: 'не приходится, незачем, не к чему, не нужно'. Мы считаем, что корень в этом слове имеет значение цели, а весь контамиант обозначает ее отсутствие. Различие между *ничего¹* и *ничего²* проявляется на всех грамматических уровнях: *ничего¹* категориально соотносится с именем существительным и изменяется, *ничего²* категориально соотносится с наречием и не изменяется.

Словари дают грамматические пометы в соответствии с «узким» пониманием местоимений, то есть только местоимения-существительные *некого* и *ничего¹* имеют помету «местоим.». *Нечего²*, как уже говорилось, грамматически вообще не определяется. Все остальные слова с местоименным корнем и приставкой *не-* (*незачем*, *негде*, *некуда*, *некогда*) рассматриваются традиционно как наречия.

Пronоминально-предикативный контамиант *ничего¹* вошел в состав нескольких фразеологизмов: *делать нечего*, *от нечего делать*, *делить нечего*, *ничего сказать* и других. Фразеологизм *делать нечего* имеет значение 'иного выхода нет, иначе поступить нельзя'; приходится примириться с чем-либо, обычно с тем, что есть' [7, с. 131]: Прошение в уезд послать, больше и делать нечего (Белов). Фразеологизм *от нечего делать* имеет значение 'от безделья, от скуки' [7, с. 131]: От нечего делать я зашел побриться (Паустовский). У фразеологизма *ничего сказать* отмечаются два значения: 1) 'выражение согласия, подтверждения чего-либо, невозможности возразить против чего-либо'; 2) 'выражение возмущения кем-либо или чем-либо' [7, с.426-427]. Второе значение формируется при помощи конверсивной интонации: *Нечего сказать*, встретила мужа, успокоила (Абрамов).

НЕЗАЧЕМ. Основными значениями этого слова, отмеченными в словарях, являются 'бесцельно, нет смысла, надобности' [5, с. 325]; 'нет надобности, не для чего, не нужно' [6, с. 891]. Если определять по значению частей слова, то можно выделить два компонента, как и в других случаях: 1) *не-* — 'нет, отсутствие'; 2) *-зачем* — 'цель, надобность, необходимость'.

НЕКУДА. Основное значение, отмеченное словарями, — 'нет такого места, куда бы можно было идти, поместить и т. д.' [6, с. 948-949]: Катя некуда было спешить и мне тоже (Трифонов).

Этот контамиант используется во фразеологизмах довольно широко. Фразеологизм *деваться/деться некуда* имеет значение 'негде провести время, нечем заполнить время'; фразеологизм *девать/деть некуда* — 'очень много, в изобилии, в большом количестве'; фразеологизм *дальше <ехать/идти> некуда* — 'хуже того, что есть, не может быть' [7, с.275]: До упора дошел, дальше было некуда (Гринин).

НЕГДЕ. Словари дают одинаковое описание значения *негде* — 'нет места (где можно было бы что-либо сделать, расположиться и т.п.)' [6, с. 779]. Как видим, значения *некуда* и *негде* объединяются в одном — 'нет места'. Однако этого оказывается недостаточно для разграничения данных слов, поэтому далее следует придаточное предложение с союзным словом — омонимом местоименного корня. *Некуда* и *негде* вовсе не являются синонимами, как следовало бы из словарных статей. Используя определение значения *некуда* по значению местоименного корня, можно было бы снять это противоречие: *куда* — направление, *некуда* — отсутствие направления: Больше идти было *некуда* — Настена пошла к Надьке (Распутин).

Во многих фразеологических сочетаниях *негде* и *некуда* используются как синонимы: *иголку негде/некуда воткнуть, плюнуть негде/некуда, шагу негде/некуда ступить, яблоку негде/некуда упасть*. Интересен тот факт, что все эти фразеологизмы — синонимы и используются для передачи значения 'очень много, в огромном количестве', а фразеологизмы *иголку негде воткнуть, шагу негде ступить, яблоку негде упасть* являются синонимами еще и во втором значении — 'очень тесно' [7, с.274].

НЕКОГДА. Нет разногласий по поводу значения *некогда* — 'нет свободного времени' [6, с. 936]: Сейчас мне некогда читать (Паустовский). 'Нет' — значение приставки, 'время' — обобщенное значение корня.

Таким образом, лексическое значение слов *некого, нечего¹*, с одной стороны, и слов *незачем, некуда, негде, некогда*, с другой стороны, определяется словарями по-разному: для *некого* и *нечего¹* — через отрицательные местоимения *никого* и *ничего*, для остальных контаминаントов — через значение местоименного корня. Через полнознаменательные слова определяется значение *нечего²*. Общим является во всех случаях значение отсутствия, передаваемое приставкой *не-*. Это постоянный компонент значения, переменным же является значение местоименного корня. Определение этого значения должно опираться на два основных положения: 1) местоименный корень прonomинально-предикативных контаминаントов сохраняет прonomинальный способ отображения, присущий всем местоимениям; 2) местоименный корень имеет такое же категориальное значение, как и вопросительный прonomинатив: лица, предмета, цели, места, направления, времени. Мы считаем, что лексикографическое описание всей группы слов с приставкой *не-* и местоименным корнем должно быть унифицировано. В первую очередь необходимо указывать именно обобщенное, категориальное значение контаминанта: *некого* — нет лица, *нечего¹* — нет предмета, *нечего²* — нет цели, *незачем* — нет цели, *некуда* — нет направления, *негде* — нет места, *некогда* — нет времени.

Литература

1. Сидоренко Е. Н. Части речи и контаминанты в современном русском языке (к постановке проблемы) // Рус. языкоzнание. — К.: Виша школа, 1982. — № 4. — С. 58 — 64.
2. Сидоренко Е. Н. Особенности семантики и грамматики местоименно-предикативных контаминаントов типа *негде* // Исследования лексической и грамматической семантики современного русского языка. — Симферополь, 1983. — С. 85 — 94.
3. Ермакова О. П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования. — М.: Наука, 1989. — С. 146 — 157.
4. Гвоздев А. Н. Стилистическая роль местоимений // Рус. яз. в шк. — 1950. — № 6. — С. 23 — 31.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.:Русский язык, 1988. — 750 с.
6. Словарь современного русского языка. — М., Л.: Изд-во АН СССР. — 1958. — Т. VII.
7. Фразеологический словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1986. — 543 с.

М. Л. КРОПИВНИЦЬКИЙ НА КРИМСЬКІЙ СЦЕНІ

Киричок М. С., студент

Исследуется развитие украинского театрального искусства в Крыму во второй половине XIX столетия. Определяется роль М.Л.Кропивницкого в его становлении на путь реализма и народности, в утверждении национальной духовности.

The development of the Ukrainian theatrical art of the second half of the 19 c. in Crimea is researched. The role of Kropyvnytsky, his affiliation to realism and asserting the national spirituality are defined in the article.

З іменем видатного українського драматурга, геніального актора, визначного режисера, композитора, співака, художника, балетмейстера і педагога Марка Лукича Кропивницького пов'язано становлення і розвиток професійного українського театру, який своїм високим сценічним мистецтвом здобув всесвітню славу. К.С.Станіславський відносив Кропивницького до «бліскучої плеяди майстрів української сцени», які «ввійшли золотими літерами на скрижалі історії світового мистецтва» [1, с. 139]. Неабияку роль відіграв він і в утверджені реалістичних принципів у сценічному мистецтві Криму, знайомство з яким ропочалось для нього в середині 70-х років XIX століття.

Здобувши визначну акторську славу в Одеському театрі графів І.А. та Д.А.Моркових і М.П.Чернишова та попрацювавши у харківській трупі Александрова-Колюпанова і побувавши з невеличкою українською трупою в 1874 році на гастролях у Петербурзі. Кропивницький у 1875 році виїжджає до Галичини, де грає у трупі Т.Ф.Романович і в 1876 році прибуває до Криму. Чому, виникає запитання. Кропивницький обрав Сімферополь, а не якесь інше місце Російської імперії? Адже його запрошували на посаду актора і режисера багатьох російських театрів. Пропонувала свої послуги навіть «імператорська сцена». Справа в тому, що у Сімферополі жив його дядько по матері Андрій Дубровинський, який ще у 1852 чи 1853 році був заарештований, засуджений і зісланий до Сибіру. Племінник любив свого лялька, який навчав його грі на різних музичних інструментах, і хотів більш детально дізнатися про його долю. Крім того, Крим привертає увагу Кропивницького і як енергійного й талановитого артиста, що славився вмінням організовувати театральну справу. Саме отаких ентузіастів-організаторів бракувало тоді багатьох кримських труп, театрів, де зосередилося чимало випадкових акторів-невдах. Оглядаючи розвиток кримських театрів з 1876 до 1886 року, один із місцевих театрознавців у газеті «Севастопольский листок» від 2 листопада 1886 року писав: «Останнє десятиліття повинно бути відзначене, як сама похмуря історія театру... Наступила ганебна реакція в театральному мистецтві... Сцена не дає більше поживи ні розумові, ні серцю, а діє більше на почуття маси; благодійні пориви і здорові інстинкти поступаються місцем перед розгнузданою похітливістю... Ряди їх (тобто артистів – М.К.) поповнюються всякого роду невдахами і п'яніцями обох статей...».

З перших днів праці у сімферопольській трупі Л.Яковлєва Кропивницькому доводиться вести непримириму боротьбу за реалістичний репертуар, який би правдиво відображав життя народу. Він грає городничого в «Ревизорі» М.Гоголя, виконує й інші ролі в багатьох п'єсах визначних російських авторів, орієнтує кримські театри на вистави творів О.Островського, М.Гоголя та інших видатних драматургів. Місцеве населення доброзичливо ставилося до Кропивницького як артиста, так і театрального діяча, який швидко зайняв у трупі Л.Яковлєва становище провідного режисера, а преса високо оцінювала його гру.

У Криму Кропивницький займається не тільки театральною справою. Тут він продовжує писати оригінальні твори, робить переклади з творів російської літератури. Під час війни Росії з Туреччиною він завершує переклад українською мовою п'єси російського письменника І.Є.Чернишова «Испорченная жизнь», давши їй назуви «Поламане життя». В цей же час він пише злободінне віршоване оповідання «Турецька війна з слов'янами», в якому закликає всіх братів-слов'ян до єднання і боротьби з ворогом:

*Не к туркам я річ веду,
Сим клятим бусурманам,
А к сербам, болгарам
Й усім родичам-слов'янам.
Що за лихо браття,*

*Що гине не один
Од турецької війни
Несчастний слов'янин?*

Не здолавши консерватизму й бездарності артистів трупи Л.Яковлєва, яка до речі, незабаром розпалась, Кропивницький у лютому 1887 року залишив Сімферополь, виїхав в Україну і вступив до іншої трупи.

У 1886 році Кропивницький вдруге прибуває до Криму в складі трупи М.П.Старицького, яка гастролювала у Севастополі майже увесь вересень. Ще до відкриття гастролей дописувач газети «Севастопольський листок» повідомляв, що спектаклі трупи Старицького будуть захоплюючими і цікавими, оскільки в них бере участь один із найвидатніших українських артистів М.Л.Кропивницький. «Співучасть відомого артиста М.Л.Кропивницького в театральних виставах товариства ... артистів /М.П.Старицького - М.К./ надає особливої цінності цим виставам. М.Л.Кропивницький, - підсумовує рецензент, - беперечно, артист серйозний, глибоко пройнятий своєю роллю і до тонкощів знає малоросійський побут» [2].

У кримській пресі тих часів є відомості лише про три виступи Кропивницького в трупі Старицького. Він грав Йосипа Бичка у п'єсі «Глітай, або ж Павук» /Кропивницького М.Л./, Івана Карася в опереті «Запорожець за Дунаєм» /Гулака-Артемовського С.С./, Шпоньки в комедії «Як ковбаса та чарка, то минеться й сварка» /Старицького М.П./. Рецензенти і глядачі захоплювалися грою великого артиста. М.Л.Кропивницький, писав рецензент газети «Севастопольський листок», «... майстерно зображує на сцені задуманий ним тип павука-глітая... Двоєстіть цього характеру передана Кропивницьким досконало, кожне його слово, кожний жест були настільки типові, що для повної критичної оцінки гри потрібні були б сторінки...», а в ролі Івана Карася, зауважує цей же рецензент, «... пікавим і комічним був обдарований артист /тобто Кропивницький М.Л., - М.К./. Особливо ж сподобався Кропивницький глядачам і рецензентам у ролі Шпоньки, якого за висловом рецензента, він зіграв «незрівнянно» [3].

У 1889 році, рівно через три роки, Кропивницький прибуває до Криму з власною трупою, до якої входило багато відомих на той час українських артистів: Затиркевич-Карпинська, Зарницька, Ліницька, Суслов, Левицький, Сластіна-Суслова, Карпенко, Максимович, Загорський, Немченко та інші.

Гастролі розпочалися в Сімферополі 26 жовтня і закінчилися 1-го грудня 1889 року. За цей порівнянно невеликий відрізок часу було поставлено десятки спектаклів, які зачарували глядачів. Першою виставлялася п'єса «Доки сонце зайде, роса очі вийде». «Театр, - писав рецензент газети «Кримський вестник», - був переповнений і артистам зроблений дуже хороший прийом». Особливо ж милується він грою Кропивницького, який виконував дві ролі: поміщика Воронова і відставного солдата Максима Хвортуни. «Пан Кропивницький, - говориться далі в рецензії, - відразу завоював симпатію публіки своєю прекрасною, високохудожньою і осмисленою грою» [4].

Даючи огляд спектаклям «Невольник», «Глітай, або ж Павук», «Пошились у дурні», «Поревізії» та інших, рецензент газети «Кримський вестник» вважає їх «шедеврами української сцени», а всіх артистів «глибоко талановитими митцями», і особливо виділяє Кропивницького, про якого так пише: «Незмінний і великий перш за все, звичайно, сам п.Кропивницький, який у своєму високоталановитому виконанні найрізноманітніших ролей, комічних і драматичних, простаків і резонерів, - просто таки неповторний. Важко собі уявити більш досконалу у всіх відтінках і деталях своїх гру. В особі пана Кропивницького глядач бачить кожного разу на сцені не виставу, не актора, а живу постать, вихолену з самого життя, яка живе на сцені всіма фібрами своєї душі, то магічно і мимоволі приваблює... то викликає огиду» [5].

Кропивницький як артист, так і драматург, був у Криму настільки популярним, що один із місцевих театрознавців, який підписався крептонімом Л.Я.А-н, виступив у газеті «Кримський вестник» з оглядом театральної, артистичної і драматургічної діяльності Кропивницького, справедливо вважаючи його засновником українського реалістичного професіонального театру, творцем соціально-побутової драми другої половини XIX століття. У п'єсах Кропивницького, пише оглядач «... в живих особах і типах втілена така маса горя і комізму, що не піддається впливові, який викликають ці живі елементи вражень, здебільшого високохудожньо переданих, - неможливо». Були неодноразові випадки, коли на виставах малоросійських артистів дами непримотіли або впадали в істерiku, а сльози на очах мені доводилося нерідко бачити і в чоловіків» [6].

У 1891 році Кропивницький побував зі своєю трупою в багатьох містах України, виступав у Ростові-на-Дону, Новочеркаську, Таганрозі і в липні вчетверте приїхав до Криму. Біля двох місяців артисти гастролювали в Керчі, Сімферополі, Ялті. Різнобарвне і багатонаціональне населення Криму з щирою любов'ю зустрічало виступи українських митців сцени. У їхній грі вони вбачали зразки високореалістичного мистецтва, пізнавали життя українського народу, його визвольні прагнення. Крім того, трупа Кропивницького відігравала велику роль у розвиткові взаємозв'язків між українською, татарською, російською, німецькою, грецькою, болгарською й іншими культурами.

Востаннє Кропивницький приїздив зі своєю трупою до Криму у 1896 році. Гастролі відбувалися в основному у місті Севастополі з 15 вересня до 13 жовтня 1896 року. Репертуар трупи був значно оновлений і складався з 22-х драматичних творів українських авторів. Спектаклі відбувалися майже щоденно і лише зрідка через день. Артисти трупи, особливо Кропивницький, працювали з великою напругою і піднесенням. Своєю правдивою і майстерною грою вони буквально полонили севастопольських глядачів. Кожна вистава відбувалася при переповненому залі, а вихід на сцену відомих артистів, і зокрема Кропивницького, завжди супроводжувався бурхливими оплесками.

Про неповторну майстерність типізації Кропивницьким сценічних образів і його неперевершений завжди свіжий акторський хист маємо такі відгуки тогодженої преси.

«Пан Кропивницький чудово уособлює героя гоголівської повісті Тараса Бульбу. В його виконанні Бульба постає перед очима глядача характерним сколком козацтва тієї глибокої і могутньої епохи... Грим і гра п.Кропивницького не залишають бажати нічого кращого, і хто хоче бачити справжньою глинового Бульбу, повинен подивитися талановитого артиста в цій ролі...» [7].

Не всі, проте, рецензії на вистави трупи артистів Кропивницького, яка гастролювала в Севастополі, були схвальними. окремі рецензенти намагалися перешкодити зближенню і засвоєнню місцевим населенням кращих зразків української культури та розумінню ним вільнолюбивого характеру українського народу. Вони намагалися огульно ганьбити трупу, вистави, робили, отже, все можливе, щоб викликати у глядачів відразу не тільки від спектаклів трупи Кропивницького, а й до всього українського. Один із таких дописувачів шельмував на сторінках газети «Кримський вестник» славнозвісну виставу «Вій» М.В.Гоголя (інсценізація Кропивницького М.Л.), поставлену артистами трупи Кропивницького. «Взагалі, - писав він, враження від усього «Вія» - непрохідна нудьга і скуча», а в кінці рецензії сам собі заперечує, зауважуючи, що «назва п'єси (а отже і сама п'єса - М.К.) привабила масу публіки, що біля каси був прибитий давно не бачений білетик, що всі місця продані» [8]. Такі суб'ективно негативні виступи в пресі були, слід відзначити, поодинокими і вони аж ніяк не могли похитнути того міцного аторитету й поваги, які здобула трупа Кропивницького у глядачів міста Севастополя, а отже і всього Криму.

Високохудожнє, реалістичне театральне мистецтво театру Кропивницького набуло в Криму такої слави і популярності, що уже в 90-х роках XIX століття його почали наслідувати ширі прихильники української культури, українського слова. В багатьох містах Криму і, навіть у військових частинах, організовуються аматорські театральні гуртки, які успішно виставляють твори українських авторів. Так, приміром, газета «Салгір» повідомляла, що в приміщенні учбової команди 51-го піхотного полку 6-го лютого, за ініціативою поручика Мойсеєва, було дано спектакль, в якому брали участь нижчі чини. «Поставлені були дві малоросійські п'єси: «Бувальщина» і «Досвітки». Спектакль пройшов цілком задовільно і приніс велике задоволення публіці, яку становили майже всі офіцери полку з своїми родинами. Є чутка, що на масляну пропонують влаштовувати подібний спектакль, поставивши малоросійську драму «Гайдамаки» [9]. Під впливом виступів трупи Кропивницького у Сімферополі засновується товариство «аматорів малоросійського драматичного мистецтва» [10], яке успішно виставляє п'єси українських авторів, зокрема: Котляревського І.П., («Наталка Полтавка»), Квітки-Основ'яненка Г.Ф., («Сватання на Гочарівці» та «Шельменко-денщик»), Шевченка Т.Г., («Назар Стодоля»), Кропивницького М.Л., («Дай серці волю, заведе в неволю», «Пошились у дурні», «По ревізії») та інших.

Театр Кропивницького відіграв неабияку роль у становленні і розвиткові вітчизняного сценічного мистецтва. Своїм геніальним акторським хистом і драматургічною творчістю Кропивницький утверджує на сцені зразки справді народного мистецтва, яке правдиво і колоритно відтворювало побут, звичаї, мораль і психологію українського народу різних

історичних періодів. Під впливом мистецтва Кропивницького докорінно змінювалася сценічна практика кримських театральних колективів, які почали утвержуватися на засадах народності і реалізму.

Література

1. МХАТ і українська театральна культура. – К., 1949. – 439 с.
2. Севастопольський листок, 1886 від 10 вересня.
3. Там же.
4. Кримський вестник, 1889 від 29 жовтня.
5. Там же, від 2 листопада.
6. Там же, від 19 листопада.
7. Кримський вестник, 1896 від 1 жовтня.
8. Там же, від 25 вересня.
9. Салгир, 1900 від 8 лютого.
10. Салгир, 1901 від 16 січня.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

Литвинчук И. Н., аспирант кафедры

методики преподавания филологических дисциплин

В даній роботі здійснена спроба виявлення диференціальних ознак емотивних синтаксических конструкцій з затушенням методів функціонального, компонентного і психосемантичного аналізу. Завданням дослідження було з'ясувати, чи має арсенал емотивних конструкцій, різнооформлених в плані морфологічного вираження предиката, різнообразні значення «живого суб'єкту і його стану» чи володіє загальним типовим значенням. Таким чином, вивчаються можливості членів передбаченого типонімічного ряду до взаємозаміщення з відповідними відтінками загального значення в залежності від типу вираженої емоції і особливостей типової комунікативної ситуації. В ході дослідження виявлено, що даний процес обмежений відповідними структурно-семантичними умовами, тому що відмінність в оформленні формальних компонентів розглядається типів речень відображає суб'єктивну реальність, тобто характер і тип емоції, її належність до тієї чи іншої зони по шкалі оцінності, акцентує ту чи іншу сторону, відтінок почуття, виявляє ступінь інтенсивності відчуття, активність чи пасивність сприйняття. Вибір емотивних конструкцій відображає і реальні психологічні інтенції мовця, основні риси його темпераменту (психотизм, невротизм, екстраверсія/інтрроверсія).

The main purpose of the research is elucidating the differential signs of emotive syntax constructions (EC) by the methods of functional, component and psychosemantic analysis. In the research we shall investigate the supposed synonymous series' faculty for interchangeability with respective shades of meaning depending on the type emotion expressed. The difference components' form of EC reflects the subjunctive reality i.e. the emotion's character and types, the intensity of sensation, activity or passivity of perception. We shall make an attempt to observe the tendency of limited choice of syntactic partners for nominative, expression various emotions in a certain emotive situation on the material of ES with various means of expressing predicate. The choice of predicates with different categorial-morphological characteristics depends on author's psychological intentions (psychotism, extroversion/introversion, neurotism).

Синтаксическая синонимия, по признанию большинства лингвистов, – явление семантическое в самом широком смысле этого слова. Для адекватного определения семантики языковых выражений необходимо наряду с изучением собственно языкового значения (сигнификата) и предметной соотнесенности (денотата) единиц языка исследовать также коммуникативные факторы формирования смысла высказывания. Контекстная, речевая синонимия базируется на соотнесенности синтаксических структур с одним и тем же экстралингвистическим объектом, системная же, языковая – на тождестве семантики синтаксических конструкций. Коммуникативный анализ системных синтаксических синонимов позволяет проследить процесс их реализации в речевой деятельности, т.е. то, каким образом синтаксические конструкции реализуют свои сигнификативные значения. Установление факта нейтрализации дифференциальных признаков синтаксических синонимов позволяет последним беспрепятственно соотноситься с одной и той же экстралингвистической ситуацией, вследствие чего становится возможной их синонимическая замена. Взаимозаменяемость является необходимым следствием синтаксической синонимии, производным от совокупного действия семантического, структурного и функционального критериев синтаксической синонимии.

Следует отметить, что синонимизация синтаксических структур происходит не на уровне значений структурных схем предложений, а на уровне смысла высказывания, в рамках которого они употребляются. Это позволяет уточнить основной критерий синонимичности синтаксических структур, под которым понимается относительное тождество смысла последних при сохранении различий в их категориальных значениях.

В рамках ситуативного синтаксиса семантическая структура предложения определяется как целостное наименование события или ситуации, как единица, обладающая номинативной функцией [1, с. 42]. Таким образом, предложения, отражающие одну и ту же ситуацию, рассматриваются как синтаксические синонимы. В коммуникативно ориентированной

грамматике смысл предложения интерпретируется как определенное семантическое соотношение между субъектом и предикатом предложения, т.е. как пропозиция.

В данной работе осуществлена попытка выявления дифференциальных признаков эмотивных синтаксических конструкций (ЭК) в психосемантическом аспекте. Это один из этапов процесса выяснения потенциальных возможностей взаимозамещения ЭК различных типов в определенных ситуациях вербальной коммуникации.

Такой психолингвистический феномен, как *эмотивность*, рассматривается нами как свойство языка выражать эмоциональные состояния посредством кодифицированных единиц – *эмотивов*. Функционирующие на синтаксическом уровне *эмотивные конструкции* (ЭК) обычно отражают *типовую эмотивную ситуацию* [2, с. 14] «субъект + описание его состояния» или «субъект + объект (т.е. предмет обсуждения) + эмоция, которую он вызывает у субъекта».

Необходимо осветить некоторые вопросы, связанные с понятиями «состояние» и «предикат». Известно, что термин «предикат» восходит к Аристотелю [3, с. 28]. Так, типы «предикаций» Аристотеля распределяются по двум группам, противопоставленным по признакам «существенности» и «случайности». В соответствии с принципами современной коммуникативной лингвистики они могут быть соотнесены с двумя крупными классами предикатов: 1) предикации с сущностным, эссенциальным признаком; 2) предикации с несущностным, «случайным» признаком. При этом понятие «несущестенности» понимается не как признак, не заслуживающий внимания, что противоречило бы одному факту его типизации в языке, а как признак, не вытекающий из сущности, как синоним терминов «временный», «отъемлемый», «преходящий». Эмотивные предикаты логично будет отнести именно ко второму типу в соответствии с психологической трактовкой понятия эмоции как ситуативно обусловленного состояния человеческой психики.

В современной русской грамматической традиции представлены различные концепции предикатов вообще и предикатов состояния в частности. Так, Ю.С.Степанов [4] рассматривает состояние как результат действия: достижение критической точки действия знаменует начало определенного состояния, причем конечной семантической сущностью является не переходное или каузирующее действие, а именно их результат – состояние субъекта. В.Г.Гак [5] различает два основных типа предиката: процессный и квалификативный. Квалификативные предикаты идентифицируют, классифицируют или характеризуют предмет, процессные же выражают состояние, действие или отношение субъекта. В аспекте эмоционального состояния предикаты первого типа можно спроектировать на семантическое явление номинации эмоции, ее оценки и, возможно, экспликации «статического» состояния. Предикаты второго типа, вероятно, предназначены для выражения процессуального или динамического эмоционального состояния. А.Е.Кибрик [6] выделяет три типа предикатов: качества, процессы и состояния, усматривая в последних универсальный статус и возводя их в ранг важнейшей категории. Действия подразделяются на предельные и непредельные, состояния могут быть органическими и производными. Органическое состояние мыслится как неотъемлемая характеристика основного участника эмотивной ситуации и не возникает в результате какого-то другого состояния или действия. Производные состояния представляют собой результат завершения действия, выражаемого предельными глаголами. Таким образом, производные состояния можно рассматривать как результативы, органические – как стативы. Т.В.Булыгина [7] полагает, что предикаты состояния характеризуются временной связью, актуальностью, эпизодичностью, что их отличает от предикатов качества, и статичностью, длительностью, неконтролируемостью, что их отличает от предикатов действия. У О.Н.Селиверстовой предикаты состояния выделяются на основании следующих дифференциальных признаков: 1) состояния занимают отрезок, а не точку на временной оси; 2) состояния не изменяются в течение всего отрезка времени, пока они делятся (но не протекают); 3) состояния ориентированы на субъект; 5) состояния имеют неактивный субъект и не требуют приложения силы, чтобы иметь место.

Основанием выбора в качестве основного принципа классификации ЭК морфологического способа выражения предицирующего компонента явилось положение Г.А.Золотовой о том, что «соответствие основного категориального значения ведущих частей речи в составе предиката основным категориям внеязыковой действительности, структурированной национальным языковым сознанием, лежит в основе организации предложения и его типологии» [8].

Попытаемся проследить тенденцию несвободного выбора ЭК различных типов и вариативной реализации их дифференциальных признаков в рамках эмотивной типовой ситуации.

Субстантивные ЭК со структурной схемой «имя существительное в именительном падеже» (Ср.: Упр. *Необъяснимая радость и легкость ощущений*) служат средством номинации эмоций различных типов обычно без указания на их этимологию. Каузация таких эмоций восстанавливается из вертикального контекста. Субстантивные ЭК употребляются преимущественно в случаях самооценки, т.е. индикации субъектом-носителем состояния, автором высказывания собственной ситуативной эмоции. ЭК данного типа наиболее естественны в контексте моделированной, экспериментальной диалоговой коммуникации при ответе на вопрос: «Каковы ваши эмоции, чувства, настроения?» или же в случае квалификации эмоции как некой экзистенции с эксплицированным бытийным содержанием. При квалификации семантических особенностей субстантивных ЭК следует учитывать мнение, высказанное Н.Д.Арутюновой о том, что в русском языке «существительное в функции предиката обозначает только постоянное свойство субъекта» [1, с. 162]. Таким образом, субстантивные ЭК выражают свойства и качества «положения дел» субъективной действительности, иначе говоря, различных феноменов психической жизни субъекта-носителя состояния. Следовательно, данные ЭК можно соотнести с «оценочными состояниями», характеризующими конкретную эмоцию как собственно экзистенцию. В соответствии с морфологическим наполнением субстантивные ЭК представлены двумя базовыми типами: 1) предикат выражает существительным, называющим конкретное имя эмоции (Ср.: *Совершенное отчаяние...*); 2) предикат-классификатор, выражющий родовое эмоциональное понятие (Ср.: *Ужасное настроение*). В первом случае это полнозначные номинации качества, типа эмоций-состояний, которые обычно подкрепляются прилагательными -интенсификаторами и способствуют ассоциативному соотнесению данной эмоции с различными точками (отрезками) на шкале интенсивности проявления как положительного, так и отрицательного эмоционального состояния. Таким образом, имена-качества эмоций уже содержат в себе необходимую «плюсовую» или «минусовую» сему. В конструкциях второго типа «объективные» (*положение, состояние*) и «субъективные» (*настроение, самочувствие, чувство, ощущение*) эмотивные предикаты-классификаторы, как неполнозначные, недостаточные по смыслу, обязательно сочетаются с определениями, обозначающими качественный признак эмоции. Качественные субстантивные ЭК обозначают более конкретный, постоянный, устойчивый во временном отношении признак эмоционального состояния, чем это проявляется у классифицирующих субстантивных ЭК, в которых эмоция предстает не только несколько «приглушенной», менее интенсивной, но и значительно ограниченной во времени. Таким образом, эти конструкции можно отнести к разряду органических (то есть непроизводных) состояний -стативов. Субстантивные ЭК содержат абсолютно неагентивные (субъект состояния не эксплицируется и представляется совершенно пассивным) предикаты, характеризующиеся признаком неконтролируемости обозначенного ими эмоционального состояния. В этом и состоит основное отличие ЭК данного типа от глагольных и причастных ЭК.

Своебразной модификацией субстантивных ЭК являются **предложно-именные ЭК** со структурной схемой «им. п. имени + в + предложный падеж имени» (Ср.: *Не трогайте его: он сейчас в плохом настроении; Начальник в гневе*), которые могут включать и глаголы-связки со значением адаптивного введения в определенное состояние (Ср.: *Его слова привели меня в бешенство; Это известие повергло меня в уныние*). Глаголы данного типа служат своеобразным «буфером» между интенсивным состоянием и его каузатором; следует также учитывать фразеологизированность подобных структур. Абсолютная замкнутость такого рода эмоциональных состояний на субъекте создает впечатление полной «погруженности» лица в данное неконтролируемое состояние, а также пассивности субъекта по отношению к состоянию, невозможности «вырваться» из него. Это значение подкрепляется также и бытийной, экзистенциальной семантикой «нейтральных» глаголов-связок *быть, находиться* (Ср.: *После своего бурного успеха на конкурсе он сейчас находится в веселом расположении духа*). В предложно-именных ЭК не эксплицируется признак фазовости: состояние мыслится как нечто цельное, неделимое, неквантифицируемое. Однако введение активного глагольного компонента несколько видоизменяет семантику: проявляется значение либо мгновенной атаки эмоции на субъект (Ср.: *Я пришел в ужас...*), либо «угрозы» постепенного, но неотвратимого вовлечения субъекта в состояние (Ср.: *Все эти слухи ввергли меня в пучину сомнений*). В такой ситуации

основная роль отводится дифференциальным признакам неожиданности и неконтролируемости выражаемого состояния, а также его определенной протяженности во времени.

Адъективные ЭК (схема «им. п. имени + отыменное/отглагольное прилагательное») содержат предикат, выраженный так называемыми «активными» прилагательными (Ср.: *Вчера он был бодр и весел*). Выше уже отмечалось, что оценка, выражаемая в высказываниях с эмотивной семантикой, характеризует собственно состояние, а не его субъект, поскольку состояние не сущностный, неотъемлемый признак, а привходящий, привнесенный. В противном случае речь идет уже не о состоянии как временном признаком, а о сущности как постоянном качестве. Однако в отношении адъективных ЭК это справедливо лишь отчасти. Так, в предложениях типа *Она сегодня какая-то грустная, скучная/ Он почему-то сердит* выражается оценка, характеристика субъекта не только в плане внутреннего, психического состояния, но и в аспекте его внешних проявлений. Вероятно, автором высказываний такого рода является сторонний наблюдатель, «независимый эксперт», который фиксирует поведение субъектносителя эмоционального состояния с той или иной степенью объективности. Дифференциальными признаками здесь являются осознанность состояния при его неконтролируемости и неагентивности (но не пассивности). Поскольку идентификация состояния субъекта говорящим происходит в какой-то определенный момент (состояние *грусти, скучи* может исчезать, а затем, возможно, снова возникать в другой период), то эмотивный признак в данном случае ограничен во времени. Исключением из правил становится адъективные ЭК с субъектом в первом лице (Ср.: *В те времена я была так счастлива!*), в которых обобщенно-интенсивное состояние-характеристика (*счастье/несчастье*) подразумевает очень высокую степень его осознанности и абстрагированности.

Адвербативные ЭК имеют в качестве предикативного компонента, выраженный либо наречием с оценочной семой (Ср.: *Это чудесно!*), либо категорией состояния (Ср.: *Мне так грустно...*). Следует отметить, что в первом случае квалифицируется не состояние, но дается эмоциональная оценка определенному явлению объективной действительности. В этой связи отметим положение, высказанное В.Н.Мигириным о том, что форма типа «радостно» генетически связана с краткими прилагательными и должна рассматриваться как новое образование в парадигме имен прилагательных [9]. При определении семантики конструкций типа *Мне страшно* следует помнить, что статус категории состояния до сих пор нельзя считать утверждившимся в русистике. Например, А.Е.Кибрик [6] рассматривает категорию состояния как универсальный семантический класс, «противоположный процессам и действиям». Действительно, состояние, эксплицируемое в подобных конструкциях, воспринимается как пассивное, недеяльное и непроцессуальное, как некоторая безысходная данность, которая едва ли может быть подвергнута коррекции со стороны самого субъекта. Поэтому, учитывая классификацию предикатов, предложенную О.Н.Селиверстовой [7], рассматриваемые ЭК можно квалифицировать как пассивно-денотативные рефлексивы. В адъективных ЭК эмоциональный признак чувствующего субъекта представлен как бы изнутри и описывается самим субъектом. Внутреннее же состояние других говорящих может определить и оценить лишь по внешним признакам с той или иной степенью вероятности или предположительности (Ср.: *Мне кажется, что ему просто страшно*). Состояние в адвербативных ЭК мыслится как занимающее некоторый отрезок на временной оси. Однако предикаты, выраженные словами категории состояния практически не сочетаются с обстоятельствами времени (едва ли возможно: *Вчера мне было страшно, а сегодня уже весело*).

Следует отметить существование в языке семантически сложных типов адъективных конструкций. Так, первый «совмещенный» тип адвербативных ЭК (бытийный предикат состояния + процессный глагольный предикат с фазовым значением: *Мне стало скучно*) демонстрирует тот факт, что «начало состояния одновременно предполагает его изменение по фазе, его смену, переход из одного состояния в другое» [7]. Следующая модификация ЭК данного типа (категория состояния + инфинитивный оборот: *Ему ужасно больно было это осознавать*) выводит на первый план именно оценочную сему, в то время как значение состояния скорее предполагается, чем эксплицируется.

Глагольные ЭК – многогранное по своей семантико-сintаксической структуре образование. О.Н.Селиверстова классифицирует предикаты, сочетающиеся с именами состояния исходя из принципа, что они отражают разные стороны эмотивной ситуации: « 1) отношение между субъектом, испытывающим состояние и признаком (*испытывать, пережживать*); 2) каузативные предикаты (*внушать, вызывать*); 3) видовые предикаты, обозначающие начало, конец,

продолжение состояния (*смениться, впасть*); 4) предикаты, ориентированные на качественную характеристику состояния, куда входят и предикаты интенсификации (*нарастать, увеличиваться*) [7]. Все эти глаголы неполнозначны, т.е. не способны выражать эмоциональные состояния вне дистрибуции с именами-эмотивами. Некоторые из них (*испытывать*) указывают на отсутствие волевой активности субъекта-носителя состояния (Ср.: *В такие минуты я испытываю безотчетный страх*), другие вносят в семантику предиката оттенок высокой степени осознанности данного состояния (*Какой ужас я тогда почувствовал!*).

Полнозначные глаголы – референты эмотивной ситуации также представлены несколькими семантическими классами. Глаголы устойчивого эмоционального состояния (*любить, ненавидеть*) обладают признаком «неквантифицируемости», т.е. не могут выражать серию повторяющихся одноактных ситуаций проявления чувств любви, ненависти и т.д. Такие глаголы, обозначающие глобальные, обобщенные эмоции, сочетаются с наречными интенсификаторами (Ср.: *Как сильно мог он ненавидеть!*), что свидетельствует о приложении субъектом определенных усилий для продления эмоции. Следовательно, в этом случае можно говорить о «нестрадальности» субъекта (возможно значение императивности: *Вы не должны так его ненавидеть!*). Глагольные предикаты типа *нравиться*, как и причастные, могут быть квалифицированы как экзистенциально-результативные эмотивные предикаты, так как они описывают эмотивную ситуацию как некоторую «данность» области психики человека. Здесь эксплицируется значение того, что в сознании субъекта «присутствует» данная эмоциональная интенция, сформированная с сознательным или бессознательным участием субъекта или без него: такому состоянию не свойственна постоянная актуализированность.

Как известно, действия и процессы связываются с представлением о нестабильности, являющейся референтом динамической ситуации. Последняя предполагает обязательность изменения во времени и требует «приложения энергии» для своего поддержания. О.Н.Селиверстова отмечает, что «отличительной чертой действий и процессов можно считать то, что они существуют пофазно, т.е. в каждый отдельный момент существует отдельная фаза развертывания действия или процесса, а не действие, процесс в целом, в отличие от состояния» [7]. Следует ли из этого, что глаголам следует отказать в праве выражать некоторое эмоциональное действие, процесс или состояние? Вероятно, для ответа на этот вопрос следует опираться на базовые критерии выявления оппозиции действие/состояние: это принцип фазовости/нефазовости и агентивности/ неагентивности. Действительно, применительно к выражению эмоциональных процессов едва ли корректной может считаться сентенция: *В эту минуту я радуюсь больше, чем полчаса назад*. Существует несколько вариантов лингвистических тестов, которые убедительно доказывают тот факт, что глагольные ЭК служат в естественном языке для выражения именно эмоционального состояния (возможно, с процессуальным оттенком). В соответствии с одним из них, слово *совсем*, характеризующее достижение определенного качественного предела, сочетается с предикатами качества или состояния, но не с предикатами действия. Действительно, вполне естественными выглядят конструкции типа *Ему стало совсем страшно; Он совершенно охарчен*, но не случаи типа *Он совсем радуется* или *Он совершенно печалится*. Однако применение гesta с наречным выражением *все сильнее*, которое свидетельствует о нарастании определенного «качества» и, следовательно, может сочетаться только с предикатами, способными изменяться во времени, создает противоречивую картину: возможно *Она любит (ненавидит, радуется, тревожится) все сильнее и сильнее, но не Он влюблен (встревожен) все сильнее*.

Учитывая давнюю традицию разделения глаголов на «целевые» и «нечелевые», «глаголы осуществления» и «глаголы движения» [3], возможно, следует различать эмотивные глаголы результативного состояния (Ср.: *Я почувствовал страх*) и глаголы, выступающие референтами стативного состояния-процесса (Ср.: *В то время она постоянно чего-то боялась*). Здесь актуализируется противопоставление глаголов по признаку «пределность/непределность», который может быть соотнесен с видовой дифференциацией. Так, непределность связывается с невозможностью для данного глагольного значения функционировать в совершенном виде. «Русская грамматика» [10] квалифицирует глаголы с непределным значением как «глагольные основы, не способные по своей семантике выражать достижение или стремление к достижению такого предела». Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в отношении денотата глагольных предикатов с эмотивной семой уместен термин не «эмоциональное действие», а «эмоциональное состояние», характеризующееся, однако, высокой степенью агентивности

субъекта состояния, осознанности и, возможно, контролируемости данного процесса-состояния.

Причинное значение является сопутствующим фактором для состояния. Причина может быть внутренконтекстной и пресуппозиционной, определяя два различных способа сочетаемости в тексте. Поэтому следующим критерием для подразделения эмотивных рефлексивов на группы является признак каузации: явной, как в перфектных результатах, и неявной, вытекающей не из значения грамматической категории перфектности, а из контекста. В первом случае это субъектно-неагентивные рефлексивы (причастные формы страдательного залога, которым аксиоматически постулируется перфектность: *Он увлечен*), а во втором – это объектно-каузативные рефлексивы (Ср.: *Меня очень беспокоит ваше состояние*). В страдательном залоге выделяются две разновидности: пассив действия (акциональный пассив) и пассив состояния (статальный пассив). **Причастные ЭК** следует отнести к статальным пассивам, в которых субъекты-носители состояния воспринимаются как страдательные, пассивные, неагентивные. Характерно, что причастные ЭК, как и адъективные ЭК, используются в основном в ситуациях объективной оценки говорящим «чужого» состояния.

Итак, в данной работе выделены основные дифференциальные признаки эмотивных синтаксических конструкций. Представляется, что выбор той или иной ЭК с ее индивидуальными семантическими признаками отражает как реальные психологические интенции говорящего, основные черты его темперамента (психотизм, невротизм, экстраверсия/интроверсия), так и особенности конкретной типовой эмотивной ситуации.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С.42.
2. Всеволодова М.В., Ященко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. – М.: Наука, 1988. – С.14
3. Аристотель. Метафизика. Соч., Т.1. – М.: 1976. – С.28.
4. Степанов Ю.С. «Перфектный центр» в русском синтаксисе. – Изв. АН СССР, СЛЯ, 1980, - Т. 37. – № 4.
5. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М.: Русский язык, 1975. - 278 с.
6. Кибрик А.Е. Предикатно – аргументные отношения в семантически эргативных языках: – Изв. АН СССР, СЛЯ, 1980, – Т. 39. – № 4. – С. 45 –53.
7. Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н.Селиверстовой. – М.: Наука, 1982. – 365 с.
8. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – С.171, 207.
9. Мигириш В.Н. Категория состояния или бессубъективные прилагательные? // Исследования по современному русскому языку. – М.: Наука, 1970. – С. 73
10. Русская грамматика. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.

З ГІДРОНІМІЙ БОЙКІВЩИНИ (ПИТАННЯ ПОХОДЖЕННЯ)

Матіїв М. Д., асистент кафедри української мови

В статье рассматриваются некоторые гидронимы бассейна реки Сtryя (правая притока Днестра) с точки зрения их происхождения. В работе дается новое толкование названия р.Сигла. Анализируемые гидронимы бассейна реки Сtryя зафиксированы автором впервые и в научной литературе специально не освещались.

Some hydronyms of the Striya river basin (the right tributary of Dnestr) are observed in the article from the point of view of their origin. The new interpretation of the name of the river Sigla is given in this work. Analysed hydronyms of the Striya river basin, fixed by the author for the first time, were not specially observed in the scientific literature.

Чільне місце в дослідженні топонімів займає етимологічна інтерпретація назв. Мета дослідників – з'ясувати виникнення денотатів, встановити їх значення. Із труднощами, що постають при висвітленні семантики географічних об'єктів, стикається кожний, хто займається цим питанням. За всю історію ономастичних досліджень лінгвісти проаналізували велику кількість назв, однак багато гіпотез залишаються дискусійними.

До етимологічних студій мовознавці ставляться з обережністю, причому це стосується топонімів як із малорозумілими основами, так і назв, семантика яких, на перший погляд, говорить сама за себе. «Разом з тим, вважати, що всі слов'янізми, основи яких видаються прозорими, не вимагають коректив – значить максимально спрощувати проблему лексико-семантичного аналізу гідронімів» [1, с.33]. Ця думка слушна, але зауважимо, що інколи можна вбачати зародження назв у глибокій давнині, насправді ж вони сформувалися простішим шляхом. і, навпаки, гідроніми можуть сягати іndoєвропейських мов, проте їх розглядають на рівні пізнішого утворення.

Ризикують помилитися насамперед ті дослідники, котрі аналізують гідроніми, взяті з джерел, що, на жаль, у ряді випадків не є точними [2, с.31, 32; с.93, 94]. У рецензії на монографію О.М.Трубачова «Название рек Правобережной Украины» зазначається, що «на превеликий жаль, неповний і неточний матеріал призвів подекуди до неповних і неточних висновків» [3, с.90].

Найточніші результати можна отримати при регіональному дослідженні гідронімії. Такий підхід дав можливість нам зібрати матеріал експедиційним шляхом за власним питальником та програмою О.С.Стрижака [4, с.105-116].

Проаналізуємо гідролексеми за напрямками, на які ми звертали увагу при зборі гідроназв.

1. Наявність омонімії у гідронімії. Чи відповідає значення гідроніма змістові та характерові самого об'єкта називання?

Ропа, потч., п.Опору п.Стрию (Грбн.).

Ропа, потч., л.Верхнього л.Ботевки л.Стрию (Вн.).

Ропіна, Роп'яна, пот., л.Старого Поля л.Стинавки л.Стрию (Ор.); пор.Ріп'яний у СГУ.

Роп'янка, З Ріп'янки, Ріп'янка, Роп'яна, пот., л.Погарської – д.Орява – л.Опору п.Стрию (Пог.); пор. 2) Ріп'янка у СГУ.

Польська лексема **ропа** означає «гній»; «нафта» [ПРС, с.525]. Словацька-сирова (неочищена) нафта [СУС, с.443] Р.О.Агеєва, посилаючись на О.С.Стрижака, зазначає, що слово **ропа** в західних областях України означає «нафта», **ропище** – місце, де добувають нафту, а **ріпник** – це нафтovик, робітник нафтопромислу [5, с.39]. Гідронім Ропа, л.Гнилої л.Стрию, О.С.Стрижак пов'язує з «нафта» [5, с.39]. У досліджуваних говірках **ропа**, крім «нафта», означає «солона вода»; **ріп'янка** «земля, де викопана картопля», тобто місце, де вирощують **ріпу** «картоплю».

Для вияснення точної семантики конкретного гідроніма важливо на місці звернути на це увагу. Ропа у с.Гребенові Сколівського району походить від соленої лікувальної води. Тут функціонував невеликий санаторій. Потік Ропіна, Роп'яна у с.Орові Сколівського району і потічок Ропа у с.Верхньому Турківського району беруть початок із родовища, де добували промисловці нафту. Роп'янка, Роп'яна, Ріп'янка у с.Погарі Сколівського району пов'язується з соленою водою. Соляний промисел у Карпатах був відомий не менше, ніж нафтовий.

Потік із-під Буди, пот., д.Тарасівка як п.Кам'янки п.Опору п.Стрию (Кам.).

Будейський Потік, Будівський Потік, Будеїський Потік, пот., л.Жупанки п.Стрию (Жуп.).

В українській мові слово **буда** омонімічне. 1. «Невелика будівля для господарських потреб, для захисту від негоди та ін.; будка; рід намета, що має основу з жердин, покритих соломою, корою, шкірами і т.ін.». 2. Буда (з ремаркою застаріле) «поташний завод» [СУМ, I, с.247].

У с.Жупани Сколівського району гідронім Будейський Потік, Будівський Потік, Будеїський Потік – від назви місця для виготовлення поташу. Сам потік знаходиться недалеко від центра села. Високо в горах у с.Кам'янці Сколівського району бере початок Потік із-під Буди. Тут Буда – у значенні «колиба». Від споруди для лісорубів та пастухів перейшла назва на гідронім. Пор. ще «буда псови і пастухам» [ОнСБГ, I, с.74].

2. Можливість записати народну лексику, не відображену в діалектних словниках.

Важко буває аналізувати назви, коли відсутні відомості із загальнозважаної лексики. Так, наприклад, К.І.Галас піддає сумніву висновки деяких дослідників, зокрема і М.Бескіда, який пов'язував комонім Волосянку, що в Закарпатській області, з давнім південнослов'янським божеством Велесом [6, с.3]. Сам же пояснює походження Волосянки від волосся [6, с.12]. Висунутий аргумент заслуговує на увагу, але пряме перенесення від волосся, на наш погляд, навряд чи відбулося. У досліджуваному басейні **волосана**, **волосань**, **волосаня**, **волосанка**, **волосінь**, **волосянка** – це трава, яка дуже нагадує волосся. Вона м'яка і не ламається у сухому вигляді. Як корм для худоби не служить, а особливу роль відіграє тільки в побуті. Цією травою донедавна набивали матраци з домотканого полотна.

З основовою **волос** нами записані такі гідроніми:

Волосани, Волосанище. пот.. п.Вадрусківки – д.Укерник д.Головчанка д.Головечанка л.Опору п.Стрию (Пл.).

Волосанка, потчн., л.Опору – д.Опорець д.Опір – п.Стрию (Оп.).

Волосанця, потчн., л. Річки л.Сигли п.Опору п.Стрию (Лб.).

Волосаня, потчн., п.Орявчика л.Оряви л.Опору п.Стрию (Коз.).

Волосянська, р., п.Опору п.Стрию (Сл.); пор.Волосянський у СГУ.

Потік із-під Волосані, пот., п.Рожанки – д. Рожаночка – п.Опору п.С.: ВР.

Волосянкою, що росте на берегах водотоків, утеплюють господарські споруди, скручують з неї **повересла** «міцні мотузки для перенесення трави», скріплюють цибулю у в'язки і т.ін. Отже, ця рослина, що має (точніше мала) важливе значення для жителів, спочатку отримала назву від волосся за зовнішньою характеристикою, а потім це найменування отримали гідроніми та ойконіми.

3. Можливість записати вузькотериторіальні, маловживані або вживані лише певними групами населення назви проточних вод, їх похідні варіанти від основ.

Засигавка, пот., п.Ясениці п.Стрию (Яс.).

Калинча Сигла, пот., л.Ровені л.Лавочанки л.Опору п.Стрию (Лав.).

Сигавка, Сиговка, пот., п.Потоку з-під Лисини п.Опору-д.Опорець д.Опір-п.Стрию (Оп.).

Сигавки. пот., л.Бесідного л.Уричанки л.Стрию (Ур.).

Сигла, р., п.Опору п.Стрию (Лб., Тух.); Сиговка, Сигавка, Сегавка, Либохора, Либохоря, Либохірка в Тух.; пор. у СГУ: 2) Либохора і 2) Сигла.

Сигла, пот., п.Опору п.Стрию (Лав.).

Сигла, пот., л.Покуття л.Стинавки л.Стрию (Ор.); пор. 1) Сигла у СГУ.

Сигла, пот., л.Бориньки л.Стрию (Бор.).

Сигла, пот., п.Багінського л.Ясіночки л.Ясениці п.Стрию (Я-Ст.).

Сигла, потч., л.Ягнатішок п.Бітлянки л.Стрию (Біт.).

Сигла, потч., п.Камінця л.Верхнього л.Ботевки л.Стрию (Вн.).

Сигли, пот., п.Ріки л.Завадки п.С.(Заділ.).

Сигли, потч., як л.Довбушевої Кирниці п.Стрию (Яв.).

Сигли, пот., п.Стрию (Іс.).

Сигловате, пот., л.Бітлянки л.Стрию (Біт.).

Сиглянський, Сиговський, пот., п.Стрию (Мат.).

Сиговка, Потік коло Матійового, пот., п.Лавочанки л.Опору п.Стрию (Лав.).

Сиговний Потік, пот., п.Брички п.Стрию (Крш.).

Ю.О.Карпенко зафіксував на Буковині гідронім Сигла (Сегла) – п.Серету [2.2, с.184].

Дослідник пояснює семантику від місцевого географічного терміна **сигла** «густий гірський ліс», запозиченого з молдавського сихлэ «молодий ліс», яке продовжує латинське *silva* «ліс» [2.2, с.12]. Але при інтерпретації водотоку Сигавки, Сегавки – п.Черемошу, у вченого виникли певні сумніви. «Українське утворення на –авка від кореня *сиг* – неясного значення» [2.2, с.12]. Можна

допустити, що Сигавка походить від тієї ж основи, що й Сигла. Про це свідчить наш матеріал. Пор., наприклад, р.Сиглу, що в с.Либохорі та Тухлі Сколівського району. У с.Либохорі річку називають Сигла, у селі Тухлі окремі жителі йменують цей же гідронім Сигла, Сиговка, Сегавка, Либохора, Либохірка, Либохоря*. Пор. ще Сиглянський, Сиговський у селі Маткові Турківського району.

М.Фасмер лексему **сигла** «болото, мочар» (В.Даль) виводить з балтійського *sīklis* «невелике болото серед лісу, лугу або вигону» [Фасм ЭСРЯ, с.618]. У басейні ріки Стрию нами не зафіксовано слово **сигла** у значенні «болото». Найуживаніші лексеми на позначення болота – це мочар, болото, млака; за М.Онишкевичем – багно [ОнСБГ. с.39]

У «Словнику української мови» **сигла** «смерека, що має тільки верхівкове віття», «гірський ліс із таких смерек» [СУМ, IX, с.156, 157]. Як розуміє поняття «гірський ліс із смерек, що має тільки верхівкове віття» житель карпатського краю? Верхівкове віття говорить про вік дерев із сім'ї соснових. Чим більше років дереву, тим гладший стовбур з кроною уверху. Віття (діал. суча) відпадає, коли сосновим понад вісімдесят років.

Під час заселення гірської місцевості величезна кількість лісів була очевидною. Якщо врахувати зародження назви у XVI-XVII ст. за документальними даними, що підтверджують існування дослідженів населених пунктів [7], то навіть у цей пізніший період ліс у горах був суцільним масивом, особливо там, де розташовані вказані водотоки. Ще й зараз збереглися перекази про те, як перші поселенці заселялися посеред лісу, вирубували його, а пень залишали всередині вибудованої оселі. Отже, на цей час ліс із сім'ї соснових був первісний і густий з кронами уверху. Крислате віття на всьому стовбурі можливе тільки на тих одиночних смереках, які ростуть на полі й обігріваються з усіх боків сонцем.

Закономірно виникає запитання: чому з 115 обстежених нами населених пунктів тільки у 17 фіксується назва Сигла? Найменування насамперед відбувається тоді, коли за законом відносної негативності з чогось загального вирізняється конкретне. На фоні вікового лісу лексема **сигла**, на наш погляд, позначала вид хвойних порід. Надто узагальнено тлумачить значення **сигла** В.Шухевич, що наводить у своєму словнику Б. Грінченко: 1) Смерека (европейская пихта), имеющая ветви лишь вверху. 2) Горный лес из таких сигл [Грін СУЯ. с.118]. Смерека ототожнюється із європейською піхтою.

У «Російсько-українському словнику» **ель** перекладається «ялина», «смерека» [РУС. с. 405]. Два поняття зведені в одне, але насправді гут два види, які чітко розрізняються. «Ель обыкновенная» (*Picea excelsa*). Дерево высокое, прямостояльное. <...> Хвоя одиночная, в разрезе ромбовидная. <...> Широко распространена в Западной Белоруссии, в Западной Украине, на Карпатах» [8, с.282].

«Пихта (*Abies*). Крупные деревья. Главные ветви имеют мутовчатое расположение. Ствол прямой. Иглы одиночные, расположены по спирали, плоские, с двумя полосками воскового налета на нижней стороне. <...> Известно 45 видов пихты. <...> Пихта европейская (*Abies alba*). Иглы расположены гребенчато. В лесах юго-западной Украины, отчасти в Западной Белоруссии; в Беловежской пуще вымерли почти нацело [8, с.282-284].

Picea excelsa Karst. жителі дослідженого басейну називають смерекою, вона є добротним будівельним та столлярним матеріалом. *Abies alba Mill.* іменують ялинкою «молоде деревце», ялиною «дерево середнього віку», ялицею «дозріла ялина, що має від 5 і більше кубометрів». Особливою популярністю у місцевих майстрів не користується, оскільки тканина слабша за смереку. Зовнішньо ялинка красива за свою родичку, тому тільки нею прикрашають столи на новорічні та різдвяні свята. Ялина вибаглива до вологи, тінєвинослива, найбільше росте на супіщаних та глинистих ґрунтах. На відміну від смереки, вона росте швидше і випереджає її у рості, доживає до 700 років. Відомі випадки, що ялиця (ялина) доростала до 15 кубометрів.

Різновид *Abies alba Mill.*, що виділяється із сім'ї хвойних у рості і зовнішньо (спочатку віку крона гостропіраміdalна, а потім майже циліндрична), навіть запахом, і привернув пильність, на нашу думку, давніх поселенців бойківського краю, які назвали такі дерева – **сигла**.

Із сказаного вище випливає: 1) у перекладних словниках смереку і ялину не слід ототожнювати; 2) тлумачення сигли у «Словнику української мови» та «Словаре українського языка» Б.Грінченка потребує уточнення.

* У «Словнику гідронімів України» р.Либохора помилково внесена в окрему статтю. Із 357 водотоків басейну ріки Стрию, що представлені у СГУ, 117 назв водойм нами уточнюються, доповнюються відповідна інформація, а деякі найменування відкидаються.

Скорочення та умовні позначення

д. – назви того ж водотоку в різних частинах течії
л. – ліва притока
п. – права притока
пот. – потік
потч. – потічок
потчн. – поточина
р. – річка
як – злиття двох потоків, з яких утворилося одне русло

Скорочення назв населених пунктів у Львівській області*

Біт. – Бітля Турківського району
Бор. – Бориня Турківського району
Вн. – Верхнє Турківського району
ВР. – Верхня Рожанка Сколівського району
Грбн. – Гребенів Сколівського району
Жуп. – Жупани Сколівського району
Заділ. – Задільське Сколівського району
Іс. – Ісаїв (у місцевій говірці Ісаї) Турківського району
Кам. – Кам'янка Сколівського району
Коз. – Козеве (у місцевій говірці Козьова) Сколівського району
Крш. – Крушельниця Сколівського району
Лав. – Лавочне Сколівського району
Лб. – Либохора Сколівського району
Матк. – Матків Турківського району
Оп. – Опорець Сколівського району
Ор. – Орів Сколівського району
Пл. – Плав’я Сколівського району
Пог. – Погар Сколівського району
Сл. – Славське Сколівського району
Тух. – Тухля Сколівського району
Ур. – Урич Сколівського району
Яв. – Явори (у місцевій говірці Явора) Турківського району
Ял. – Ялинкувате Сколівського району
Яс. – Ясениця (у місцевій говірці Ясінка) Турківського району
Я.-Ст. – Ясенка-Стецьова (у місцевій говірці Ясіночка) Турківського району

Словники та їх умовні скорочення

Грін СУЯ – Грінченко Б. Словарь украинского языка: Репринт.вид.1907-1909.–Київ: Лексикон, 1996.–T.IV.

ОНСБГ – Онишкевич М.Й. Словник бойківських говірок: У 2 ч.–К.:Наук.думка, 1984.

ПРС – Польско-русский словарь/Сост.Р.Стыкула, Г.Ковалева.–Москва-Варшава, 1989.–864с.

РУС – Русско-украинский словарь.–К., 1982.–T.I.

СГУ – Словник гідронімів України.–К.: Наук.думка, 1979.–781с.

СУМ – Словник української мови.–К.: Наук.думка, 1970.–T.I.; 1978.–T.IX.

СУС – Словацько-український словник/Укладач Петро Бунганич.–Братіслава, 1985.–688с.

Фасм ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.–М.:Прогресс, 1987.–T.III.

* Подаються за «Адміністративно-територіальним устрієм Української РСР на 1 січня 1987 року».–К., 1987.–504с.

Література

1. Карпенко О.П.. Ще про семантику основ «звуконаслідувальних» гідронімів//Шоста республіканська ономастична конференція: Тези доповідей і повідомлень.–Одеса, 1990.–Ч.1.–С.33-35.
2. Карпенко Ю.О.. Топонімічні варіанти//Ономастика.–К.:Наук. думка, 1966. С.29-36; Ю.О.Карпенко. Топонімія Буковини.–К.: Наук.думка, 1973.–240с.
3. Трубачев О.Н.. Название рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация.–М.: Наука, 1968.–289с. Рецензія Ю.О.Карпенка// Мовознавство.–1969. –№3.–С.88-91.
4. Стрижак О.С.. Програма збирання матеріалів для регіональних гідронімічних атласів Української РСР (Проект)// Ономастика.–К.:Наук.думка, 1966.–С.105-116.
5. Агеева Р.А.. Происхождение имен рек и озер.–М.:Наука, 1985.–146с.
6. Галас К.И.. Топонимика Закарпатской области (название населенных пунктов): Автореф.дис. ... канд.фил.наук.–Ужгород, 1960.–16с.
7. Гошко Ю.Г. Населення Українських Карпат XV-XVIII ст.–К.: Наук.думка, 1976.–203с.
8. Жуковский П.М.. Ботаника.–М.:Наука, 1949.–552с.

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Машенко А. П., аспирант

Стаття присвячена еволюції християнського світогляду Ф.М. Достоєвського. Релігійний колорит, який забарвлює ранні твори письменника, трансформувався в геніальну метафізичну проблематику його зрілих творів. Еволюція релігійних поглядів Достоєвського: від Православ'я, сприйнятого в батьківській хаті, через сумнів і заперечення його в гуртках Бєлінського і Петрашевського, до Православ'я, вистражданого трагічним досвідом усього життя.

This article lights the way for evolution of Christian world outlook of F. M. Dostoevsky. Religious picture that paints early works of writer transformed into genious metaphysical problematic his mature works. The evolution of religious Dostoevsky's opinions is: from orthodox religion perceived in the parentses house, through doubt and negation of Dostoevsky in circles of Belinsky and Petrashevsky to orthodox religion suffered by tragical experiences of his all life.

Великий русский писатель Н.В.Гоголь мечтал о создании книги духовного чтения для всей России. Замыслу его суждено было воплотиться в творчестве Ф.М.Достоевского, чьи сочинения, без преувеличения, стали для многих вратами в мир христианского постижения действительности. Однако Достоевский не только продолжил традиции святоотеческой литературы, развел религиозные идеи славянофилов, Пушкина, Гоголя; но во многом определил пути движения антирелигиозной мысли всего двадцатого столетия. Полифоничность романов писателя, диалектическое противоборство идей на их страницах, бездны отрицания Бога и веры, постигнутые автором, составили подлинный художественно-идеологический феномен. Ф.М.Достоевский стал "предтечей" самых разных, подчас противоположных, философских школ, развернувших борьбу за имя и наследие мастера. Сегодня можно говорить о том, что образ Кириллова, мысли, вложенные в его уста художником, перекликуются с позднейшими идеями Ницше, можно полагать, что Иван Карамазов на определенном этапе своей жизни оказывается носителем той философии жизненного абсурда, которую через шестьдесят лет после смерти Достоевского провозгласит Сартр. Но все же одно дело — глубина постижения художником самых разнообразных метаний человеческой души, а другое — тс суждения о Боге, религии, человеке, которые он сам считал истинными. Мысль Достоевского действительно предвосхитила многие атеистические построения девятнадцатого и двадцатого веков, но она же стала и способом их преодоления духовной энергией, глубинной истинностью Православия. Тем не менее христианское миропонимание Достоевского претерпело на протяжении его жизни определенную и своеобразную эволюцию.

При всей сложности характера Михаила Андреевича Достоевского, отца писателя, невозможно отнести его семью к разряду "случайных" в том смысле, какой придавал этому определению Федор Михайлович в "Подростке". Напомним, что писатель имел в виду семью без выработанных идей нравственности и долга. Родители Ф.М. Достоевского, прежде всего мать, были людьми религиозными и заботились о соответствующем воспитании детей. Не случайны самые ранние воспоминания художника о детстве: первое причастие в деревенской церкви; ежедневная молитва с нянею перед сном; пробуждение сознательной религиозности в восьмилетнем возрасте, связанное с чтением книги Иова. Чтение Священного Писания, и особенно в церкви, всегда производило на Достоевского огромное впечатление. Закон Божий в семье преподавал дьякон, имевший отличительный дар слова и умилявший детей своими историями. Кроме того, почти ежегодно дети вместе с любимой матерью совершали паломничество в Троице-Сергиеву Лавру. Таким образом, детство будущего классика русской литературы прошло в тесной связи с Русской Православной Церковью. В Инженерном училище, куда Достоевский поступил в 1838 году, религиозность его была столь заметна, что некоторые товарищи втихомолку посмеивались над нею. В этот период в письмах писателя постоянно встречается имя Божие, упоминания о Пророчестве, благодати, рассуждения о смысле и цели жизни в духе христианства.

Изменения в настроениях художника начинаются с 1841 года. С этого времени вплоть до самой катарги в письмах его нет обсуждения никаких христианских проблем. Летом 1845 года он знакомится с Белинским, который восторженно принял его первое произведение "Бедные люди". Достоевский застал знаменитого критика яростным атеистом и "страстно принял тогда все учение его". В 1880 году художник напишет: "Я принял вновь в мою душу Христа,

Которого узнал в родительском доме еще ребенком и Которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в европейского либерала "[1.т.26.с.152]. Очевидно, эта "утрата Христа" произошла как раз во время дружбы с Белинским в 1845 — первой половине 1846 года. Не исключено также, что она подготавливалась уже раньше, с 1841 года. Тем не менее даже в период увлечения идеями Белинского писатель сохранял любовь ко Христу как совершенному человеку, недостижимому нравственному идеалу. Характерен в этом отношении спор между "неистовым Виссарионом" и Достоевским, описанный последним в "Дневнике писателя": "Мне даже умилительно смотреть на него, — прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня, — каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него все лицо изменяется, точно заплакать хочет... Да поверьте же, наивный вы человек. — набросился он опять на меня, — поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества"[2.т.21.с.11]. Повидимому, "утрата" состояла в том, что Достоевский в это время отошел от церковного учения о Христе как Богочеловеке. Изменившиеся убеждения писателя позже отразились и в его художественном творчестве, в частности, в образах Ипполита Терентьева и Кириллова.

После ссоры с Белинским, которая произошла в начале 1847 года, Достоевский вернулся к Церкви. Так, С.Д.Яновский утверждал, что Федор Михайлович в 1847 и 1849 годах вместе с ним говел у Вознесенья и делал это не для формы. В том же 1847 году Достоевский стал посещать пятницы Петрашевского. В деятельности этого кружка писателя интересовали прежде всего вопросы о реформе суда, о свободе печати и особенно об уничтожении крепостного права; он надеялся на освобождение крестьян самим правительством, но в крайнем случае, судя по всему, признавал возможность достичь цели путем восстания. Во всяком случае о том, что при известном стечении обстоятельств Достоевский мог бы принять путь насилия, свидетельствует его позднее признание: "Нечаявым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но нечаявцем, не ручаюсь, может быть, и мог бы... во дни моей юности"[3.т.21.с.129]. Тем не менее, эти интересы никоим образом не препятствовали возвращению писателя к религии.

Н.О.Лосский в книге "Достоевский и его христианское миропонимание" пишет о том, что возврат писателя "к Церкви был в 1847 году присоединением главным образом ко Христу как Богочеловеку, а не к Русской Православной Церкви"[4.с.45]. Это утверждение противоречиво уже хотя бы потому, что писатель причащался и молился [пусть и не так часто, как двадцать лет спустя] именно в Русской Православной Церкви. Поэтому более точным было бы говорить о том, что в 1847 году, будучи православным христианином, Достоевский еще не пришел к убеждению о исключительном предназначении Православия в мире.

Когда к петрашевцам, стоявшим на эшафоте, подошел священник, то исповедался один Шапошников, но ко кресту приложились все. Достоевский в ожидании казни испытывал мистический страх, сознавая, что через несколько минут перейдет в другую, неизвестную жизнь. Это душевное состояние подробно описано им в "Идиоте". У писателя, ждущего казни, не было осознания себя преступником, но был покаянный пересмотр всей своей жизни, выразившийся в письме к брату, написанном через несколько часов после помилования. Это письмо предвещало будущее углубление религиозных убеждений. Толчком к этому послужило и свидание в Тобольске с женами декабристов, подарившими ему Евангелие, — единственную позволенную в остроге книгу. Писатель хранил ее до самой смерти. В каторжную пору Церковь была для Достоевского источником утешения, возвышающих душу впечатлений. Он рассказывает об этом в "Записках из Мертвого дома": "Великопостная служба, так знакомая еще с далекого детства, в родительском доме, торжественные молитвы, земные поклоны, — все это расшевеливало в душе моей далекое-далекое минувшее, напоминало впечатления еще детских лет"[5.т.5.с.176]. Воспоминания детства, любовь к русскому народу и к "народной правде", постигнутой на каторге и тесно связанной с Православием, любовь ко Христу — все это влекло Достоевского, однако предстояла еще длительная внутренняя работа, прежде чем он стал отстаивать Православие как высшее выражение религиозной идеи. Однако именно на каторге был сделан решающий шаг в этом направлении. Свою ссылку писатель стал считать справедливой.

Художественное творчество Достоевского никогда не было безрелигиозным. Религиозный колорит, окраивающий ранние сочинения писателя, постепенно трансформировался в гениальную метафизическую проблематику зрелых его произведений. Однако даже первые послекаторжные книги художника еще не разрабатывают религиозных тем во всей их будущей

глубине. Переломными в этом отношении становятся "Зимние заметки о летних впечатлениях" и "Записки из подполья".

Окончательное убеждение Достоевского в том, что именно в Православии сохранился истинный лик Христа, что единственно Православие обладает высшей религиозной истиной и призвано Богом спасти и преобразить западный мир, относится ко второй половине 1860-х годов. Об этом открыто свидетельствует речь Мышкина о православном Христе на вечере у Епанчиных. В дальнейшем эта излюбленная писателем идея находит свое отражение на многих страницах его художественных произведений и "Дневника писателя". Характеры многих его героев служат выражением положительных сторон православной культуры или же представляют собой своеобразное ее искажение. Соня Мармеладова, князь Мышкин, Макар Иванович Долгорукий, Алеша Карамазов — типично русские православные люди. Наконец, героями романов Достоевского становятся православные монахи — Тихон в "Бесах", Паисий и Зосима в "Братьях Карамазовых". Именно в их образах художник стремится разрешить труднейшую творческую задачу создания положительного героя. Именно они и составляют, по мысли писателя, тот русский положительный тип, который долго и подчас безуспешно искала наша литература.

Христианское мировоззрение Достоевского развивалось по витку своеобразной спирали. Воспитанный в традиционных идеалах Православия, художник с 1841 года стал постепенно отпадать от Церкви. Пиком в этом процессе стал период дружбы писателя с Белинским в 1845-46 годах, когда его приятие Христа ограничивалось лишь признанием недостижимого нравственного идеала личности Спасителя и было вполне тождественно популярной в девятнадцатом столетии концепции Д.Штрауса и Э.Ренана. После ссоры с Белинским в 1847 году состоялось возвращение Достоевского в лоно Церкви. Каторга способствовала его знакомству с верой и правдой русского народа, освобождению от увлечения идеями западничества и социализма, осуждению прежних политических убеждений, углублению внутренней религиозной жизни. Наконец, со второй половины 60-х годов писатель начинает отстаивать Православие как высшее выражение религиозной идеи, противопоставляя Его католичеству и реформации, искажившим истинное христианство. Такова эволюция религиозных взглядов Достоевского: от Православия, воспринятого в родительском доме, через сомнение и отрижение его в кружках Белинского и Петрашевского, к Православию, выстраданному трагическим опытом всей жизни. "Христос стал его альфой и омегой. Православие и народ — спасением" [6, с.73].

Литература

1. Достоевский Ф.М. ПСС: В 30т. – М.:Л.,1972-1990.
2. Достоевский Ф.М. Указ. соч.
3. Достоевский Ф.М. Указ. соч.
4. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миронимание// Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.,1994. – С.6-249.
5. Достоевский Ф.М. Указ. соч.
6. Плетнев Р.В. Земля (Из работы "Природа в творчестве Достоевского")// О Достоевском/ Под ред. Бема. – Прага,1929. – т.1. – С.153-162.

ОМОНИМИЯ В СИСТЕМЕ МЕСТОИМЕННИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Мащенко Е. М., аспирантка кафедры русского языка

Стаття присвячена проблемам омонімії усередині класу займенників сучасної російської мови. В системі займенникової лексики виділена міжкатегоріальна і міжрозрядова омонімія. В займенникових омопарах необхідно ураховувати відношення до лексичного, словотворного, категоріального, граматичного і розрядового значень.

This article lights the way for problems of homonymy in the class of pronouns in the modern Russian language. In the system of lexies of pronouns distinguished homonymy between categories and between classes of pronouns. In homopares of pronouns should be taken into consideration its relation to lexical meaning, word-building meaning, categorial meaning, grammatical meaning and meaning of classes.

Омонимия как лингвистическое явление издавна привлекала внимание языковедов. Но, несмотря на длительную историю изучения омонимии, ее лингвистический статус до сих пор не определен. Мнения относительно омонимии колеблются от интерпретации ее как отдельной лексико-семантической категории (в ряду полисемии, синонимии, антонимии), изучение которой является одной из центральных проблем лексической семантики, до полного ее отрицания (при этом указывается на то, что наличие омонимии противоречит логичности языка и рациональной целенаправленности языкового знака).

Еще в 60-е годы В.В.Виноградов обозначил широкий круг проблем, связанных с омонимией: "... способы разграничения и выделения омонимов – семантические, морфологические, словообразовательные, синтаксические – на основе различий в формах сочетаемости, реакция языка на омонимию, утрата слов в силу омонимии путем лексических заимствований, нерегулярные, обусловленные омонимией изменения звуковой формы слов для избежания омонимии, новообразования в приемах сочетания морфем и слов, порожденные "борьбой" омонимов, задерживающее действие фразеологических выражений при отмирании омонимов, степень "терпимости" разных языков к омонимии, явления аттракции или контаминации при омонимии, диффузия значений у омонимов..., структурные различия между омонимией и полисемией, пределы и возможности омонимии в системе знаков и многое другое" [1, с.3].

Спорным вопросам омонимии посвящены многие работы А.И.Смирницкого, Л.В.Малаховского, Е.М.Галкиной-Федорук, В.И.Абаева, А.Я.Шайкевича и других видных ученых.

Цель данной работы – определить место омонимии в системе лексико-семантических категорий языка, рассмотреть особенности явления омонимии в прономинальной лексике (местоимения, или прономинативы, мы рассматриваем в широком понимании термина, то есть в их состав включаем и так называемые "местоименные наречия").

В лингвистических работах мы находим следующие определения явления омонимии в современном русском языке: "Лексическими омонимами называются два и более разных по значению слова, совпадающие в написании, произношении и грамматическом оформлении" [2, с.68]. "Омонимия – внешнее совпадение по звуковой оболочке двух или более различных слов" [3, с.104]. "Омонимами являются такие слова, одинаково звучащие, но имеющие совершенно различные, не выводимые сейчас одно из другого значения, которые совпадают между собой как в звучании, так и в написании во всех (или в ряде) им присущих грамматических формах" [4, с.43]. "Омонимы – это оппозиции слов, тождественных по форме, но абсолютно различных по значению" [5, с.34].

Обратим внимание на то, что во всех приведенных выше definicijax главным признаком омонимии считается разное лексическое значение слов при совпадении их звуковой оболочки. Слова-омонимы не должны иметь общих сем в лексических значениях. То есть омонимия как явление языка рассматривается только лишь на лексическом уровне. Например, Н.М.Шанский считает, что "фактом лексической системы русского языка является лишь омонимия слов, причем слов одного и того же грамматического класса; только омонимы различаются между собой в первую очередь по семантике, а не по грамматическим свойствам и звучанию своих

других форм, только они составляют в своей лексической системе соответствия чисто семантического характера..." [6, с.45].

В.В.Виноградов в работе "Проблемы морфематической структуры слова и явление омонимии в славянских языках"[7] предлагает различать следующие понятия: 1) омонимию лексических единиц – полное совпадение всех форм слов, различных по значению и совпадающих по звучанию. Об этом типе омонимии идет речь в учебных пособиях по лексикологии, и именно для этого типа омонимии и даются дефиниции у О.С.Ахмановой, Н.М.Шанского, М.И.Фоминой; 2) частичную лексико-морфологическую омонимию – совпадение всех форм одного слова (возможно, единственной) с одной или несколькими формами другого слова; 3) омоформию – совпадение отдельных форм одного и того же слова или разных слов, как одной и той же части речи, так и разных частей речи; 4) омоморфемность – совпадение звучания аффиксальных либо корневых морфем при различии их значения. Таким образом, В.В.Виноградов в качестве основного направления развития омонимики определил путь разграничения структурно-морфологических типов омонимии.

В современной лингвистике существует несколько классификаций омонимии, "все они, в основном, являются дополнениями и модификациями классификации А.И.Смирницкого, выделяющего три основных, конституирующих признака омонимов: 1) общность звучания (или общность формы); 2) различные значения (или общность содержания); 3) соотнесение омонимов к словам или словоформам" [8, с.86]. Классификации, построенные по этим признакам, считаются наиболее существенными и важными. По классификации А.И.Смирницкого, согласно первому признаку, все омонимы делятся на фонематические и фонетические (это омофоны). Примеры фонематических омонимов: *лук (оружие)* – *лук (овощ)*, *коса (орудие)* – *коса (девичья)*, примеры фонетических омонимов (омофонов): *лиса* – *леса*, *труд* – *прут*, *луг* – *лук*.

По признаку различия в значении все омонимы делятся на три неравные группы: а) лексические омонимы: *горн* (муз.инструмент) – *горн* (в кузнице), *жать* (инфinitив глагола "жму") – *жать* (инфinitив глагола "жну"); б) грамматические: *березы* (род.п.ед.ч. и им.п.мн.ч.), *нас* (род.,вин., предл. падежи); в) лексико-грамматические, которые, в свою очередь, делятся на простые, относящиеся к одной части речи: *граф* (род.п.мн.ч. слова "графа") и *граф* (им.п.ед.ч.) и сложные, относящиеся к разным частям речи: *дам* (глагол 1л.ед.ч.буд.вр.) и *дам* (род.п.мн.ч. существительного "дама"). В зависимости от того, совпадают ли по звучанию отдельные формы разных слов или слова в совокупности всех своих форм, различают омонимы полные и частичные.

Существующие представления о типах омонимии наиболее полно отражены в классификации А.Я.Шайкевича [9, с.139].

Предлагаются и более многомерные классификации, основанные на большем количестве признаков. Например, типологическая классификация Л.В. Малаховского основана на четырех гетерогенных признаках: а) тождество или различия звучания; б) тождество или различия написания; в) тождество или различия лексического значения; г) тождество или различия грамматического значения [10]. То есть, по Л.В.Малаховскому, типологические группы омонимов основываются на следующих уровнях: фонетическом, графическом, семантическом и грамматическом.

Если суммировать известные классификации омонимии, то окажется, что все они основаны на корреляции между формой и содержанием лингвистического знака и представляют собой объединение и сопоставление разноплановых признаков. Но омонимия – прежде всего семантическое явление языка. Принадлежность к ней определяется разными значениями на одном из уровней. До сих пор на различных этапах развития омонимической теории изучались сначала лексические, потом грамматические, а в последнее время словообразовательные омонимы.

Чтобы осуществить семантическую классификацию омонимов, О.М.Ким предлагает предъявить к равнозначным словам "анкету из четырех пунктов: 1) отношение к лексическому значению (ЛЗ), 2) отношение к категориальному значению (КЗ), 3) отношение к словообразовательному значению (СЗ), 4) отношение к грамматическому значению (ГЗ). В зависимости от того, на каком уровне возникает омонимическое столкновение, должны различаться типы омонимии. С этой точки зрения традиционное определение омонимов как слов, тождественных по звучанию, но разных по значению, применимо только к омонимии на

уровне Л(лексическом). Здесь мы сталкиваемся с необходимостью учитывать одновременно не менее четырех содержательных признаков при тождестве плана выражения" [11, с.87].

В рамках данной публикации нас будут интересовать следующие вопросы: возможно ли явление омонимии внутри класса местоимений и на каких уровнях будут сталкиваться значения в местоименных омопарах?

Система местоимений современного русского языка представляет уникальный по своей лексической и грамматической природе класс слов. В сфере местоименной лексики русского языка можно выделить явления омонимии и полисемии, синонимии и антонимии, что характерно и для других знаменательных слов русского языка. В лингвистической литературе практически отсутствуют специальные работы, посвященные явлениям полисемии и омонимии внутри класса местоимений. Разграничение полисемии и омонимии в системе знаменательных слов – трудная лингвистическая проблема, а внутри класса местоимений она становится еще более сложной. На существование омонимов в системе местоимений современного русского языка указывали В.Кононенко, О.М.Ким, Е.Н.Сидоренко, но прономинативы-омонимы требуют более полного семантического и грамматического анализа.

Как известно, полисемичное слово представляет собой совокупность двух или более значений одного и того же слова. Омонимы же – разные слова. У полисемичного слова значения должны иметь общие семы. У омонимов же, даже образовавшихся в результате распада полисемии (разошедшисяя полисемия), значения не должны иметь общих сем (для лексических омонимов). Все толковые словари русского языка (БАС, МАС, словарь Ушакова, словарь Ожегова) трактуют местоимения либо как полисемичные слова (при наличии нескольких значений), либо как моносемичные слова (при наличии одного значения). Например, в БАСе местоимение *любой* (-ая, -ое) дается как моносемичное:

"ЛЮБОЙ, -АЯ, -ОЕ. Какой угодно (на выбор).

[Васильков:] Вот пистолеты! Выбирай любой! (А.Островский. Бешеные деньги).

?Любой, -ого, м., любая, -ой. ж. в знач.существ.

Когда страна\быть прикажет героем, У нас героем становится любой. (Лебедев-Кумач, Марш веселых ребят).[12, стлб. 436-437]. Для местоимения *любой*, -ая, -ое дается одно значение с указанием возможности употребления "в значении существительного". Приведем еще один пример: "ВСЯКИЙ, -АЯ, -ОЕ. Определительное местоимение.

1. Каждый. Моя Чайка идет в Москве уж в 8-ой раз, театр всякий раз перенолнен. (Чехов).

?Всякий, -ого, м. и всякая, -ой, ж. в знач. существ.

Нужда, бедность. жизнь из милости в чужих людях ... тяжела всякому. (С.Аксаков. Сем.хроника).

2. Разный, всех видов, какой бы ни было.

Чириков весело поддерживал всякий разговор. (Л.Толстой. Анна Карен.).

3. Любой, какой бы то ни было.

Я путешествовал без всякой цели, без плана... (Тургенев. Ася)." [13, стлб. 898-899].

Мы видим, что для прономинатива *всякий*, -ая, -ое составители словаря выделяют три значения, относя его, таким образом, к разряду полисемичных слов. Отметим, что для местоимения *всякий* в 1-м значении (как и для местоимения *любой*) указывается на возможность употребления "в значении существительного". По нашему мнению, в данных случаях местоимения (*любой*, *всякий* и др.) выступают в другой категориальной соотносительности – с именами существительными, и их уже нельзя рассматривать в пределах одной словарной статьи. Данные прономинативы вступают в омонимичные отношения по категориальной соотносительности, обладают омонимичными категориальными значениями. "Местоимения, имеющие тождественный звуковой комплекс, но категориально соотносительные с разными частями речи, как и слова разных частей речи, следует считать омонимами" [14, с.63]. Местоимения, омонимичные по категориальной соотносительности, вслед за Е.Н.Сидоренко, мы предлагаем называть межкатегориальными омонимами.

Внутри класса прономинативов современного русского языка можно выделить и омонимию другого рода. Приведем в качестве примера словарную статью местоимения *иной*, -ая, -ое:

"ИНОЙ, -АЯ, -ОЕ, -ЫЕ, местоим.

1. Другой, не этот. Не надобно иного образца, когда в глазах пример отца. (Грибоедов, Горе от ума).

Иной, -ого, иная, иной, иное, -ого, иные, -ых, в знач.сущ.

Конечно, нет в нем этого ума, что гений для иных, а для иных чума. (Грибоедов).

2. Некоторый, кое-какой. В иных случаях тратились они [Болдухины] без надобности... (С.Аксаков, Наташа).[15, стлб. 363-364]

В приведенной выше словарной статье местоимения *всякий* (-ая, -ое, -ые) все три значения данного прономинатива имеют общие семы ("всякий"="каждый", "всякий"="разный", "всякий"="любой") и не выходят за границы значений обобщающе-выделительного разряда. Для местоимения *всякий* мы можем выделить только межкатегориальную омонимию по разной категориальной соотносительности: с именами прилагательными и с именами существительными.

В словарной статье местоимения *иной* (-ая, -ое, -ые) под разными значениями одного слова даны значения, не имеющие общих сем, более того, данные значения относятся к разным семантическим разрядам местоимений: "иной" в значении "другой, не этот" относится к обобщающе-выделительному разряду, а "иной" в значении "некоторый, кое-какой" относится к неопределенному разряду местоимений. "Местоимения с одинаковым звуковым и графическим обликом, относящиеся к разным семантическим разрядам, также допустимо рассматривать как омонимы"[16, с.63]. Таким образом, в случае совпадения звукового облика у пары прономинативов, но отнесении их значений к разным семантическим разрядам (категориальная соотносительность должна быть одна и та же), мы получаем межразрядовую омонимию.

Таким образом, проблема омонимии в сфере прономинальной лексики имеет свою специфику. В местоименных омонинах необходимо учитывать не только 1) отношение к лексическому значению; 2) отношение к словообразовательному значению; 3) отношение к категориальному значению; 4) отношение к грамматическому значению, но и 5) отношение к разрядовому значению.

Повторение местоимениями особенностей системы частей речи современного русского языка, параллельная категориальная соотносительность приводит к образованию межкатегориальных омонимов внутри класса прономинативов, а расхождение значений по разным семантическим разрядам – к межразрядовой местоименой омонимии.

Литература

1. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях// Вопросы языкоznания. - 1960. -- №5. -- С.3-17.
2. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. З-е изд. -- М.:Высш. шк., 1990. --414с.
3. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. -- М.:Учпедгиз, 1957. -- 295с.
4. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. -- М.:Просвещение, 1972. -- 327с.
5. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. Изд. 2-е. -- М.:Высш.шк., 1989. -- 216с.
6. Шанский Н.М. Указ. соч.
7. Виноградов В.В. Проблемы морфематической структуры слова и явление омонимии в славянском языках // Славянское языкоzнание, VI международный съезд славистов. -- М.:Наука,1968. -- С.53 – 119.
8. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. -- Ташкент: Фан, 1978. -- 228с.
9. Шайкевич А.Я. О принципах классификации омонимов // Процессы развития в языке. --М.,1959.
10. Малаховский Л.В. Омонимия слов как абсолютная лингвистическая универсалия // Иностранные языки в высшей школе. -- Вып.12. -- М.: Высш. шк., 1977. -- С.94 – 99.
11. Ким О.М. Указ. соч.
12. Словарь современного русского языка. В 17-ти т. -- М.-Л.: Наука, 1957. -- Т.6.
13. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. -- М.-Л.: Наука, 1951. -- Т.2.
14. Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. -- Киев-Одесса: Лыбидь, 1990. -- 148с.
15. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. -- М.-Л.: Наука, 1956. -- Т.5.
16. Сидоренко Е.Н. Указ. соч.

СИМВОЛІКА ЗООМОРФНИХ ОБРАЗІВ У ЗБІРЦІ ЛІТЕРАТУРНИХ КАЗОК І. Я.ФРАНКА «КОЛИ ЩЕ ЗВІРИ ГОВОРИЛИ».

Михайличенко Г. Б., аспірант

В статье исследуется зооморфная символика литературных сказок И.Я.Франка с момента возникновения символа и до трансформации его в конкретную систему символической градации. Прослеживается древняя культовая принадлежность зооморфных символов, которая со временем из культовой переходит в символику определенной категории человеческих качеств или общественного явления.

The article deals with zoomorphic symbolism in Franko's literary fairy tales from the moment symbols appeared, till their transformation as a concrete system of symbolic gradation. The ancient nature of zoomorphic symbols as a part of cult is disclosed. The later changes in the nature of symbols as that concerned with the particular categories of personal character or social phenomena, are described.

Збірка літературних казок І.Я.Франка «Коли ще звіри говорили» вийшла друком у теперішньому її вигляді, тобто доповненою і з передмовою автора у 1903 році. У передмові до збірки І.Франко обґрунтует обрану зооморфну тематику. Він пише: «Бажаючи вибрati для наших дітей книжочки щонайкращих казок різних часів і народів, я зупинився наперед усього на тих, де оповідається про самих звірів... вони розбуджують їх цікавість та вагу до явищ природи, але не розбуркують молоду фантазію дивоглядними образами заклятих замків, царів, розбійників та демонів...». Продовжуючи вчений-писменник визначас і морально-естетичну мету збірки казок про тварин: «Вілси вони винесуть перші і міцні основи змілювання до чесноти, правдомовності і справедливості, а надто любов до природи і охоту - придивлятися близько її творам, прислухатися її таємній мові, чути себе близькими до ней, підглядати, а далі і простежувати її великі загадки» [1, с. 509].

Використовуючи для збірки казок «Коли ще звіри говорили» казковий фольклорний матеріал «... чужих збірок, західних і східних» [2, с. 509], І.Франко їх літературно обробляє, надає авторської інтерпретації, що робить їх зрозумілими і вдало адаптованими для менталітету українського читача відповідного віку. «Я не вагався декуди відступати від оригіналів, уводити нові мотиви в старий засновок...» – пише І.Франко [3, с.509]. Варто відзначити, що подібне «перероблювання» в жанрі літературної казки широко практикувалося в українській літературі. Так Олена Пчілка під псевдонімом Бабуся опублікувала такі літературні твори як «Ворона й рак», «Казочка про коржик» та інші, в яких змінювали кінцівки оповідей, робила їх добрішими.

Подібна тенденція, написання авторських літературних казок українськими письменниками на матеріалі світового і східнослов'янського фольклору, з часом склала багату літературну традицію, визначними представниками якої стали І.Франко, Леся Українка, М.Коцюбинський, Л.Глібов, С.Руданський та інші.

Як представник української літератури, її прекрасний знавець і дослідник І.Франко не випадково звертається саме до тваринного фольклорного епосу при написанні збірки казок «Коли ще звіри говорили». Письменник розцінював жанр казки, його фольклорні корені, як відображення реального буття народу, його психології, моральних та естетичних принципів. Крім того, І.Франко вважав спільною між слов'янським ідеально-художню специфіку, а також єдиними корені багатьох світових і східнослов'янських мотивів у фольклорі. Тому цілком усвідомлено, письменник у збірці казок «Коли ще звіри говорили» подає не тільки власноруч оброблені казки світового фольклору, але й у передмові додає покажчик їх джерел. Згідно покажчика казкових джерел видно, що до збірки залишено першоджерела казок: німецьких, великоруських, грецьких, індійських, по одній сербській та перській казці. При такому широкому географічному розмаїтті сюжетів, кількість зооморфних образів не менш широка. Це надзвичайно важливий чинник при з'ясуванні символіки зооморфних образів. Бо, якщо українські фольклорні та літературні казки мають деякі спільні зі світовими зооморфні образи, то одночасно вони і суттєво розрізняються, насамперед на рівні тлумачення символіки образа і відповідних до цього дій.

Типовими для збірки «Коли ще звіри говорили» є образи вовка, лисиці або лиса, ведмедя, зайця, собаки (пес), кота, лева, осла, їжака, рака, ворони, сови, журавля. З них варто вилучити

найбільш притаманні для східнослов'янського фольклору взагалі й українського фольклору зокрема, зооморфні образи. Це: Вовк, Лисиця, Ведмідь. У франковій збірці перераховані образи можна назвати центральними. Саме вони є носіями давнього символічного значення, через осмислення якого можна злагодити давній світогляд, з'ясувати значення символа в минулому і сучасному. Цінність символів у тому, що вони створювались і набували свого значення ще на рівні людської підсвідомості, коли ще не існувало розумового тлумачення багатьох явищ природи і навколошнього світу.

Символіка ніколи не буває випадковою. Вона цілком закорінена в світоглядній концепції людяності, від прадавніх і минулих часів до теперішнього. З початку розрізнена вона з часом набуває упорядкованої системи. Якщо розглядати зооморфні образи збірки І.Франка від початку їх зародження і подальшого трансформування до певної системи символічної градації, то спостерігається їх виразна кульгова принадлежність.

У літературі зооморфні образи належать до тваринного епосу і беруть свій початок, як певні символи, від прадавніх культових вірувань східних слов'ян - тотемізму й анімізму. Окresлені культути були складовими частинами ідеології ранніх форм світогляду прадавніх слов'ян і знайшли своє відображення в фольклорі. Вони у вигляді образів, мотивів зафіксовані у всіх стародавніх жанрах фольклору. Але саме в казках про тварин можна чітко простежити їхню еволюційну природу - шляхом рокриття їх символічного значення.

За визначенням Л.Дунаєвської: «Символіка – складна категорія художнього мислення. Вона відображає процес формування та розвитку поетичного мистецтва різних народів, їх мови, обрядності, світобачення і втілюється найперше в назвах певних образів, замовляннях, числах, яким приписувались магічні властивості [3, с. 41]. Філософ А.Лоссв. який розглядав символ як художню категорію, вважає, що художня символіка в своєму розвиткові проходить два ступені. Перший – іманентний будь-якому людському образу, а образ є символом ідей. Другий ступінь символіки передбачає співвідношення художніх функцій символу з реальним життям, з певною ідеологією, мораллю.

Символіка зооморфної казки – першоступенева. Ідея та образ становлять нерозривну єдність. Як вже згадувалось, зооморфна символіка будується на прадавніх культутах, зокрема тотемізмі. Тотемізм відноситься до релігії ранньородового суспільства, якому притаманне фантастичне відображення кровноспоріднених і виробничих зв'язків у вигляді тотема – міфологічного представника роду. Він виник на ґрунті примітивного мисливсько-збирального культу палеоліту і був первісною формою релігійного усвідомлення родинних стосунків і обрядів ініціації. Головне в світогляді тотемізму – вбачання кровного споріднення між окремою родовою групою людей чи особи і певним тваринним видом. Відповідно до цього можна припустити, що вже назва збірки І.Франка «Коли ще звіри говорили» цілком символічна. Першоосновою казок відібраних письменником є міфологічні легенди, які відносяться до періоду, коли інстинктивна людина, працур, не виділяла себе із середовища природи, не визнавала себе її особливим феноменом. На той час інстинктивна людина не могла мислити інакше, ніж надіlitи навколошній світ власними якостями і звичками. Тому в її уяві птахи і звірі могли перевтілюватися в людей, розмовляти мовою людини, творити добро і зло або те, що під силу людині, тобто: «звірі говорять, діють» тощо. Крім того, фольклорні тотемістично-зооморфні образи безперечно відзеркалюють певний період історичного розвитку того чи іншого суспільства і народу. А отже «звіри говорили» в прадавні, доісторичні часи.

Образна система міфологічних легенд східних слов'ян свідчить про те, що найбільшого значення прадавні слов'яни надавали вовку, лисиці, ведмедю, ворону. Визначені зооморфні образи, набувши певного символічного значення у відповідний історичний період (розквіт культу тотемізма), з часом набувають іншого. Хоча при цьому значення першоступеневого символа зберігається лише частково. Так, завдяки досвіду людства протягом багатьох віків, а в літературі завдяки художньому домислу автора, тотемістичне значення зооморфних символів переходить в нову якість; тотемізм, як культ, зберігається лише як художня форма в певних літературних мотивах, народній обрядовості.

Вище визначене простежується в франківській збірці. Зооморфні образи, звірі, виявляють свої «тваринні» властивості, які генетично притаманні людині. Одночасно кожен із зооморфних образів втілює певну категорію людей, що саме по собі є певною символізацією рис людського характеру, того чи іншого типу людини. Вовк – злий себелюбець. Через свою хижисть і одночасно розум він викликає до себе давню неприязнь, наділяється жадібністю. Це негативні риси в людському суспільстві, які притаманні лише людині. Саме тому Вовк у казках

зображеній звичайним дурнем, котрий легко піддається на різні «провокації» хитрої Лисиці, Собаки, Осла. Логіка семантики образа - зло повинно бути покаране. (Казки І.Франка «Старе добро забувається», «Вовк війтом», «Вовк, лисиця і осел», «Лисичка кума», «Війна між псом і вовком») [4, с. 54-79]. Одночасно Лисиця зображується хитрим і улесливим образом. Щоразу, в будь-якій ситуації, вона вміє знайти вихід і вигоду для себе. У багатьох казках Лисиця перевершує розумом усіх звірів, що оточують її, вдало використовуючи обман чи лицемірство. Це також цілком символічно щодо міжособових стосунків людей в будь-якому суспільстві. Звірі – це давні символи, насамперед не людей, а людських якостей, які існували з прадавніх часів: обману, лицемірства, шахрайства, тощо. Тому відносно до повчально-розважального змісту казок І.Франка хитроці, витівки Лисиці часто закінчуються для неї трагічно. Наприклад, її розривають собаки [5, с. 54-62]. Подібний сюжет є відхиленням від сталої символіки, але характерною рисою літературних казок.

Таким чином, символічний образ Лисиці в казках виявляється тісно переплетеним із суспільним життям, із характерними людськими рисами, соціальними обставинами. Символічними виявляються властивості, уособлені не тільки в Лисиці. Всі зооморфні образи збірки зображені в обставинах типових для життя як людини, так і тварини. З одного боку, вони живуть в лісі, годуються звірячою їжею, один одним, з іншого боку, їм притаманні властивості людей: мова, мислення, поведінка. Інакше чітко простежується метафора – «звіри – як люди». Визначену метафору можна тлумачити як результат розвитку літературної традиції в межах жанру казки.

Згаданий вище образ Вовка є найбільш змістовним за символічним значенням не тільки в збірці «Коли ще звіри говорили», але і в усьому слов'янському фольклорі. У збірці він поруч з Лисом займає чільне місце. Культ Вовка – породження тотемізму. Культове вшанування вовка було поширенім у всіх слов'ян. Наприклад, у сербів він вважається тотемом. Повір'я, що зустріч з вовком вінцує успіх у задуманій справі до недавнього часу збереглося в білорусів. Релігійне свято на честь вовків щороку святкувалось в гуцулів.

Отже, безперечно, що зародження цього культу відноситься до часів тотемізму. Від тих часів, а можливо, і пізніше, існує українське повір'я, що коли жінка на початку вагітності побачить вовка, то в ней народиться син-вовкулака. Звідси – фольклорний образ вовкулаків. Подібне повір'я є не чим іншим, як символом ритуального співживиття з предком-тотемом. Обряд ритуального співживиття з тотемом у слов'ян використовувався з метою прилучення молодого до нової сім'ї молодої, залучення до родового тотему дружини. В ініціальних обрядах зооморфний образ вовка пов'язувався із набуттям людиною, яка з ним поєднується, добробуту, тобто був символом добробуту.

Вовк – як першооснова, як символ із культового набуває фольклорного значення, а саме, стає розповсюдженим, сuto фольклорним образом вовкулаки. Перші згадки про вовкулаків відносяться до 5 ст. до н.е. У своїх творах про них згадує Геродот, розповідаючи про життя давніх східних слов'ян [6, с. 213]. Згідно тотемістичних уявлень багатьох народів, після смерті людина перевтілювалася в ту тварину, яка за життя служила їй тотемом. У межах цього культу деякі народи загортали в шкіру тварини-тотема покійника, що, власне, служило символом переродження (реінкарнації). Символічно, мотиви реінкарнації знаходять свій відбиток у сюжетах сильного побиття Вовка, здирання з нього шкіри, вбивства. Подібний мотив часто зустрічається в збірці І.Франка. Наприклад: «Чоловік обернув мішок на другий бік та як уцідить Вовка по голові, та й забив його на смерть» [7, с. 56]. Або: «А під копицею сидів власне порядний хлоп з вилами в руках... як вискочить, як потягне Вовка разів десять по хребті, аж Вовк і содухи спустив» [8, с. 71]. Отже, очевидно, що биття і смерть Вовка, відповідно до ідеї казок і на основі міфологічних легенд, символізує собою переродження Вовка, тобто перевертня в людину.

Необхідно відзначити, що вірування про існування людей, які за певних обставин стають вовками, як і культ вовка, були поширені у всіх слов'янських народів. У росіян вони відомі під назвами «волкодлак», «вурдалак», у білорусів – «вовколак», «вовкалека», в українців – «вовкулака», «вовкун», «вовкулак», «дводушник». Полякам відомий wilkolok і wilkolek, чехам – wlkodlak, сербам – влъколек, врколак, німецьких слов'ян – warwolf.

Стосовно семантики слово «вовкулака», мабуть, двочленне. Перша його частина – вовк, wilk, вук, вълък – зрозуміла. А друга – dlak, dlaka (в чехів), кодлак (в Галичині), chłak (у сербів) – означає «вовна, шерсть». Від слова «кодлак» походить в українській мові і слово «кудлатий». Звідси назва вовкулака може в буквальному розумінні тлумачитись як «вовча шерсть». В

Україні також уживалось і слово «кодло», яке входить складовою частиною до російської та болгарської назв перевертня і вживається в значенні «рід, плем'я». Тому «вовкодлак» можна реконструювати і як «вовчий рід» [9, с. 66].

Отже, образ Вовка в міфологічних уявленнях слов'ян виявився дуже стійким. Він увійшов до фольклорного епосу як перевертень, тобто людина перетворена ким-небудь чи за власним бажанням у вовка. Через смерть або побиття людину можна звільнити з цього стану.

Таким чином, цілком очевидно, що образ Вовка в літературних казках зберіг своє первинне символічне значення. З'явившись як тотемістичний культовий образ, він поступово переходить в міфологічний. Образ вовка-тотема трансформується в образ вовкулаки і з розвитком літературної традиції посідає місце міфологічного персонажу, зберігаючи при цьому символічне первинне значення тотему.

Зооморфні образи збірки І.Франка «Коли ще звіри говорили» безсумнівно мають давнє символічне значення. Первинно виконуючи роль тотемів у ініціативних обрядах, вони з часом перетворилися на символи певної категорії людей, символи фізичних, розумових чи моральних людських якостей, стали символами окремої людини чи суспільного явища.

Література

1. Франко Іван. Твори: В 20-ти т. Т. 4. – К., 1950. – 542 с.
2. Там же. С. 509.
3. Дунаєвська Л.Ф. Українська народна казка. – К., 1987. – 119 с.
4. Франко Іван. Твори: В 20-ти т. Т. 4. – К., 1950. – 542 с.
5. Гам же. С. 509.
6. Геродот. Історія. Л., 1972. – 580 с.
7. Франко Іван. Твори: В 20-ти т. Т. 4. – К., 1950. – 542 с.
8. Там же. С. 509.
9. Давидюк В.Ф. Українська міфологічна легенда. – Львів, 1992. – 174 с.

ОБРАЗ АВТОРА В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКЕ
(Н.А.ДОБРОЛЮБОВ И К.Н.ЛЕОНТЬЕВ
О РОМАНЕ И.С.ТУРГЕНЕВА “НАКАНУНЕ”)

Орехова Л. А., доктор филологических наук, профессор

Розглядається роль авторського образу, в тому числі мистифікованого, в ідейно-композиційному задумі літературно-критичній статті.

The given work deals with the role of author's image, particularly mystified one, in the genre of literary-critical article.

Когда в мае 1860 г. в "Отечественных записках" появилось "Письмо провинциала к г. Тургеневу по поводу повести г. Тургенева "Накануне" (без подписи), трудно было предположить, что его автор - К.Н.Леонтьев, молодой еще человек (не было и тридцати), только начинающий литературную карьеру [1]. Еще труднее было представить, что несколько лет назад именно Тургеневу принес Леонтьев, "бледный болезненный юноша", студент-медик Московского университета, свою первую комедию "Женитьба по любви". Неужели теперь, в 1860, наставник и ученик поменялись местами? Столь уверено и безапелляционно "отчитывает" последний знаменитого русского прозаика за роман "Накануне": "Вы недостойны себя как творца "Рудина", "Гнезда", "Муму", "Затишья", даже "Записок охотника", которые однако много уступают в деле зрелой красоты этим новостям. Что за математическая ясность плана? Разве такова жизнь?.. Все лица собрались для олицетворения общественных начал [2].

Разумеется, перед читателем не случайная, а спланированная ситуация, в которой сознательно разыгрывают неожиданные роли как Леонтьев, так и Тургенев, смиренно принимающий упреки безвестного провинциала и даже передающий "Письмо..." А.А.Краевскому для скорейшего опубликования. В чем смысл этой "комедии масок" и почему Леонтьев прибегает к амплуа почтенного строгого дворянина, считающего себя вправе высказать неудовольствие новым тургеневским произведением: "Я прочел "Накануне" с увлечением, но оно неприятно потрясло меня... В деревне нет возможности иметь разом под рукою все журналы и сообразить все критические отзывы" [с. 8]. Зачем напускная наивность и ортодоксальная фраза: "сообразить критические отзывы"? Тем более, что дальше следует вполне квалифицированный разбор повести, причем совершенно в духе и стиле времени. И конечно, нельзя верить, что Леонтьев действительно не был знаком с критическими отзывами о "Накануне", в частности, с напечатанной двумя месяцами раньше в "Современнике" статьей Н.А.Добролюбова "Когда же придет настоящий день?", имевшей огромный общественный резонанс и послужившей поводом для разрыва Тургенева с журналом.

Ключом к разгадке этой историко-литературной мистификации как раз и становится... добролюбовская статья. Сопоставляя ее с "Письмом..." К.Н.Леонтьева, нельзя не заметить, что "провинциал" высказывает не только ряд прямо противоположных, по сравнению с выводами Добролюбова, суждений (приемлемых, однако, для Тургенева), но и избирает для этого "контрстиль", важнейшим композиционным элементом которого становится образ вымышленного автора-“провинциала”. Разберемся детальнее.

Успех статьи Н.А.Добролюбова обусловлен не только мастерским анализом романа, смелыми оппозиционными суждениями, но и ощутимым авторским обаянием. Каждому читателю рисовался образ необыкновенного человека, умного, тонкого критика и страстного борца. Разумеется, молодежь увидела в Добролюбове образец для подражания, хотя статья обращена к различным читательским слоям. Литературная слава Тургенева и популярность "Современника" обеспечивали пеструю читательскую аудиторию, и это учитывал Добролюбов, сумевший с первых строк завладеть читательским вниманием.

Полемика с эстетической критикой, содержащаяся в начальных абзацах, сокращена предельно, чтобы не утратилось заданное заглавием статьи эмоциональное напряжение. Пародирование сентиментально-романтических оценок ("поэзия самая свежая и благоуханная", "понимание невидимых струй и течений"), а затем намеренное занижение стиля ("Мы хотим просто подвести итог тем данным, которые рассеяны в произведении... Работа нехитрая, но нужная") [3] достаточно убедительно, хоть и лаконично, характеризовали критические принципы автора. При этом обещание "разобрать, проверить и поставить на

место все цифры, из которых составляется этот сложный отчет", не только заверяло в беспристрастности анализа, но и своеобразно вводило в иную лексическую сферу, видимо, чиновничью, весьма понятную "обремененным множеством занятий и отды whole".

Уже на этом этапе достигая необходимой дифференциации читателей (кто отбросит статью, кто прочтет с любопытством, кто со злобой, а кто-то увлечется), Добролюбов, по мере усиления политической определенности рассматриваемых образов, все настойчивее и чаще обращается к "своему" читателю, "вошедшему в разум". Добролюбовские раздумья о необходимости борьбы целенаправленно мобилизуют молодые силы. Заметим, как постепенно, от страницы к странице, уточняются и становятся более категоричными формулировки: "деятельные стремления души зреют и крепнут" [с. 224]; "в обществе могут быть отдельные сильные натуры" [с. 225]; "деятельность, требующая большого напряжения и борьбы" [с. 226]; "определить себя на широкую и смелую деятельность, на вольную борьбу" [с. 227]; "слиться душой с каким-нибудь великим делом" [с. 228]; "как может человек успокоиться, когда его родина порабощена и угнетена", "любовь к свободе родины", "облегчение участия бедных земляков" [с. 229]; "настоящая деятельность" [с. 230]; "что делать?" [с. 231]; "как делать добро?" [с. 232]; "всю эту среду перевернуть" [с. 235]; "права на жизнь и волю русского народа" [с. 240].

Многомерное авторское "мы" выполняет в статье несколько функций. "Мы" заменяет добролюбовское "я" ("мы нашли нужным высказать это"), олицетворяет партийную солидарность ("Вот почему полагаем мы..."), но чаще всего "мы" - форма соразмысла с читателем: "И где же разрешение сомнений? Томительно, жадно ищем его..."; "Мы тоже рады сделать доброе дело... Мы подадим милостыню..."; "Думали мы..." [с. 223-224].

Возникающему в читательском сознании за текстом образу Добролюбова, человека устойчивых смелых убеждений, демократа, в полемике с добролюбовскими выводами, по мысли Леонтьева, убедительно мог противостоять совершенно другой образ – популярный в дворянских читательских кругах. Это не профессиональный критик, вступающий в состязание "на равных". Это должен быть голос читателя-дворянина, каких много: лояльного, рассудительного, твердых понятий (а не "туповатого", как Николай Артемьев Стаков, не "хорошенького и грациозного", как Шубин, и не "неуклюжего и старообразного", как Берсенев).

Избранному и воплощенному Лентьевым авторскому образу впору внешняя непрятательность, явно заключающая в себе выпад против уверенного добролюбовского "мы": "Я изложу то, что Я думаю об этом. Я в некоторых случаях есть признак скромности" [с. 6]. Форма "мы" у Леонтьева имеет только один смысл – я адресат письма, т.е. автор статьи, и писатель Тургенев, обязаный прислушиваться к мнению русского дворянства: "Но довольно об этом. Переходим к Елене" [с. 8]. Тургенев между тем "принужден" принять позу склонившего голову художника, "неверно" уловившего "венияния времени", тогда как Добролюбов видел ценность тургеневского таланта в "живом отношении к современности".

Но знающий жизнь "провинциал" публично обвиняет создателя "Накануне" в неправильном понимании общественных вопросов: "Второй недостаток романа, имеющий более общий характер, это механические приемы, которые Вы употребили для объяснения читателю, что Инсаров человек дела не сухого, а поэтического" [с. 8]. И далее: "Вина Ваша относительно Елены не в нравственном принципе, олицетворяющем ее, но, с одной стороны, в слабости ее воплощения (Добролюбов признавал в Елене "энергический, деятельный характер" – Л.О.), с другой – в слабости воплощения Инсарова, а корень того и другого в несимпатичности Инсарова для русского вообще и для Вас самих" [с. 10]. Низводя образ Инсарова до уровня досадной ошибки писателя, Леонтьев освобождает Тургенева от необходимости вступать в открытый спор с Добролюбовым: вместо Тургенева молодому критику "Современника" отвечает будто бы посторонний человек.

Как видим, продуманный и искусно воплощенный (в этом Леонтьеву отказать нельзя) образ автора- "провинциала", а также форма ведения полемики – в виде частного письма, где не обязательно активное возражение оппоненту – сообщили леонтьевскому отзыву размеренность, уверенность монолога (у Добролюбова – страстный диалог с читателем), что, возможно, пришло по сердцу дрогнувшему и усомнившемуся после статьи Н.А.Добролюбова "образованному большинству".

Литература

1. К 1860 году были опубликованы повести К.Н.Леонтьева “Благодарность” (“Московские ведомости”, 1854), “Лето на хуторе” (“Отечественные записки”, 1855, кн. 5).
2. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т.8. М., 1912. С. 4. Далее статья К.Н.Леонтьева цитируется по названному изданию с указанием страницы в тексте.
3. Добролюбов Н.А. Избранные сочинения. М.-Л., 1948. С. 218. Далее номер страницы указывается в тексте

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА В ФРГ

Петренко А. Д., кандидат филологических наук, доцент

Мовна ситуація у сучасній Німеччині зумовила особливу роль соціолінгвістичних досліджень. Це зняло своє вираження у великій кількості теоретичних та емпірічних робіт. У дискусіях стосовно основних положень та методичних питань взаємодії соціальної системи і мови

The language situation in modern Germany determined a special role of sociolinguistics. It is proved by a great number of theoretical and empirical works and also by the current discussion of issues related to the interaction of the social system and language

За последние два десятилетия ясно определился перечень основных проблем изучения социальной системы общества Германии с точки зрения социолингвистики, часть из которых уже привлекла к себе внимание исследователей:

- а) аспекты подсистем немецкого языка и их влияние на социальные структуры;
- б) аспекты социально детерминированного языкового поведения и социального поведения как реакции на язык;
- в) аспекты многоязычия [2].

Социальная лингвистика в Германии занимает особое место. Это выражается не только в большом количестве теоретических и эмпирических работ, но, прежде всего, в оживленном обсуждении основных теоретических и методических вопросов, касающихся взаимодействия и пересечения элементов социальной системы и языка. важнейшие из которых можно свести к следующим:

- 1.Какие подсистемы современного немецкого языка какими социальными структурами Германии объясняются.
- 2.Каковы языковые и функциональные особенности подсистем современного немецкого языка.
- 3.Какое влияние на социальное существование групп и индивидов оказывает владение определенными подсистемами.
- 4.В какой мере и каким образом вторичная языковая социализация (прежде всего в школе) может изменить социальное существование групп и индивидов (последствия языкового образования).
- 5.Каково сегодня отношение лояльности между немецким литературным и разговорным языком, а также немецкими социальными и территориальными диалектами.
- 6.Можно ли предсказать тенденции развития в подсистемах немецкого языка в связи с тенденциями развития в общественной области.
- 7.Какие языковые и социальные факторы надо учитывать при кодификации немецкого литературного языка.
- 8.Может ли владение определенными подсистемами усложнить процесс познания в определенных социокультурных областях.
- 9.Какие коммуникативные ситуации какое языковое поведение (вербализация зависящих от статуса ролей) обусловливают.
- 10.Каким образом различается языковое поведение разных социальных групп (доля внеродных средств в коммуникации, готовность сменить код [*codeswitching*] и т. п.).
- 11.Какова реакция различных социальных групп на специфические "публичные" виды текстов (например, реклама, пропаганда политических партий и т. п.)
- 12.Каким образом влияет владение/невладение немецким языком на социальное существование иностранных рабочих и переселенцев.
- 13.Какие выводы должны быть сделаны по поводу языкового образования (прежде всего, детей иностранных рабочих и переселенцев).
- 14.Какие результаты имеет языковой контакт для немецкого языка и языков иностранцев.

В рамках настоящего исследования в 1993 – 1997 гг. был проведен опрос среди 1600 жителей Германии, каждому из которых был задан вопрос о том, какие социальные группы в своей стране они различают. 90 % опрошенных ответили, что современная социальная система Германии складывается из взаимодействия различных социальных групп. Около 1 %

информантов полагают, что в настоящее время в Германии отсутствуют социальные группы. Менее 1 % участвовавших в опросе считают, что распределение на социальные группы возможно лишь по наличию следующих двух параметров:

- а) религиозность (католики – протестанты) и
- б) место жительства (местные жители – переселенцы).

Остальные 8 % информантов не были в состоянии дать ответ на поставленный вопрос.

Большинство опрошенных считает, что распределение населения на социальные группы сводится к следующим моделям:

•**экономической** (уровень основного дохода). Распределение на: бедных, людей со средними доходами, состоятельных и богатых;

•**социальной** (подразделение на низший, средний класс, 10 000 наиболее богатых и т. п.). Данная модель напоминает систему, предложенную американскими социологами еще в середине 70-х годов [5];

•**профессиональной**, учитывающей характер занятости социума (рабочие, служащие, чиновники, ремесленники, люди свободных профессий, выпускники вузов, предприниматели и т. д.);

•**смешанной**, при которой взаимодействуют все параметры (уровень дохода, профессия и вид полученного образования).

Таблица 1

Профессия	% населения	Социальный слой
Крупные предприниматели финансисты, ведущие политики, знать	1 %	высший
Руководящие чиновники, служащие, профессора, врачи, судьи, адвокаты	5 %	верхняя прослойка среднего слоя
Средние чиновники и служащие, инженеры, преподаватели училищ, средние предприниматели, фармацевты	15 %	средняя прослойка среднего слоя
Мелкие чиновники и служащие, парикмахеры, художники, средние торговцы непромышленного профиля	17 %	нижняя прослойка среднего слоя
Мастера производственного обучения, высококвалифицированные производственные рабочие	13 %	
Низшие чиновники и служащие, официанты, мелкие торговцы непромышленного профиля	10 %	высшая прослойка низшего слоя
Квалифицированные производственные рабочие	18 %	
Уборщики улиц, сельскохозяйственные рабочие, матросы, неквалифицированные работники	17 %	средняя прослойка низшего слоя
Безработные, бомжи и т. п.	4 %	низы общества

Одним из первых исследований социально-структурной модели немецкого общества стал социологический анализ, проведенный в Германии Г. Мором и Г. Клейнингом. Рассматривая профессию в качестве главного критерия (было выделено 70 профессий по шкале престижности, содержащей 7 ступеней), а опрос основным методом изучения, авторы представили социально-структурную модель общества в этой стране в самых общих чертах (см. таблица 1).

Обобщив данные, полученные в ходе социологического обследования социальной структуры современного немецкого общества, авторы исследования приходят к выводу о том, что большинство населения Германии принадлежит к среднему слою (50 %); к низшему слою относится 49 % жителей страны и лишь 1 % населения составляет высший социальный слой [6].

К. Шойх использовал в 1991 году другие критерии в оценке социальной структуры общества Германии, а именно – профессию, доход и образование (таблица 2):

Таблица 2

<i>Социальный слой</i>	<i>% населения</i>
Высший слой	2,5 %
Верхняя прослойка среднего слоя	6,1 %
Средняя прослойка среднего слоя	24,6 %
Низшая прослойка среднего слоя	20,7 %
Верхняя прослойка низшего слоя	36,6 %
Низший слой	19,5 %

Исходя из полученных в результате анализа данных, исследователь сделал вывод о том, что самым многочисленным является средний слой общества (51,4 %), за ним следует низший социальный слой (46,4 % населения), а самым малочисленным – высший (2,5 %) [7].

Несмотря на то, что между двумя социологическими исследованиями прошло более 10 лет, данные их в основном совпадают. Расхождения могли бы возникнуть по чисто субъективным причинам, в зависимости от того, какие профессиональные группы причислять к среднему или низшему социальному слою. Если же отнести слой профессиональных производственных рабочих, мелких служащих, чиновников и предпринимателей к среднему социальному слою (чего не делают Г. Морр и Г. Клейнинг), то распределение оказалось бы иным (таблица 3):

Таблица 3

<i>Социальный слой</i>	<i>% населения</i>
Высший слой	1 %
Средний слой	78 %
Низший слой	21 %

Кроме этого, большинство исследований концентрирует свое внимание прежде всего на тех группах населения, которые прямо или косвенно заняты в производстве или же (безработные, бомжи) потеряли работу. При этом нередко не учитываются многочисленные социальные группы непроизводственного характера, которые готовятся к общественно полезному труду или учатся. Таковыми являются, например, школьники и студенты.

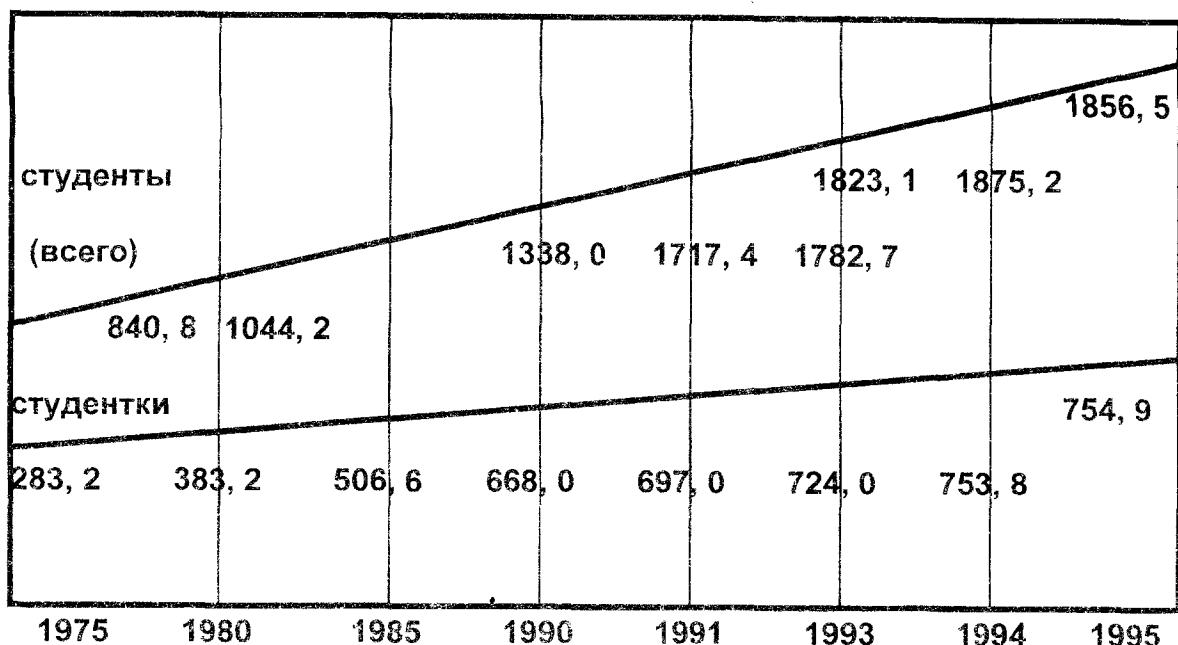
В 1993 году в Германии насчитывалось 52.400 школ, в которых обучалось 12,2 млн. школьников и преподавали 772.600 штатных учителей. В системе профобучения сегодня проходят подготовку по одной из примерно 470 признанных специальностей почти 1,6 млн. молодых людей. Юноши чаще всего выбирают профессию автомеханика, электромонтера, механика на производстве или коммерсанта в оптовой и внешней торговле. Девушки предпочитают такие профессии, как помощница врача, продавщица в розничной торговле, парикмахер, конторская служащая [1].

По данным журнала "FOCUS" [FOCUS: 1996] в настоящее время в Германии число студентов в 300 высших учебных заведениях составляет 1,8 миллиона человек (среди них 754,9 тысяч, или 40,5 %, составляют девушки), и их число с каждым годом растет (см. график 1). Если учесть тот факт, что в Германии рабочие, служащие, чиновники и ученики на производстве, именуемые наемными работниками, составляют 89,5 % из 36,4 млн лиц, имеющих работу (29,7 млн в старых и 6,7 млн в новых землях), то становится понятным, какая большая доля в социальной структуре общества принадлежит молодежи.

Ежегодно число студентов увеличивается на 200 000 человек, а возможности найти квалифицированную работу по окончании университета становятся все более проблематичными. По сообщению Федерального управления по труду, в 1994 году в Германии насчитывалось 5062 безработных юриста.

График 1

Рост числа студентов в объединенной Германии

Количество абитуриентов от общего числа выпускников гимназий составляет в среднем 35 – 40%. Наиболее популярными специальностями являются экономические науки, правоведение, медицина, германистика. К менее престижным можно отнести педагогические профессии, машиностроение, математику и физику. Количество мест в университетах (986 820) почти в половину меньше числа реально обучающихся студентов (1 млн 697 тыс.). Не все из них оканчивают университет. Так, например, лишь около 50 % студентов из числа выпускников специальности "правоведение" сдают ежегодно государственный выпускной экзамен. Кроме этого, если в США на одного профессора приходится 20 – 25 студентов, то в Германии в пять – шесть раз больше [8].

Необходимо отметить также, что уже в период учебы многие студенты работают (в Германии до 60 %, в Австрии – 48 %) [3]. Тревожным фактом является и то, что количество студентов, прервавших учебу по разным мотивам, возросло за последние 20 лет с 14 % до 30 %. Главными причинами этого сами студенты называют: финансовые, ухудшение качества преподавания, завышенные требования со стороны профессоров, благоприятные возможности найти работу без университетского диплома и пр. В связи с финансовыми трудностями, испытываемыми федеральным правительством и отдельными землями, Германия находится в настоящее время на 14 месте среди 20 развитых государств по объемам финансирования образования (по данным: OECD – Studie, опубликованном в Centrum fur Hochschulentwicklung, Gütersloh, 1995). Расходы на образование составили в 1994 году в Германии 44, 5 миллиарда немецких марок, или 1,38 % в федеральном бюджете [3].

Несмотря на различия между социальными слоями населения Германии, связанные скорее с социальным статусом и уровнем основного дохода, большинство опрошенных (93 %) считает свое государство социальным по отношению к гражданам. До настоящего времени социальный мир в Германии обеспечивался прочнее, чем в некоторых других странах. Причины этого заключаются, главным образом, в широко разветвленной системе социальной защиты населения.

В первую очередь социальная защита имеет важное значение для лиц наемного труда. Если наемный работник состарился или заболел, стал инвалидом в результате несчастного случая или оказался без работы, пострадал от банкротства предприятия или решил освоить новую, более перспективную профессию, система социальной защиты в значительной мере смягчает вызванные этим финансовые трудности. Имеющие работу делают отчисления в различные фонды социального страхования.

Однако социальная система охватывает не только тех, кто работает. Это и пособия на детей, дотации к квартирплате, социальная помощь малоимущим и компенсации жертвам войны. В Германии расходы на социальное страхование составляют около трети стоимости валового внутреннего продукта. В 1994 году – главным образом в связи с присоединением новых земель – доля расходов на социальные нужды в ВВП выросла до 33,3 % [1].

В сентябре 1995 года в Германии был опубликован атлас жизненного уровня населения по итогам полуторагодовой работы исследовательской группы социологов Мюнхена, возглавляемой Дитером Корцаком [4]. Учеными центра социологических исследований был сделан анализ жизненного стандарта в 543 городах и населенных пунктах Германии по следующим основным параметрам: *а) экология; б) благосостояние; в) уровень культуры; г) безопасность; д) снабжение и е) продолжительность жизни.*

В первую десятку наиболее благоприятных для жизни городов вошли Тюбинген, Бонн, Мюнстер, Людвигсбург, Карлсруе, Мюнхен, Ульм, Гейдельберг, Штуттгарт и Аахен. Замыкают список Бранденбург, Форст, Цербст, Эрфурт, то есть города бывшей ГДР, в которых накопился целый “букет” нерешенных в прошлом социальных проблем.

Поэтому настала необходимость в улучшении ситуации в этой области, но без нанесения ущерба высокому уровню социальной защищенности населения. Целью федерального правительства является, таким образом, перестройка социального государства и концентрация внимания на коренных задачах в области социальной защиты граждан.

Литература

1. Германия: Факты. Societats. – Verlag, Bertelsmann Lexikon GmbH, Göttersloh, 1996.
2. Яхнов Х. Развитие и проблемы социолингвистики в ФРГ // Социально – лингвистические исследования. – М., 1976.
3. FOCUS. Das moderne Nachrichtenmagazin // Der erste grosse Deutschlandtest.: Nr. 40, 30 September 1995.
4. Korczak D. Lebensqualität. – Atlas. Westdeutscher Verlag, München, 1994.
5. Labov W. The social stratification of English in New York city. – Washington: D.C., 1966.
6. Moor H., Kleining G. Untersuchung zur sozialen Schichtung in der Bundesrepublik Deutschland. – Berlin, Westdeutscher Verlag, 1980.
7. Scheuch E. Verteilung der Bevölkerung der Bundesrepublik Deutschland im Statusaufbau. Beltz – Verlag, Berlin, 1991.
8. S. News & World Report, Newsmagazin, Nr. 435, 1996.
9. OECD – Studie. Centrum für Hochschulentwicklung. Göttersloh, 1995.

СТАН І ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ ФРАЗЕОГРАФІЇ НА СУЧАСНОМУ ЕТАПІ

Прадід Ю. Ф., доктор філологічних наук, доцент

В предлагаемой публикации впервые в украинском языкоznании сделана попытка описать состояние и тенденции развития фразеографии как науки о теории и практике составления фразеологических словарей. В частности отмечается, что теоретические и практические основы обработки фразеологического состава языка стали предметом пристального внимания лингвистов только в 60-е годы XX в. Сегодня фразеография достигла значительных успехов как в изучении теоретических проблем, так и в практике составления словарей. Обобщения и выводы строятся на анализе наиболее важных трудов украинских и русских языковедов. Статья имеет обзорный характер.

In the article suggested an attempt to describe the state and tendencies of the development of phraseology as a science of compiling dictionaries has been made. In particular it has been stated that the theoretical and practical bases of processing the phraseological layer of the language became the subject of the close attention of the linguists only in the 60s of the 20-th century. Today phraseology gained great success in the study of theoretical problems and in the practice of compiling dictionaries as well. The summary and conclusions in the article are being given on the basis of the analyses of the most important works of the Ukrainian and Russian linguists. The article has a descriptive character.

Теоретичні та практичні засади словникового спрацювання фразеологічного складу мови, починаючи з 60-х років ХХ ст., постійно перебувають у центрі уваги науковців. Нагромадження великої кількості праць з цієї проблематики дало підстави Л.Г. Скрипник ще чверть століття тому констатувати: "Народилася нова галузь мовознавства – фразеографія, яка визначається як теорія і практика укладання фразеологічних словників" [1, с. 233].

Вперше теоретичні питання фразеографії обговорювалися на нараді в Ленінграді у грудні 1961 року. Основна мета, яку ставили перед собою організатори цього представницького наукового форуму, полягала у виробленні науково-практичних рекомендацій щодо укладання фразеологічного словника російської мови. Однак розбіжності в поглядах на природу ФО, визначення обсягу та меж фразеології призвели до того, що учасники наради не змогли досягнути компромісу щодо принципів відбору ФО для словника, інтерпретації їх значення в словнику тощо [2].

Згодом побачила світ і перша монографічна праця "Лексикографическая разработка фразеологии", автором якої був відомий нині дослідник фразеології російської мови О.М. Бабкін [3]. Незважаючи на ряд недоліків, допущених у зв'язку з розумінням ученим ФО як сполучення слів, що наділене постійним складом (такий підхід призвів до невіправданого розширення меж фразеології), ця праця мала велике наукове і практичне значення. Принаїдно зазначимо, що О.М. Бабкіну, крім названої монографії, належить і низка ґрунтовних статей, опублікованих у 60-80 рр. ХХ ст., в яких описуються різноманітні аспекти теорії і практики укладання фразеологічних словників, опрацювання ФО в загальномовних словниках [4].

Серед праць монографічного характеру, що безпосередньо стосуються проблем фразеографії, слід назвати дослідження М.І. Умарходжасва [5], А.М. Бушуя [6]. Характеризуючи стан і тенденції дослідження фразеографічних проблем, А.М. Бушуй, зокрема, зауважує, що в фразеографії поступово знаходить відображення різnobічний аналіз фразеологічної семантики і морфолого-сintаксичної структури ФО, дослідження системності фразеологічного складу різних мов, вивчення діалектної фразеології, типологічний опис фразеосемантичних мікросистем на матеріалі споріднених і неспоріднених мов тощо [7].

Вагомий вклад у розвиток фразеографічної науки вніс О.І. Молотков. Проблемам теорії і практики фразеографії присвячений розділ "Фразеологизмы русского языка как объект лексикографии" в широкі відомій його монографії "Основы фразеологии русского языка". "Розглядаючи проблематику лексикографічного опрацювання фразеологізму не відокремлено від проблематики лексикографічного опрацювання слова, – пише О.І. Молотков, – а паралельно, в зіставленні з ним, і роблячи акцент на специфічному в лексикографічному опрацюванні фразеологізму, правильно буде вирізнати три центральні проблеми в укладанні фразеологічних словників, обов'язкові для будь-якого типу словника: 1) відбір фразеологізмів, що включаються в словник, 2) опрацювання або інтерпретація одиниць, що включаються в

словник і 3) подання (роздашування) їх у словнику" [8, с. 240]. Заслуговує на увагу і вступна стаття, написана О.І. Молотковим для "Фразеологического словаря русского языка" [9, с. 7-23].

"В українському мовознавстві, – як справедливо зауважує В.М. Білоноженко, – фразеографічний аспект вивчення ФО ще не знайшов свого належного теоретичного осмислення" [10, с. 4]. Проблеми фразеографії висвітлюються, як правило, спорадично, переважно при вивчені інших теоретичних питань фразеології. Скажімо, відома дослідниця фразеології української мови Л.Г. Скрипник звертає увагу на окремі теоретичні аспекти фразеографії при описанні практики опрацювання фразеологічного складу української мови у словниках XVII-XX ст. Зазначається, зокрема, що початки систематизації української фразеології закладено в зібраних прислів'їв і приказок К. Зіновійва, О. Павловського, М. Закревського, М. Номиса, І. Франка, загальномовних словниках – "Лексиконі" Памва Беринди (1627 р.), "Словаръ малоросійскаго, или юговосточнорусскаго языка" П. Білецького-Носенка (30-40 рр. XIX ст.), "Словнику української мови" за редакцією Б. Грінченка (1907-1909 рр.) [11, с. 233-273].

Частково усунуті наявні в українському мовознавстві прогалини в царині теоретичного осмислення проблем фразеографії вдалося В.М. Білоноженко в монографії "Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів", де, використовуючи досягнення сучасної мовознавчої теорії та практики, теоретично обґрунтуються основні моделі тлумачення ФО з урахуванням специфіки фразеологічного значення, а також структури, синтаксичних функцій, парадигматики та особливостей їх функціонування [12, с. 12-82]. Служні зауваження щодо теорії і практики укладання фразеологічних словників знаходимо в працях Л.Г. Авксент'єва [13, с. 111-125], Л.А. Юрчук [14, с. 23-32].

Особливо активно теоретичні і практичні аспекти фразеографії почали досліджуватися з II пол. 80-х років ХХ ст. Так, 1987 р. з'являється колективна монографія "Фразеологизм и его лексикографическая разработка". Того ж року при Відділенні літератури і мови АН тодішнього СРСР створюється Комісія з фразеології і фразеографії. Перше заняття науково-методичної школи-семінару Комісія проводить у листопаді 1988 року в м. Звенигороді (Росія) на тему: "Лексикографічна розробка фразеології для словників різних типів і для Машинного фонду російської мови" [15]. Згодом побачив світ збірник наукових праць "Фразеографическая параметризация в Машинном фонде русского языка", який, незважаючи на різноманітність підходів і самого матеріалу, що досліджується, можна вважати результатом обговорення способів фразеографування на засіданні школи-семінару в м. Звенигороді. "Загальновідомо, – зазначається в передмові до збірника, – що фразеологізми характеризуються комплексною, неелементарною семантикою, що інтегрує в собі і прагматично орієнтовані дані; в ідіомах переплітаються найрізноманітніші типи інформації: дескрипція, тобто відображення денотативного ядра значення, оцінка мовцем тієї ситуації, яка позначається ідіомою, інформація про емоційно-оцінні відношення мовця до позначуваного, мотивоване тим асоціативно-образним уявленням, яке поєднане з "внутрішньою" або "зовнішньою" (за О.О. Потебнею) формою ідіоми. При цьому всі перераховані типи інформації утворюють нерозривну єдність, їх онтологічний статус характеризується синкретичністю. Але завдання створення Машинного фонду фразеологічного складу мови полягає в пошуку поділу цієї єдності на параметри (за Ю.М. Карапуловим), які можуть бути знову з'єднані при необхідності без втрати "природної" цілісності об'єкта. Саме такій вимозі – розчленовувати об'єкт, зберігаючи при синтезі його цілісність, – і мають відповідати фразеографічні параметри як мінімальні одиниці описання фразеологізмів" [16, с. 3-4].

У листопаді 1990 року в м. Орлі (Росія) відбулося друге засідання науково-методичної школи-семінару Комісії з фразеології і фразеографії. Понад півсотні учених-фразеологів із наукових установ і вищих навчальних закладів тодішнього СРСР обговорили проблему "Фразеологічні словники і комп'ютерна фразеографія". Робота школи-семінару проводилася за такими основними напрямками: 1) ідеографічне описание російської фразеології і створення Машинного фонду російської мови; 2) методи машинного опрацювання фразеологічного матеріалу і параметри відображення ФО в Машинному фонді російської мови; 3) аспекти вивчення ФО, що можуть бути використані у фразеографії сьогодні й сприятимуть її удосконаленню в майбутньому; 4) двомовна і діалектна фразеографія, методика укладання словників окремих типологічних класів ФО і довідкових фразеологічних словників [17].

Необхідно звернути увагу та той факт, що на сучасному етапі розвитку фразеографії дедалі більшу увагу мовознавців привертає проблема синтезування теорії і практики. Впродовж

багатьох років не тільки плідно займаються вивченням теоретичних проблем фразеології загалом і фразеографії зокрема, але й успішно використовують результати своїх досліджень у фразеографічній практиці В.М. Білоноженка, М.П. Коломієць, Ю.Ф. Прадід, Г.М. Удовиченко, О.М. Бабкін, В.П. Жуков, О.В. Кунін, О.І. Молотков, М.І. Сидоренко, О.І. Федоров, М.М. Шанський та ін. ученні.

Принагідно зауважимо, що основи української і російської фразеографічної практики були закладені ще в XIX ст., незважаючи на те, що самі терміни "фразеографія", "фразеологічна одиниця" почали вживатися значно пізніше. Тому не дивно, що ФО в цей час фіксуються в різних фольклорних зібраниях. Серед українських видань такого типу варто звернути увагу на невеличкий за обсягом розділ "Фразы, пословицы и приговорки малороссийские", що був доданий до знаменитої "Грамматики малороссийского наречия" О. Павловського, яка побачила світ 1818 р. Майже через 150 років П.Й. Горецький назве цей невеличкий розділ "першою цінною спробою збирання і публікації фразеологічного матеріалу української мови" [18, с. 46]. Першим спеціальним російським виданням, в якому фіксуються ФО російської мови, М.М. Шанський називає збірку С.В. Максимова "Крылатые слова", видану 1890 р. Не беручи до уваги те, зазначає він, що названа праця створена не мовознавцем і тому має істотні недогляди при класифікації матеріалу, його тлумаченні, словник С.В. Максимова дуже корисний з погляду дослідження походження багатьох розмовних ФО, що функціонують у сучасній російській мові [19, с. 11].

Серед праць I пол. ХХ ст., в яких найповніше описано фразеологічний склад української і російської мов, необхідно назвати дві - "Словарь української мови" за редакцією Б.Д. Грінченка (1907-1909) і "Русская мысль и речь. Свой и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний" М.І. Міхельсона (1902-1904). Названі словники отримали високу оцінку з боку наукової громадськості в свій час. Вони не втратили свого наукового значення і понині. Л.Г. Скрипник з приводу словника Б.Д. Грінченка зазначає: "Перше, що впадає в око при розгляді фразеології цього українсько-російського словника, - значно вища, ніж у попередніх лексикографічних працях, наукова (зведені до певної системи) організація матеріалу, а це свідчить про добру обізнаність Б. Грінченка з лінгвістичною природою фразеологічних одиниць, про знання методики їх опрацювання в лексикографічній спадщині української та інших мов" [20, с. 345]. М.М. Шанський, оцінюючи словник М.І. Міхельсона, зауважує, що він "– досі не втратив наукового значення. Це пояснюється як багатством зібраного в ньому фразеологічного матеріалу й різноманітних ілюстрацій з російської художньої літератури, так і великою кількістю правильних етимологічних довідок" [21, с. 10].

Лише в кінці 50-60 рр. ХХ ст. помітно активізується робота щодо укладання спеціальних фразеологічних словників, особливо перекладного типу. Протягом дванадцяти років на сторінках журналу "Прапор" І. Вирган і М. Пилинська друкують "Російско-український фразеологічний словник" [22], в основу реєстру якого лягли російські ФО, зафіксовані в "Словаре современного русского литературного языка" в 17 томах, а згодом і в "Фразеологическом словаре русского языка" за редакцією О.І. Молоткова. Укладачі свідомо розширили реєстр словника не тільки прислів'ями, приказками, крилатими висловами, але й словами, що відзначаються певними особливостями граматичних зв'язків у російській і українській мовах. Щоб уникнути критики, автори словника, в разі видання його окремою книгою, мали намір уточнити його назву – "Російско-український словник фразеологізмів, типових синтаксичних та інших сполучок", – про що самі писали в 10 номері часопису "Прапор" за 1971 рік [23, с. 112].

У 60-х роках ХХ ст. в Україні з'являються ще дві фразеографічні праці – "Фразеологічний словник німецької мови" [24] та "Англо-український фразеологічний словник" [25]. У реєстр і першого словника, і другого, крім власне ФО, включаються прислів'я, приказки, крилаті вислови. Якщо "Фразеологічний словник німецької мови" налічує приблизно 15 тис. мовних одиниць, то "Англо-український фразеологічний словник" – майже удвічі більше (блізько 30 тис.). Останній є не тільки перекладним, але й має окремі риси словника тлумачного типу. Крім того, його автор, К.Т. Барабанцев, намагається супроводжувати ФО англійської мови історико-етимологічними коментарями.

У II-й пол. 60-х роках ХХ ст. відбувається становлення двох нових напрямків у фразеографічній практиці: 1) створення праць навчально-методичного характеру; 2) укладання тлумачних фразеологічних словників. Обидва напрямки в україністиці започаткували Н.О. Батюк, уклавши невеличкий за обсягом (блізько 1100 ФО) "Фразеологічний словник" [26]. Цей

словник, вважає сама авторка, повинен слугувати вчителеві довідником, в якому подається тлумачення найбільш влучних і поширеніших ФО, зафіксованих у художніх творах, що вивчаються в середній школі. Схожий за принципами побудови та призначенням і "Краткий фразеологический словарь русского языка для студентов-иностранных" В.І. Зіміна [27].

Найважливішими фразеографічними працями кінця 60-х років ХХ ст. є, безперечно, дві – "Фразеологический словарь русского языка" за редакцією О.І. Молоткова [28] та "Словник українських ідом" Г.М. Удовиченка [29]. Реєстр російського словника охоплює близько 4 тис. ФО, українського – понад 2 тис. ФО. Це найповніші зібрання фразеологічного складу російської та української мов на той час. Укладачі як російського словника, так і українського, крім тлумачення, прагнули дати реєстровим ФО якнайповнішу граматичну, семантичну і стилістичну характеристики. Обидва словники мають широку ілюстративну частину, яка розкриває функціонування ФО в текстах, що належать до різних функціональних стилів літературної мови, характеризують варіантні, синонімічні, антонімічні, полісемічні можливості фразеологічного складу української та російської мов.

Цілий ряд фразеографічних праць з'являється в 70-90 рр. ХХ ст. Як і раніше, в центрі уваги українських і російських учених продовжують перебувати проблеми, пов'язані з удосконаленням практичних засад укладання перекладних фразеологічних словників [30]. У 70-і роки, як показує аналіз, входить у фразеографічну практику правило – на підтвердження функціонування в мовленні тієї чи іншої ФО подавати ілюстрації з творів художньої літератури, рідше публіцистики.

Вихід у світ на початку 70-х років "Краткого этимологического словаря русского языка", укладеного М.М. Шанським, В.В. Івановим, Т.В. Шанською [31], заклав основи ще одного нового напрямку в фразеографічній практиці – історико-етимологічного. Протягом 1979-1980 рр. на сторінках журналу "Русский язык в школе" публікується "Краткий этимологический словарь русской фразеологии" М.М. Шанського, В.І. Зіміна, А.В. Філіппова, який, на думку його творців, повинен стати своєрідним довідником для учителя. Згодом він побачить світ у вигляді окремого видання "Опыт этимологического словаря русской фразеологии" [32]. Словник охоплює понад 1400 ФО і загалом дає повне уявлення про формування сучасного фразеологічного складу російської мови: про джерела його поповнення, про співвідношення в ньому споконвічних і запозичених ФО, про хронологічні шари російської фразеології, про те, з яких соціально-культурних сфер входили ФО в літературну мову тощо. Використовуючи нагромаджений попередниками досвід, М.Ф. Палевська друкує в Кишиневі "Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века" [33]. Із подібних праць в україністиці варто назвати розділ "Звідки пішли мудрі фразеологічні вислови" у відомій монографії Ф.П. Медведєва "Українська фразеологія. Чому ми так говоримо" [34, с. 74-222].

У 80-90-і роки ХХ ст. були здійснені і перші спроби систематизувати діалектну фразеологію української та російської мов [35]. II пол. 80-х років ХХ ст. означувалася виходом у світ перших словників фразеологічних синонімів. Спочатку з'являється "Словарь фразеологических синонимов русского языка" [36], а невдовзі – і "Словарь фразеологических синонімів" [37]. У першому з них подається близько 730, в другому – понад 300 рядів фразеологічних синонімів – ФО, що тотожні чи близькі між собою за значенням. Якщо український словник розрахований насамперед на вчителів і учнів середньої школи (про це пишуть самі автори), то російський – на фахівців, хоч, звичайно, ним можуть скористатися і школярі. Обидва словники подають коментарі семантико-стилістичного і граматичного характеру як до синонімічного ряду ФО загалом, так і, при потребі, до окремих ФО, що входять у ряд; досить повно характеризують явище варіантності у фразеологічній системі української та російської мов; ілюструють реальне функціонування ФО в обох мовах.

Сьогодні назріла потреба в створенні словників індивідуально-авторського використання ФО у художньо-белетристичному та публіцистичному стилях української та російської мов, а також у мові окремих письменників. Словники такого типу допомогли б виявити, на думку А.М. Мелерович і В.М. Мокієнка, складний процес взаємодії узуального й оказіонального в сфері фразеології, зафіксувати різноманітні прийоми індивідуально-авторських перетворень ФО щодо мовної норми [38, с. 102]. Відразу зауважимо, що вдалу спробу укласти подібний словник здійснили Н.М. Нічик і В.М. Ронгінський на фразеологічному матеріалі, дібраному з поем В.В. Маяковського [39]. Слід відзначити загалом досить повний опис ФО, включених у реєстр словника. Після ключового слова-компонентента наводиться загальномовна ФО, далі – індивідуально-авторський варіант, характеризуються його стилістична й емоційно-експресивна

значущість, подаються деякі інші параметри. Безперечно, подібні словники, з одного боку, допоможуть удосконалити теорію й методику вивчення індивідуально-авторських перетворень традиційних ФО, з другого – сприятимуть дальному поглибленню дослідженю індивідуального стилю письменника.

Досягнення в теорії і практиці фразеографії останніх років створило передумови для підготовки тематичних фразеологічних словників. Тематико-ідеографічний аспект описания ФО дозволяє якоюсь мірою "деформалізувати" алфавітне подання статей, прийняті в більшості словників. Ще В.І. Даль, відстоюючи принцип same тематичного, а не алфавітного розташування прислів'їв і приказок, підкреслював, що він створює "– цілісну картину, в якій є глибший зміст і значення, ніж у поодиноких замітках" [40, с. 48-49]. Таку ж думку висловлювали Р. Халліг і В. фон Вартбург, вважаючи, що справді наукова лексикографія має рішуче відмовитися від принципу алфавітного розташування слів, що переслідує чисто утилітарну мету, і звернутися до принципу розташування лексики за групами, пов'язаними смысловими узами [41, с. 50]. Зауваження В.І. Даля, Р. Халліга і В. фон Вартбурга повною мірою стосується й опрацювання ФО у фразеологічних ідеографічних словниках, бо саме тематико-ідеографічний принцип розташування ФО дозволяє показати системний характер фразеологічного складу мови. Однак у східнослов'янському мовознавстві обмаль праць, що стосуються теоретичних і практичних засад укладання фразеологічних словників ідеографічного типу [42]. І в царині створення фразеологічних ідеографічних словників зроблено дуже мало. Такий стан сирав дав підстави В. М. Мокіенкові резюмувати: "Усвідомлення теоретичної і практичної цінності тематико-ідеографічної класифікації не призвело ще поки що до її широкого впровадження в словникову практику" [43, с. 109]. Слід погодитися з висновком авторитетного вченого, що робота над створенням фразеографічних праць тематико-ідеографічного характеру поки що перебуває на початковій стадії, хоч перші кроки на шляху тематичного фразеографування зроблено понад двадцять років тому [44]. 1994 р. з'явилася і перша фразеографічна праця, побудована за тематико-ідеографічним принципом, в Україні – «Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь: Эмоции человека» Ю.Ф. Прадіда [45].

І, нарешті, про дві найважливіші фразеографічні праці, що побачили світ на початку 90-х років ХХ ст. Маємо на увазі академічне видання "Фразеологічного словника української мови" [46] і "Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв." за редакцією О.І. Федорова [47]. Це найповніші зібрання фразеологічного складу української і російської мов на сьогодні. Реєстр українського словника налічує близько 10 тисяч ФО, російського – близько 7 тисяч ФО, які включають у себе й найрізноманітніші варіантні форми. Чимало уваги в словниках приділено характеристиці граматичних властивостей ФО, широко представлена ілюстративна частина. Обидва словники, безперечно, є потрібними і корисними працями, без яких не можуть обйтися науковці, письменники, перекладачі, учителі-словесники в Україні й Росії; вони є цінними довідниками і для зарубіжних славістів.

Як бачимо, фразеографія за майже півстолітній період свого розвитку досягла певних успіхів. Вихід у світ ряду ґрунтовних праць, що стосуються теоретичних проблем фразеографії, академічного «Фразеологічного словника української мови», «Фразеологического словаря русского языка», «Фразеологического словаря русского литературного языка конца XVIII-XX вв.», низки перекладних фразеологічних словників тощо – ось далеко неповний перелік здобутків української і російської фразеографії. До найактуальніших питань, які, на наш погляд, потребують розв'язання на сучасному етапі розвитку фразеології взагалі і фразеографії зокрема, належать такі: 1) удосконалення схем тлумачення значення ФО, що належать до різних граматичних розрядів; 2) удосконалення методики укладання фразеологічних словників різних типів; 3) розширення реєстру вже наявних фразеографічних праць; 4) створення нових фразеологічних словників наукового і навчально-методичного спрямування тощо.

Література

1. Скрипник Л.Г. Фразеологія української мови. – К.: Наукова думка, 1973. – 279 с.
2. Дет. див.: Проблемы фразеологии. – М.; Л.: Наука, 1964. – 318 с.
3. Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.; Л.: Наука, 1964. – 76 с.
4. Див., наприклад: Бабкин А.М. Фразеология и лексикография // Проблемы фразеологии. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 7-37; Бабкин А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография-1977. – Л.: Наука, 1979. – С. 4-19; Бабкин А.М. Идиоматика и грамматика в

- словаре // Современная русская лексикография-1980. – Л.: Наука, 1981, 5-43 та ін.
5. Умарходжаев М.И. Очерки по современной фразеографии. – Ташкент: Фан, 1977. – 103 с.
6. Бушуй А.М. Лексикографическое описание фразеологии. – Самарканд, 1982. – 142с.
7. Бушуй А.М. Лексикографическая и библиографическая презентация фразеологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1983. – 42 с.
8. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 281 с.
9. Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1987. – С. 7-23.
10. Білоноженко В.М., Гнатюк І.С. Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів. – К.: Наукова думка, 1989. – 156 с.
11. Скрипник Л. Г. Зазнач. праця.
12. Білоноженко В.М., Гнатюк І.С. Г. Зазнач. праця.
13. Авксентьев Л.Г. Сучасна українська мова: Фразеологія. – Харків: Вища школа, 1988. – 134 с.
14. Юрчук Л.А. Теоретичні засади реєстру фразеологічного словника української мови // Мовознавство. – 1983. – №5. – С. 23-32.
15. Дет. див.: Лексикографическая разработка фразеологии для словарей разных типов и для Машинного фонда русского языка: Материалы к методической школе-семинару. – М., 1988. – 150 с.
16. Фразеографическая параметризация в Машинном фонде русского языка. – М., 1990. – С. 3-4.
17. Дет. див.: Фразеологические словари и компьютерная фразеография: Тез. сообщ. школы-семинара. – Орёл, 1990. – 126 с.
18. Горецкий П.Й. Исторія української лексикографії. – К.: Вид-во АН УРСР, 1963. – С. 46.
19. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – 3-е изд., исправл. и доп. – М.: Высшая школа, 1985. – 231 с.
20. Скрипник Л.Г. Зазнач. праця.
21. Шанский Н.М. Зазнач. праця.
22. Вирган І. Пилинська М. Російсько-український фразеологічний словник // Прапор. – 1958. – № 9. – 1971. – № 10.
23. Прапор. – 1971. – № 10.
24. Осовецька Л.С., Сільвестрова К. М. Фразеологічний словник німецької мови. – К.: Радянська школа, 1964. – 715 с.
25. Англо-український фразеологічний словник / Укладач К.Т. Баранцев. – К.: Радянська школа, 1969. – 1052 с.
26. Батюк Н.О. Фразеологічний словник. – К.: Радянська школа, 1966. – 235 с.
27. Краткий фразеологический словарь русского языка для студентов-иностранных граждан / Сост. В.И. Зимин. – М.: Русский язык, 1968.
28. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.
29. Удовиченко Г.М. Словник українських ідіом. – К.: Радянський письменник, 1968. – 463 с.
30. Див., наприклад: Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / Укладачі І.С. Олійник, М.М. Сидоренко. – К.: Радянська школа, 1971. – 447 с.; Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1975. – 656 с.; Шклярова В.Т., Еккерт Р., Енгельке Х. Краткий русско-немецкий фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1977. – 250 с.; Німецько-український фразеологічний словник: В 2-х т. / Укладачі В.І. Гавриль, О.П. Пророченко. – К.: Радянська школа, 1981; Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь / Укладачі В.І. Лавер, І.В. Зикань. – К.: Ужгород, 1985. – 371 с.; Олійник І.С., Сидоренко М.М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. – К.: Радянська школа, 1991. – 400 с.; Гуревич В.В., Дозорец Ж.А. Краткий русско-английский фразеологический словарь. – М.: Владос, 1995. – 583 с. та ін.
31. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1971. – 250 с.
32. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филипов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1987. – 240 с.
33. Палевская М.Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. – Кишинёв, 1980. – 150 с.
34. Медведев Ф.П. Українська фразеологія. Чому ми так говоримо. – Харків: Вища школа, 1977. – 230 с.
35. Див., наприклад: Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И.Фёдорова. – Новосибирск, 1983; Вархол Н., Івченко А. Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. – Братіслава; Пряшів, 1990. – 159 с.; Ужченко В. Матеріали до фразеологічного словника східнослов'янських і степових говірок Донбасу. – Луганськ, 1993. – 112 с. та ін.
36. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 448 с.

37. Коломієць М.П., Регушевський Є.С. Словник фразеологічних синонімів. – К.: Радянська школа, 1988. – 200 с.
38. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. О принципах словаря индивидуально-авторских употреблений фразеологических единиц в современном русском языке // Советская лексикография: Сб. ст. – М.: Русский язык, 1988. – С. 1021-1025.
39. Словарь фразоупотреблений в поэтической речи В.В. Маяковского (на материале поэм) / Сост. Н.Н. Ничик, В.М. Ронгинский. – Симферополь, 1991. – 151 с.
40. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Гослитиздат, 1957. – 991 с.
41. Hallig R. et Wartburg v. W. Système raisonne des concepts pour servir de base à la lexicographie. – 2-eme ed. – Berlin, 1963.
42. Див., наприклад: Аксамитов А.С. Структура идеографического словаря белорусской фразеологии // Вопросы фразеологии. – Ташкент, 1975. – С. 73-77; Эмирова А.М. К концепции фразеологических идеографических словарей // Фразеологические словари и компьютерная фразеография: Тез. сообщ. школы-семинара. – Орёл, 1990. – С. 25-26; Мокиенко В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение: Сб. ст. / Под ред. Е.М. Верещагина. – М.: Русский язык, 1982. – С. 108-121; Прадід Ю.Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень). – К.; Сімферополь, 1997. – С. 122-202; Його ж. Засади укладання фразеологічного словника ідеографічного типу // Мовознавство. – 1995. – №№ 4-5. – С. 35-38 та ін.
43. Мокиенко В.М. Зазнач. праця.
44. 1976 і 1978 рр. побачили світ два невеличкі за обсягом словники, укладені російським мовознавцем Р.І. Яранцевим, – "Справочник по русской фразеологии для иностранцев (Выражение эмоций)" та "Справочник по русской фразеологии для иностранцев (Свойства и качества характера человека)". Ці посібники перш за все носили навчально-методичний характер, оскільки були розраховані на те, щоб допомогти іноземним громадянам оволодіти фразеологічними баґатствами російської мови, про що красномовно свідчать їх назви. Однак вихід у світ словників-довідників Р.І. Яранцева започаткував і новий напрямок у фразеографічній практиці – тематико-ідеографічний. Згодом з'являється і "Словарь-справочник по русской фразеологии" (М., 1981), в якому автор доповнив і доопрацював фразеологічний матеріал, вміщений у попередніх виданнях.
45. Прадід Ю.Ф. Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь. – Симферополь, 1994. – 252 с.
46. Фразеологічний словник української мови: В 2 кн. – К.: Наукова думка, 1993.
47. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв.: В 2 т. / Под ред. А.И. Фёдорова. – Новосибирск, 1991.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОМОНИМЫ МЕСТОИМЕНИЙ, КАТЕГОРИАЛЬНО СООТНОСИТЕЛЬНЫХ С НАРЕЧИЯМИ

Пузанко Л. В., ассистент кафедры русского языка

В роботі висвітлюються питання семантичних та функціональних особливостей трансформантів займенників, категоріально співвідносних з прислівниками

The work includes the investigations of semantic and functional peculiarities of pronoun transformants which categorial adverb indications.

Многообразие подходов к проблемам, связанным с явлениями переходности, требует выявления и описания общих и частных закономерностей трансформационных процессов внутриуровневого и межуровневого характера. В отечественном языкоznании наиболее последовательно и аргументированно описываются явления переходности в работах В. В. Виноградова [1], В. В. Бабайцевой [2], А. Я. Баудера [3], В. Н. Мигирина [4], Е. Н. Сидоренко [5], О. М. Ким [6] и др. Профессор В. В. Бабайцева пишет: «Переходность – универсальное свойство языка, которое, отражая системную взаимосвязь и взаимодействие между языковыми фактами, скрепляет их в целостную систему» [7, с. 5]. Изучение семантики и особенностей функционирования трансформантов определенных частей речи является одной из проблем трансформациологии. На морфологическом уровне видовыми понятиями будут субстантивация, адвербализация, нумерализация, прономинализация, адъективизация и т.п.

Известно, что следствием явлений переходности в системе частей речи является изменение некоторых или всех дифференциальных признаков при сохранении исходного звукового и графического комплекса, что приводит к появлению в языке и речи омонимичных слов. В современной русистике нет полного описания функциональных омонимов, так как до сих пор не очерчен круг трансформантов частеречной системы. Мы обратимся к небольшой группе функциональных омонимов с исходным словом – местоимением, категориально соотносительном с наречием.

В.Н.Мигирин в «Очерках по теории процессов переходности в русском языке» отмечал зависимость между видами переходности разных частей речи и составом их грамматических категорий. Местоименная лексика выделяется на иных, чем остальные классы слов, основаниях. Это связано со спецификой прономинальной семантики, заключающейся, по мнению Е. Н. Сидоренко, в особом, прономинальном, способе отображения объективной действительности. Анализ местоимений позволил профессору Е. Н. Сидоренко выделить два основных компонента в семантике прономинативов: категориальное значение, совпадающее со значением одной из знаменательных частей речи, и индивидуальное разрядовое значение. Таким образом, местоимениями, категориально соотносительными с наречиями, являются следующие лексические единицы: *где, куда, откуда, как, когда, там, здесь, затем, оттого, настолько, зачем-либо, почему-то, кое-куда, где-нибудь, везде, отовсюду, иногда, по- всякому, никогда, никуда, никогда* и т.п. Перечисленные слова обладают целым рядом признаков, общих с известными местоименными формами: одинаковыми разрядовыми значениями (вопрос, указание, отрицание и т. д.), совпадающими синтаксическими свойствами. Семантические и морфологические характеристики рассматриваемых слов, например неизменяемость, дают повод исследовать их потенциальные трансформационные возможности. «Наблюдается зависимость между сложностью обозначаемых частями речи явлений и их способностью к разным видам трансформации» [8, с. 157]. Трансформационные возможности каждой части речи В. Н. Мигирин назвал эмиграционной трансформацией, обогащение же за счет трансформации других частей речи – иммиграционной трансформацией [4, с. 133]. Для большинства случаев перехода слов из одной части речи в другую оказывается верным следующее положение: трансформация, приводящая к образованию новой словарной единицы, совершается в направлении от более сложной по своим лексико-грамматическим признакам части речи к более простой. В современном русском языке существуют части речи, создающиеся преимущественно или только на основе функциональной омонимии. К ним можно отнести модальные слова, связки, слова категории состояния, предлоги, союзы, частицы, междометия, за исключением небольшой группы лексических единиц со спорной этимологией. Особенности семантико-грамматической структуры местоимений формируют эмиграционные трансформационные возможности рассматриваемых слов. В группу функциональных омонимов местоимений, категориально соотносительных с наречиями, входят союзы *как, когда,*

так, частицы как, куда, так, там, тут, междометия так, как и группа местоименно-предикативных, местоименно-союзных, местоименно-партикулянтных контамиантов, которые в данной работе специально рассматриваться не будут. Перечисленные трансформанты обнаруживают структурно-генетическую связь с исходными словами. Анализ семантико-грамматических признаков местоимений, категориально соотносительных с наречиями, позволяет выявить и классифицировать условия, благоприятствующие трансформации или затрудняющие её.

Морфемная структура исходных слов и анализируемых трансформантов не всегда совпадает. Служебные слова современного русского языка – неизменяемые лексические единицы. Характеристика синтаксических свойств находится в прямой зависимости от семантических особенностей местоименных единиц. Прономинативы вследствие высокой степени абстрактности участвуют в формировании логико-синтаксических категорий уточнения, обобщения. «При этом любопытно отметить, что прономинативы выступают в роли уточняемого, а не уточняющего компонента, в роли обобщающего слова, а не однородного члена предложения» [8, с. 38]. Местоимения в отличие от категориально соотносительных наречий не могут выполнять в предложении функцию определения, выступают только в роли обстоятельств.

С одной стороны, сужение диапазона синтаксических характеристик, с другой стороны, расширение абстрактного значения, дающее возможность увеличить частотность употребления единицы, порождают условия для создания на основе трансформации единиц с новой категориальной и функциональной характеристикой. При переходе слов из знаменательной части речи в служебную трудно последовательно проследить отрыв местоименного слова от соответствующей парадигмы.

Различие семантики знаменательных и служебных слов состоит в том, что у знаменательных слов категориально-семантические признаки соединяются с родовыми и видовыми вещественными признаками. Что касается служебных слов, то категориально-семантические признаки исчерпывают их обобщающую семантику, выполняя лишь различные уточнительные функции в любом акте образования высказывания.

В современном русском языке группа простых производных союзов насчитывает небольшое число единиц: что, чем, так, как, когда, словно, точно, именно, ровно, пока, лишь, едва, только, пусть, пускай, раз, хотя [9, 10]. Основными ‘поставщиками’ функциональных омонимов союзов являются наречия и местоимения. Союзы, образованные путем перехода из знаменательных частей речи, в большинстве случаев относятся к подчинительным. Маркируя придаточную часть сложноподчиненного предложения, союзы являются выразителями ее смысловой и грамматической зависимости. Функция соединения является основной функцией союза вообще. Но подчинительный союз не является лишь только специфическим средством выражения уже существующих отношений между частями предложения. В некоторых случаях он может превращаться в показатель частных семантических отношений между компонентами сложного предложения и выражать оценку говорящим семантической значимости каждой части предложения.

Исходные слова союзных трансформантов местоименного происхождения как, когда, так обладают всеми признаками, необходимыми для осуществления перехода из одной части речи в другую: минимальная звуковая оболочка, широкий спектр функциональной нагрузки, неограниченные возможности при выполнении разных коммуникативных заданий.

В работах, рассматривающих вопросительное местоимение как, изучается функциональный аспект ее участия в коммуникативном акте [11, 12, 13]. Семантическая полифункциональность редко связывается со способностью прономинатива как участвовать в создании новых омопар.

В 17-томном академическом словаре отмечено 6 основных значений, при этом выделены довольно многочисленные для разряда вопросительных местоимений лексические омонимы, например: *Кривицкий подошел к технику*: – Ну, Морозов, как давно ты отдохлаешь? [= насколько] (Д. Гранин). *Лиза, ты знаешь*, Андрей ведь назначен к нам начальником лаборатории: – Как это получилось, Андрей? [= каким образом] (Д. Гранин) и т. д.; функциональные омонимы, например: *Йной раз ухватить сказанное* – как заработать пайку хлеба, даже больше [сравнительный союз] (А. Приставкин); …а *Поле почему-то ужасно как понравилось*, что вот, лесной профессор, а сидит без дров!..[усилительная частица] (Л. Леонов) и под. Интеръектив как в указателе междометий называет А. И. Германович [14]. Напртиер: *Тут Ваську Повар укоряет*: – // ... Как! быв честным Котом до этих пор, // Бывало, за пример тебя смиренства кажут, – // А ты... ахти, какой позор! [междометие] (И. Крылов). Подобную единицу не выделяют авторы толковых словарей современного русского языка [9].

Анализируя семантические метаморфозы, которым подвергается вопросительное местоимение *как*, можно проследить его превращение в средство соединения предложений в сложноподчиненных высказываниях. В традиционной грамматике утверждилось мнение, что поставщиком союзов и так называемых союзных слов (или местоименно-союзных контаминаントов) являются вопросительные местоимения. Данное положение подтверждается спецификой семантики вопросительных слов: местоимения служат для запрашивания различной информации, то есть представляют собой связующее звено между субъектом и неизвестной для него стороной объективной действительности. В каждом конкретном случае категориальное и разрядовое значения прономинатива конкретизируются, например, значением о способе действия. – ...*Глянется вам Сибирь-то наша?* – *Мы знаем ее.* – *Как?* – *Я в Бомске родился, а дядя ссылку отбывал там же...* (В. Шукшин). Но то же значение способа действия может «обрастать представлениями о других сопутствующих признаках действия – как объективных: его характере, условиях совершения, результате и т. д., так и субъективных: настроении говорящего, его оценке действия, связанных с ними желаний и т. д.» (12, с. 6). Типы придаточных предложений, присоединяемых к главному союзом *как*, весьма разнообразны. В придаточных дополнительных *как* явно обнаруживает значение способа действия или его оттенок, например: *Она видела, как он страдает оттого, что они вынуждены экономить каждый рубль...* (Д. Гранин). В языке сформировалась группа союзных омонимов *как* со значениями ‘в качестве’, ‘с того времени, когда’, ‘кроме, только’, ‘если’ и др.

Союз местоименного происхождения *когда* и в настоящее время вызывает споры среди лингвистов. В. В. Виноградов [1], В. В. Бабайцева [7], Н. Ю. Шведова [15] и другие ученые считают возможным существование в русском языке союза *когда*. Разногласие, существующее между учеными, касается характера отношений, которые выражает данная единица. Авторы БАСа выделяют временной и условный союзы [9, т. 5, с. 1101]; мы будем придерживаться такой же точки зрения. С. И. Ожегов выделяет только один тип союза – служебное слово, начинающее «условное придаточное предложение» [16, с. 228]. Классификация элементов связи сложноподчиненного предложения зависит от той модели, в которой этот элемент связи используется. Он оказывается тесно связанным с такими признаками, как степень самостоятельности и степень спаянности частей сложного предложения. Дополнительно вводится и второй признак: отнесение служебной единицей придаточной связи ко всей главной части или к отдельному ее члену. В предложении *Я не любил, когда меня заставляли падать башлык* (Ю. Олеша) объем содержания всей синтаксической единицы шире, чем сумма объемов составляющих ее простых. В подобном случае *когда* выступает служебным словом. Критерии введения уточнительных частиц *же*, *именно*, *даже* или трансформации союзного предложения в бессоюзное и подобные для данного случая неприемлемы. В таких предложениях присутствие в семантике союзов обязательного элемента релятивности модифицирует условное и временное значения. Богатство сложноподчиненных предложений включает в себя не только общепринятые, например: *Временами Поти казался мне тропической катограй, чем-то вроде Новой Кaledонии, особенно когда слепящий блеск моря и неба погружал его в оцепенение* [когда – условный союз] (К. Паустовский), но и переходные структуры.

Местоимение *так*, категориально соотносительное с наречием, выражает качественную характеристику предметов и явлений, значения образа и способа действия, меры и степени. Разрядовая семантика местоимения предполагает указание на предшествующее или последующее явление. Нередко местоименная единица *так*, указывая на содержание предшествующего эпизода, включает значения вывода. Способность трансформанта выражать смысловые отношения противопоставления, следствия, результата опирается на общность семантической структуры местоимения *так* и синтаксической структуры с функциональным омонимом прономинатива. *Себя не жалеешь, так хоть бы о детях подумал* [= но: союз, выражающий отношения противопоставления и результата] (К. Паустовский).

Частицы местоименного происхождения *как*, *куда*, *так*, *там*, *тут*, утратив связь с денотатом, приобретают способность выражать субъективное отношение говорящего к действительности. Функциональный омоним *как* передает отношение к достоверности сообщаемого факта и может быть отнесен к числу модальных сравнительных частиц. В языке логическая категория сравнения выражается отношением к признаку действия глагола, названному обычно наречием – обстоятельством образа действия. Поэтому можно считать, что сравнительная частица *как* генетически восходит к вопросительному местоимению *как* с конкретизированным значением ‘способ действия’. *Всё, что он мог бы сделать: бежать, кричать или даже заплакать, – ушло в эту бессмысленную неподвижность. Он как умер* (А. Приставкин). Можно предположить, что первоначально имелось в виду значение ‘способ

действия' и, следовательно, связывалось с глаголом. Ср.: «выглядеть умершим» – «выглядеть как умерший». Таким же образом с *как*, имеющим в виду способ совершения действия, связана усиливательная частица *как*. Частица подчеркивает усиленное активное проявления действия или свойства предмета: – *Такая резь, ох как болит.* – *Заныл, даже сам поверил, что болит* (А. Приставкин). Усилильная частица часто стоит первой в высказывании, начиная его. По мнению Б. П. Ардентова: «С ослаблением значения усиливательности такое 'как' превращается в начинательную частицу» [12, с. 14].

Семантику местоимений и частиц объединяет нечто общее: особые коммуникативные задачи. Если местоименные слова обладают предельно обобщенной семантикой, которая конкретизируется в речевом акте, то частицы акцентируют, как бы притягивают смысловое фразовое ударение к тому слову, с которым они связаны. При этом существует прямая связь между смыслом предложения и акцентирующей частицей. *Какие там учёные!* - отмахнулся Андрей не без досады. – *Видите, пришел к вам с поклоном* (Д. Гранин) – частица *там* усиливает в предложении побудительность, придавая ему эмоциональный оттенок негодования. В предложении *Мы же ее выдумали, создали, а она оказалась куда свирепее нас* (Ю. Олеша) трансформант *куда* создает в высказывании 'скрытую семантику' целенаправленности и предельности. В значении функционального омонима *куда* наблюдается отзвуки семантики исходного слова.

Переход местоимений *как*, *так*, категориально соотносительных с наречиями, в междометия сопровождается возникновением предельной субъективности этих единиц. Трансформанты утрачивают все семантические, грамматические и функциональные характеристики и служат для выражения разных чувств.

Хорошо получали? – Ничего. – Так! А зачем к нам? (В.Шукшин). Междометие вносит в высказывание оттенки одобрения, положительной оценки факта.

Таким образом, трансформационный потенциал местоимений, соотносительных с наречиями, включает десять лексических единиц, входящих в состав союзов, частиц, междометий. Исходными словами для трансформантов послужили прономинативы *как*, *когда*, *куда*, *так*, *там*, *тут*. Местоименные единицы *как*, *так* вследствие универсальности семантической и функциональной характеристик образовали цепочки функциональных омонимов: местоимение - союз - частица - междометие.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Наука, 1972. – 614 с.
2. Бабайцева В. В. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) //Переходность и синкретизм в языке и речи. – М.: Прометей, 1991. – С. 3-14.
3. Баудер А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. – Таллинн: Волгус, 1982. – 184 с.
4. Мигириш В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. – Бельцы, 1971. – 199 с.
5. Сидоренко Е. Н., Сидоренко И. Я. Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминаントов. – Симферополь: Таврия, 1993. – 94 с.
6. Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. – Ташкент: Фан, 1978. – 228 с.
7. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматическом строем русского языка и методика их изучения //Явления переходности в грамматическом строем русского языка. – М., МГПИ им. Ленина, 1988. – С. 3-13.
8. Сидоренко Е. Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. – Киев – Одесса: Лыбидь, 1990. – 148 с.
9. Словарь современного русского литературного языка. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965. – Т. 1-17.
10. Сидоренко И. Я. Эмиграционный трансформационный потенциал русских наречий в синхронном освещении //Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Орел, 1992. – 19 с.
11. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 271 с.
12. Ардентов Б. П. «Как» в сложноподчиненных высказываниях. //Очерки по русскому языку и стилистике. – Кишинев: Штиинца, 1974. – С. 3-30.
13. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
14. Германович А. И. Междометия русского языка. – Киев: Радянська школа, 1966. – 172 с.
15. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 378 с.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 20-е изд., М.: Русский язык, 1988. – 750 с.

ГЛАГОЛЬНЫЙ «ПОРТРЕТ» В ГРАММАТИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Семиколенова Е. И., кандидат филологических наук, доцент

Стаття стосується проблем дієслівної парадигми. Спостереження свідчать про те, що більша частина дієслівних парадигм характеризується як неповна. Це зв'язано як із законами мови, так і з семантикою дієслівної лексеми. Особливості кожної парадигми розглядаються у статті на рівні лексико-семантичного варіанту.

This article covers the problem of verb paradigm. Observations convince that the majority of verb paradigms is characterized as incomplete. It can be explained by both common language reasons and semantics of verb lexeme. The peculiarities of each paradigm are studied in the article on the level of separate lexical-semantic variant.

Грамматический «портрет» глагольного слова, а именно состав его парадигмы, описан во всех грамматиках и отражен в толковых и грамматических словарях. К нему настолько привыкли, он кажется таким очевидным, несмотря на свою сложность и разнообразие форм, что на него не обращают внимания, а принимают его как хорошо знакомый и известный образ. Продолжая сравнение с изобразительным искусством, можно сказать, что этот «портрет» написан в традиционной реалистической манере, где каждая деталь тщательно выписана и где за внешним образом лишь угадывается внутреннее содержание. Однако при ближайшем рассмотрении этот «портрет» оказывается весьма и весьма условным, далеко не всегда соответствующим подлинной сущности «героя».

Русский глагол как со стороны семантики, так и со стороны формы, остается очень сложным объектом для описания.

Во-первых, глагол имеет очень разветвленную систему словоизменения и формообразования. По данным З.М.Волоцкой, Т.Н.Молошной и Т.М.Николаевой глагольное слово может иметь 395 форм, включая видовые, залоговые, причастные, деепричастные образования [1, с.147-156].

Во-вторых, не установлены четкие границы глагольной парадигмы, которая, как известно, определяется узко и широко.

В узком смысле глагольная парадигма – это изменение глагола по лицам и числам, т.е. спряжение. В широком – большая парадигма – включает в себя все разнообразие глагольных форм: временных, модальных, причастий, деепричастий, инфинитива.

Установление границ большой глагольной парадигмы связано с теоретическим осмыслением и диагностированием таких единиц, как причастия, деепричастия, вторичные имперфективы. Так, рассматривая причастия и деепричастия как самостоятельные части речи, авторы вузовского учебника «Современный русский язык» выводят их за границы соответствующих глагольных слов [11]. Отсутствие единой точки зрения на видовую пару различных типов приводит к тому, что границы большой парадигмы могут бесконечно расширяться. Например, А.Н.Тихонов убежден, что «в видовую пару объединяются две соотносительные формы глагола, имеющие одинаковые (тождественные) лексические значения и образующие грамматическую оппозицию. Это распространяется на все типы видовых пар (суффиксальные, префиксальные, супплегтивные), но специфично проявляются в однозначных и многозначных глаголах, в формах времени, залога, в функционировании видов. Изменение глаголов по видам относится к спряжению, как и изменение их по лицам, числам, временам» [9, с.166-175]. Признание членов видовой пары любого типа самостоятельными лексемами значительно сужает круг грамматических форм того или иного глагола [3, с. 69].

В-третьих, в процессе функционирования реализуется иная, функциональная, парадигма, для которой характерна неполнота с различным числом отсутствующих позиций. Поэтому во многих случаях само понятие "полная парадигма" становится весьма условным. Наличие у глагола полной парадигмы чаще оказывается скорее исключением, чем правилом.

Эту реальность определяют различные причины. В целом их можно разделить на два типа. Это ограничения, связанные с действующими в языке законами (обусловленные системой языка), и ограничения, вызванные семантическими причинами. В первом случае целесообразно, на наш взгляд, говорить об отсутствии форм, во втором – об их функциональной невостребованности.

Отсутствие формы мы понимаем как невозможность ее образования, которое зависит от вида, класса глагола и т.п. Так, глаголы совершенного вида не имеют форм настоящего

времени, а от глаголов несовершенного вида, как правило, не образуются страдательные причастия прошедшего времени. Кроме того, отсутствие тех или иных форм часто объясняется принадлежностью конкретного глагола к тому или иному классу. Например, формы деепричастия несовершенного вида на *а/я* отсутствуют у глаголов IX класса (тип *сохнуть*), у глаголов X класса (тип *печь, беречь*), у глаголов VI класса с чередованием согласных основы *чиш* (*писать, вязать, гладить*) и др. [2, с.525-526].

Другой тип ограничений диктуется семантикой глагола. При этом формы могут потенциально существовать, но быть невостребованными, неупотребительными на данном этапе развития языка. Востребованность той или иной формы корректируется нашим когнитивным опытом.

Обычно к причинам первого типа относят и значение переходности/непереходности [10, с.57] Однако, на наш взгляд, решение здесь не может быть однозначным. С одной стороны, значение непереходности – условие отсутствия формы, обусловленное системой языка. С другой стороны, это значение семантическое, реализуемое на уровне отдельного лексико-семантического варианта.

Наблюдения показывают, что состав функциональной парадигмы существенно отличается от традиционной парадигмы.

Покажем это на примере функциональных парадигм многозначного глагола **давить**. Для удобства демонстрации мы используем способ подачи семантики многозначного глагола, предложенный И.К.Сазановой в Словаре «Русский глагол и его причастные формы», в котором, в отличие от толковых словарей, лексические значения глагола группируются по принципу наличия у них свойств переходности или непереходности [5,с.7], а также характеризуется субъект действия (лицо или не лицо). Это облегчает задачу определения закономерностей в образовании и употреблении тех или иных форм.

В словарях глагол **давить** представлен в следующих значениях:

1. *неперх., на что; S не лицо* Снег давит на крышу (прижимать, действуя силой тяжести)
2. *неперх., на что*, также *чем* Мальчик давил кнопку звонка (нажимать, надавливать с силой)
3. *неперх., на что и без допол.; S не лицо* Задник ботинка давит (сжимать, сдавливать, вызывая ощущение неловкости, боли и т.п.)
4. *неперх., на кого (что)*, также *чем* Новый сотрудник давит на всех своим высокомерием (вызывать гнетущее чувство, тяготить, угнетать)
5. *неперх., на кого (что)* Не дави на меня (оказывать нажим, давление, склоняя к каким-л. действиям, выводам и т.п. разг.)
6. *перех., что; S не лицо* Воротник давит шею (будучи меньшим, чем нужно, по размеру, сжимать, сдавливать)
7. *перех., кого (что)* В троллейбусе Иванова давили со всех сторон (из-за тесноты сжимать, сжимать, не давать возможности двигаться)
8. *перех., кого (что) и что; S не лицо* Тоска меня давит (угнетать, терзать, теснить – о чувствах)
9. *безл. Почему-то давит в груди* (о чувстве стеснения, боли в груди, в сердце, в желудке и т.п.)
10. *перех., что*, также *чем* Колеса машины давили валявшиеся на юбке картонные коробки (ломать, мять, расплющивать что-л., надавливая)
11. *перех., что*, также *чем* Бабушка давила ягоды деревянной ступкой (сплющивать, разминать что-л., обычно для извлечения сока, масла)
12. *перех., кого (что)* Ребята давили комаров в палатках, но это не помогало (убивать насекомых, прижимая, придавливая)
13. *перех., кого (что)* Толпа бежала и давила сбитых с ног людей (убивать или калечить, сбивая с ног, подминая под себя)
14. *перех., кого (что) S не лицо* Лиса давила наших кур ночью (убивать, сдавливая горло – о животных)
15. *перех., кого (что)*, также *кем и чем* «И только тот один, кто всех собой давил, Свободно и дышал, и действовал, и жил». Н.Некрасов (стеснять чью-л. свободу, притеснять; разг.)
16. *перех., что*, также *чем* Зачем ты давишь инициативу у своих подчиненных своей мелочной придирчивостью? (не давать свободно проявляться; разг.)

Анализ парадигм каждого из перечисленных значений показал, что полная парадигма реализуется лишь в одном случае – при значении 11 [5, с.103]. При этом формы кратких страдательных причастий прошедшего времени отмечаются как редкие [5, с.10]. Парадигмы всех других значений – неполные, с разным числом отсутствующих форм.

1-5 значения глагола **давить** – непереходные Поэтому в грамматических парадигмах нет форм страдательных причастий.

6-16 значения – переходные, однако все формы страдательных причастий реализуются лишь в значении 11. Для значений 12 – 15 возможны формы страдательного причастия настоящего времени [5, с.103-104].

Если субъект действия не лицо (1, 3, 6, 8, 14 значения), а также в безличном значении (9), то отсутствуют формы повелительного наклонения и 1 – 2 лица единственного и множественного числа.

Если результат действия негативен (4, 5, 13, 15, 16 значения), то не реализуются формы 1 лица единственного и множественного числа. Форма повелительного наклонения обычно употребляется в отрицательных конструкциях: *Не дави (инициативу, собой, своим видом, авторитетом и т.п.)*

Таким образом, глагол **давить**, отмеченный во всех толковых и грамматических словарях как глагол с полной парадигмой [8, с.143], на самом деле таковым не является.

Как видим, неполнота парадигмы объясняется самыми разными причинами. Наиболее часто они связаны с характеристикой глагольного действия: характером субъекта, лица, наличием/отсутствием объекта, позитивным или негативным результатом и т.п. Среди семантических причин выделим следующие:

1. Значение переходности/непереходности. С одной стороны, отсутствие у непереходных глаголов форм страдательных причастий, действительно, связано с законами, действующими в языке. С другой стороны, переходность связана с одним из основных компонентов семантики глагольного действия, а именно с наличием/отсутствием объекта действия, и поэтому реализуется в процессе функционирования на уровне отдельного значения многозначного глагола. Следовательно, однозначно отнести переходность/непереходность к причинам первого типа не представляется целесообразным. С этих позиций отсутствие форм страдательных причастий на уровне отдельных лексико-семантических вариантов у непереходных глаголов может рассматриваться как причина семантическая, непосредственно связанная с содержанием действия.

В подобных случаях более точной и логичной в словарях является помета «*не употреб.*», которая свидетельствует о том, что форма не употребляется именно в данном значении, тогда как в других значениях (при наличии объекта) она реализуется.

2. Тип субъекта действия: лицо или не лицо. Он определяет возможное количество форм лица и наличие/отсутствие формы повелительного наклонения. Только 3 лицо единственного и множественного числа реализуется у глаголов, называющих действие, которое осуществляется субъектом не лицом, и в случаях, когда действие происходит без субъекта (у безличных глаголов и у глаголов в безличном значении). Форма императива отсутствует.

3. Этические причины. Если действие предполагает негативный результат, то глагол, как правило, не употребляется в форме 1 лица (**Я давлю своим видом, инициативу, собой и т.п.*) Императив преимущественно реализуется в отрицательных конструкциях: *Не дави!*

Как видим, функциональные парадигмы, эксплицируемые на уровне отдельных лексико-семантических вариантов, существенно отличаются от парадигм, представленных в словарях.

С этой проблемой фактически сталкиваются составители всех словарей, в которых отражена глагольная парадигма: «В условиях внутреннего и внешнего контекста различные грамматические значения вступают в разнообразные отношения и сложно взаимодействуют. В этом взаимодействии важную роль играют также словообразовательные и лексические значения глагола, особенно переносные употребления слов. Взаимоотношения различных типов значений усложняются также при переносном употреблении грамматических форм, обслуживающих грамматические категории глагола. Взаимосвязь и взаимообусловленность разноуровневых и внутриуровневых значений в глагольном слове недостаточно изучены» [9, с.6-7].

Отсутствие тех или иных грамматических форм глагола обычно отражается в словарях избирательно, в зависимости от опыта составителей, их научной компетенции. Словари

фиксируют отсутствие некоторых глагольных форм в блоках толкования словарных статей. Однако состав помет разрабатывается по-разному.

Так, в Словаре современного русского литературного языка [7] случаи наличия или отсутствия той или иной формы фиксируются пометой «употр.» – употребляется и «неупотр.» – неупотребительный, неупотребительно, которая представлена в списке условных сокращений [7, Т.1, с.35-37]. Например, **Грясти** (*неопр. и прош. не употр.*) [7, Т. 3, с.375].

Словарь русского языка [6] в список условных сокращений данную помету не включает. Однако в корпусе словарных статей пустые позиции отмечаются. Например, **Гнести** гнету, гнетешь; *прош. не употр.* [6, Т.1, с.320]. **Гнить** ...II (*сов.нет*) *перен.* Приходить в упадок, разлагаться. [6, Т.1, с. 321].

Толковый словарь русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой в список условных сокращений, принятых в словаре, вводит лишь помету «употр.» – употребляется, употребляющийся, однако в грамматических комментариях к словарным статьям встречается и «не употр.». Например, **Победить**, 1 л. ед. не употр. [4, с.517], **Пылесосить**, -осю и -ошу (в употреблении избегается) [4, с.624].

В целом такой подход действительной картины не отражает. Задачу комплексного описания глагольной парадигмы авторы существующих словарей не ставили. Но, несомненно, словари должны отражать реальную жизнь слова независимо от того, носит ли какое-либо явление индивидуальный или «групповой» характер, охватывает ли оно определенные типы слов или встречается в одном лишь слове.

Наиболее полно грамматическая характеристика глагола отражена в «Словаре-справочнике по русскому языку»[8], авторы которого А.Н.Тихонов, Е.Н.Тихонова и С.А.Тихонов считают, что данный словарь «по объему грамматической информации значительно превосходит все существующие словари русского языка, даже многотомные академические» [10, с.56]. Однако и в этом словаре используется лишь одна ограничительная помета «не употр.» – не употребляется. Например, **Глохнуть...повел.** не употр.; **деепр.** не употр.[8, с.129-130]; **Гнить...повел.** не употр.; **деепр.** не употр. [8, с.131].

Нетрудно убедиться в том, что отсутствие формы повелительного наклонения и формы деепричастия у глаголов **глохнуть** и **гнить** связано с разными причинами. В первом случае это причины семантические, непосредственно связанные с конкретной семантикой глаголов. Помета «не употр.», на наш взгляд, здесь уместна, т.к. реально отражает невостребованность, неупотребительность императива, хотя теоретически образование такой формы возможно (*Гний! Глохни!). Отсутствие же формы деепричастия имеет причину другого порядка, а именно – принадлежность глаголов к определенным непродуктивным классам, т.е. связана с историей языка и действующими в нем законами. Такие факты, на наш взгляд, следует отграничивать от фактов первого порядка и фиксировать их пометой «не образ.» не образуется.

Следовательно, система ограничительных помет в толковых и особенно в грамматических словарях нуждается в дальнейшей разработке и в уточнении. Репертуар предлагаемых помет должен отражать не только отсутствие той или иной формы, но и причины, вызвавшие это. (Как, например, в толково-грамматическом словаре «Русский язык и его причастные формы» [5]).

Исследование функциональных парадигм дает возможность более последовательно, адекватно и систематизированно представить реальную структуру глагольного слова и таким образом изменить наши стереотипные представления о формальной организации большинства многозначных глаголов.

Литература

1. Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. – М., 1964. – 246 с.
2. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология: Ч. II. – Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960.
3. Милославский И.Г. О семантическом содержании видовой характеристики русского глагола // Язык – система: Язык – текст: Язык – способность. – М., 1995. – С.67-80.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
5. Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы. – М.: Русский язык, 1989. – 588 с.
6. Словарь русского языка. В 4 т. / Гл. ред. А.П.Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-

1984. – Т.1-4.
7. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – М.;Л., 1950-1965. – Т. 1-17.
  8. Тихонов А.Н., Тихонова Е.Н., Тихонов С.А. и Словарь-справочник по русскому языку. – М.: Словари, 1995. – 702 с.
  9. Тихонов А.Н. Русский глагол: Проблемы теории и лексикографирования. – М.: Academia, 1998. – 280 с.
  10. Тихонова Е.Н. Грамматическая характеристика глагольного слова в «Словаре-справочнике по русскому языку» // Сборник научных трудов по лексикографии / Отв. ред. В.В.Дубчинский. – Вып. 5. – Гродно, 1998. – С.56-57.
  11. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: Словообразование, морфология. -- М.: Просвещение, 1987.

РОЛЬ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В ДОСТИЖЕНИИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

Чернобровец С. Г., кандидат филологических наук, доцент

В статті описується роль парцельованих структур в досягненні комунікативно-прагматичної мети на прикладі газетно-публицистичного стилю

The significance of partsallizing structures in gaining communcative and pragmatal results on the basis of newspaper and periodic style is depicted in the article

Изучение речевых единиц с коммуникативно-прагматических позиций предполагает выяснение различных компонентов речевого общения, в том числе и целеустановки говорящего. Субъект речевого акта должен хорошо владеть речевой ситуацией, чтобы дать необходимое направление дискурсу в целом. Активное творческое начало субъекта реализуется в рамках речевого акта через его иллокуттивную силу, а потому субъект для достижения планируемого перлокуттивного эффекта должен отбирать такие средства и строить высказывание так, чтобы планируемая им цель речевого воздействия на адресата-реципиента реализовалась наиболее полно.

Выбор того иного языкового средства диктуют прагматические факторы, а задача, стоящая перед субъектом – сориентировать адресата в ситуации общения, расставить акценты на той информации, на которую должен обратить внимание адресат в первую очередь, так как эта информация наиболее значима для реализации конкретной коммуникативной цели. Следовательно, среди арсенала языковых средств, отбираемых субъектом, важное место занимают те, которые максимально информативны.

Одним из таких средств является парцеляция – прием экспрессивного синтаксиса, при котором особым способом актуализируется часть высказывания, парцелят, отчленяясь от основной, базовой, части при помощи паузы и знака конца предложения. Например: *Мы решили подойти к проблеме (жизни и смерти) сугубо практически. И рассказать вам, как именно покидает наше бренное тело суетный мир. И что сделать, чтобы это случилось как можно позже.* (Комс.пр.,20.06.97).

Представляет интерес проанализировать за тем, как субъект, стремясь вызвать у адресата планируемое отношение к сообщаемым фактам, использует парцеляцию в газетно-публицистическом стиле. Газетно-публицистический стиль избран в качестве объекта исследования, потому что он является наиболее популярным из всех книжных стилей и характеризуется двумя взаимодействующими качествами: информативностью и экспрессивностью. Именно в этом стиле субъект коммуникации может наиболее полно проявить себя и в выборе предмета сообщения, и в построении самого речевого акта, воздействуя как на интеллект, так и на эмоции адресата. Потребность лаконично выразить основную мысль газетной публикации и в то же время сделать это наглядно, выразительно, так, чтобы привлечь внимание читателя и воздействовать на его ум и эмоции, вызвала появление большого количества парцелированных конструкций, функционирующих на газетной полосе. Здесь парцеляция широко представлена как на уровне простого, так и на уровне сложного предложения. Например: *Перед «моржами» я всегда снимал шляпу. В любую погоду. Особенно, когда и на суше и на море +8.* (Крымск.пр.,11.04.97); *Вы любите отечественные фильмы? Тогда смотрите их впрок. Потому что скоро смотреть будет нечего.* (Комс.пр.,30.10.98). *Однако довольно эстетствовать. Пора входить в заповедник.* (Крымск.пр.,28.10.98).

Парцеляция фрагментов приведенных высказываний изменяет их интонационный рисунок и коммуникативную нагрузку, внося дополнительную оценочную позицию – субъективную модальность, заключающуюся в отчленении важных, на взгляд субъекта, частей предложения. Без парцеляции иллокуттивная сила этих предикативных структур в значительной мере утрачивается.

Как показал анализ материала, коммуникативная интенция говорящего обуславливает разрыв любого формального типа связи, наблюдаемой в простом предложении или между частями сложного предложения. Например: *Крымским консервщикам уже помогает правительство. Голландское.*(Крымск.пр.,14.06.97) – связь подчинительная, согласование; *Все звезды в гости. На певческое поле.* (Комс.пр.,30.06.97) – связь подчинительная, падежное примыкание; *Уверен, если кто-то из них (животных в зооуголке) окажется без еды – из дома принесут* (сотрудники). *Последнее.* (Крымск.пр.,5.03.97) – связь подчинительная, управление;

Вор сыграл в «ящик». И озолотился. (Крымск.пр., 1.07.97) – связь сочинительная между однородными членами; *Все отсылали педагогов к райадминистрации Кировского района, на бюджете которого находятся школы. То есть круг замыкался.* (Крымск.пр., 27.02.97) – связь пояснительная между предикативными частями; *Димка уже не мог никуда идти, он просто сел на ступеньки и стал ждать. Пока не пришла Валентина.* (Комс.пр., 5.03.97) – связь подчинительная между предикативными единицами; *Обезьянник пуст. Его обитатели на зимних квартирах.* (Крымск.пр., 5.03.97) – связь бессоюзная между предикативными частями.

Примеры свидетельствуют, что легче всего в высказываниях отчленяются компоненты, связанные сочинительной или факультативной подчинительной зависимостью. Этим фактом обусловлена высокая частотность предложений с парцелятами – однородным к уже имеющимся в базовой структуре, а также предложений, расчлененных в месте слабой подчинительной связи. В приведенных выше примерах парцелированные компоненты в конструктивном плане факультативны, поэтому именно отчленение делает их актуальными и обращает на себя внимание читателя.

Значительно реже встречаются в газетных текстах конструкции с выведенным за пределы базовой структуры компонентом с сильной, обязательной связью. Например: *Хочешь стать депутатом, постучи. По дереву.* (Комс.пр., 10.02.92); *И чиновник попадается. На взятке.* (Крымск.пр., 12.04.96); *Молоко не роскошь, а средство... Разорения?* (Крымск.пр., 5.01.96). В приведенных примерах семантико-грамматические свойства стержневых слов нуждаются в распространителях, место которых занимают парцеляты. Отчлененные компоненты играют важную роль в формальной организации этих высказываний, поэтому парцеляция в них затруднена. Однако первостепенное значение в таких предложениях имеет не формальная их организация, а коммуникативно-прагматическая установка. Она и обуславливает парцеляцию, повышает иллокутивную силу и перлокутивный эффект всего предложения.

Субъект речевого акта, стремясь обеспечить адресата необходимой информацией, опирается и на его предварительные знания о предмете речи – пресуппозицию. Например: *К новогоднему столу будет сухое. Молоко.* (Комс.пр., 28.10.91). Перлокутивный эффект этого высказывания заключается в неожиданности появления после точки подлежащего. Без него «сухое» было бы воспринято как субстантивированное прилагательное, обозначающее сухое вино – необходимый атрибут новогоднего стола. Приведем еще примеры с парцеляцией, актуализирующими пресуппозицию: *Служить бы рад. Прислуживаться – тоже?* (Крымск.пр., 25.07.96); *Лишают дара речи. Русской.* (Крымск.пр., 07.09.96); *Слово – не воробей. Но и не попугай.* (Крымск.пр., 30.10.96). Иллокутивная сила этих парцелированных высказываний вызывает запланированный перлокутивный эффект, связанный с эксплицируемой информацией, основанной на пресуппозиции. Кроме того, здесь присутствуют и имплицитно выраженные субъектом отрицательные оценки событий, что подчеркивается отчленением актуализированных компонентов.

Итак, между целью общения и языковыми средствами, которые используются для её реализации, существуют прямая зависимость. Употребление парцелированных конструкций как одного из средств повышения иллокутивной силы в процессе коммуникации позволяет автору – субъекту наиболее эффективно реализовать свою прагматическую установку и добиться прогнозируемых перлокутивных эффектов.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.

Комс.пр. – «Комсомольская правда».

Крымск.пр. -«Крымская правда».

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (РОМАН Е.И. ЗАМЯТИНА "МЫ")

Шевченко Т. Л., соискатель

В статті розглядається роман Є. Замятіна «Ми» як твір жанру антиутопії в російській літературі ХХ ст.; зіставляються жанрові особливості утопії та антиутопії

The article deals with Zamyatin's novel «We» as a piece of antiutopia in 20-th century Russian literature; genres peculiarities of utopia and antiutopia are compared.

Роман-антиутопия Е.Замятиня "Мы" привлекает внимание исследователей прежде всего как сатиры на те утопические идеи, которыми была насыщена и литература, и сама жизнь России 20-х годов – времени, когда "свой план светлого будущего был у каждого" [1, с. 55]. Однако как утопия в изображении идеального общества всегда отталкивается от некой неприемлемой его модели, так антиутопия, жанр-перевертыш, изображая общество антиидеальное, тем самым намечает границы "правильного" социального устройства, при этом отдельные черты последнего нередко приступают непосредственно в тексте антиутопического произведения. Этот феномен "существования" утопии и антиутопии в рамках одного литературного явления" [2, с. 154] обнаруживается и в "Мы" Замятиня [3]. Но утопический "слой" романа, в силу своей второстепенности, зачастую остается обойденным вниманием, и, на наш взгляд, именно это упущение иногда приводит к неверному пониманию произведения: "Роман "Мы" – о подмене истинных духовных ценностей, великим обмане и дегуманизации общества", – пишет В.Тумиманов [4, с. 72]. На наш взгляд, ценности, огстаиваемые Замятиним, не только не являются истинно духовными, но по сути мало отличаются от критикуемых им идеалов советских утопистов.

"Мир за Зеленою стеной" в контексте произведения может показаться не столько альтернативой Единому Государству, сколько еще одним проявлением идеологии этого Государства, иным полюсом искажения человеческой личности, когда в ответ на давление математически выверенного порядка в людях просыпается иррациональное, едва ли не "твериное начало (не случайно "необыкновенно белые и острые зубы" [5, с. 6] становится характерной чертой облика главной героини, 1-330).

Доводя до абсурда утопическую идею о "совершенствующем" человека общественном строе, мудро регламентирующем его жизнь, в том числе и сугубо личную, Замятин делает одной из реалий Единого Государства общий для всех "нумеров" закон, предписывающий им жить по системе "розовых талончиков", унроздняющей такие болезненные и нерациональные чувства, как любовь и ревность. Описывая представления главного героя, Д-503, о семье ("...я, он и О - мы треугольник, пусть даже и неравнобедренный, а все-таки треугольник. Мы, если говорить языком наших предков, – семья. И так хорошо хоть ненадолго отдохнуть, в простой крепкий треугольник замкнуть себя от всего, что ...") [5, с. 31]). Замятин формулирует основное правило господствующего в Едином Государстве закона: "всякий из нумеров имеет право – как на сексуальный продукт – на любой номер" [5, с. 16]; писатель высмеивает и современные ему ультралевые взгляды на любовь, но что он противопоставляет этому безумию? Семью? Нет, все те же бессемейные отношения. В Едином Государстве узаконена свободная любовь, а героям Замятиня только хочется освободить ее от государственной опеки. И, конечно, их любовь – это действительно любовь, а не отправление физиологической потребности. В этом отношении интересно сравнить "Мы" с опубликованной в 1906 году антиутопией Н.Д.Федорова "Вечер в 2217 году", имеющей много общего с романом Замятиня: здесь изображается та же унификация жизни, то же обезличивание людей, те же номера вместо имен, то же упразднение любви и семьи как помехи для всеобщего счастья. Но героине Федорова, неспособной смириться с окружающей ее действительностью, "хотелось семьи, старинной семьи, замкнутой как круг, тесно и неразрывно связанной, любящей семьи, семьи о которой теперь читают только в исторических романах" [6, с. 28]. В антиутопии Замятиня такое противопоставление отсутствует, и эта пустота значима, не случайна. Замятин возмущает не разрушение института брака, а ограничение, регламентация страсти. К браку, судя по его публицистике, он относился скептически: его сравнение революции с "юной, свободной, огнеглазой любовницей", которую он разлюбил, стоило ей только стать "законной супругой, ревниво блющей законную монополию на любовь" [5, с. 266] не просто эффектный литературный прием, но и

выразительное свидетельство о ценностных приоритетах Замятиня, отразившихся в романе "Мы". (Ср. с признанием писателя в письме к Ю.Анненкову: "Блуд, сиречь, нарушение расписаний, установленных законным браком, есть, конечно, институт антирелигиозный и неорганизованный. А по-моему, маркизочка (т.е. блудница), если она занимается своим делом от души и красива, – чудесная женщина. И человек, который хорошо изображает любовь и учит любви тех, кто это плохо знает, – полезный человек." [7, с. 119]).

Семье с ее созидающей (в отличие от страсти) любовью нет места среди идеалов, утверждаемых романом Замятиня, она здесь такая же притесняющая человеческую свободу догма, как и законы Единого Государства. 1-330 пробуждает в главном герое любовь-страсть, и это чувство заставляет его забыть не только о своей прежней, "разрешенной" Единым Государством возлюбленной, но и о своем будущем ребенке, которого она вынашивает. И поэтому разнообразно варьирующийся в советских литературных утопиях мотив: "Семьи у нас нет. Мы свободно сходимся и расходимся" [8, с. 231] остается и жизненным принципом любимых героев Замятиня.

Проповедуя абсолютную свободу личности, писатель, как уже было сказано, безусловно расходится с авторами утопий в представлении о необходимости разумного, ведущего к общему благу и, самое главное, общего для всех порядка. Главной мишенью сатиры Замятиня служит утопическая мечта о том, что можно найти некий единый для всех рецепт счастья, точную формулу социального устройства, подчинив себя которому род людской обретет, наконец, долгожданное царство добра и справедливости. Иррациональное человеческое начало, "не поддающееся ни точной дозировке, ни точному учету" [7, с. 118], по мнению автора "Мы", взорвет все подобные схемы и чертежи. Утописты настаивали на том, что человек подчинится благодетельному порядку добровольно и охотно, признав в нем залог личного счастья (кучку непонимающих этого безумцев, правда, придется уничтожить). Для Замятиня нелепа сама мысль о добровольном ограничении своей свободы ради чего бы то ни было. Этую минимую добровольность он выемывает в своем романе: "благодетельному игу разума" предстоит "подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах, - быть может, еще в диком состоянии свободы. Если они не поймут, что мы несем им математически-безшибочное счастье, – наш долг заставить их быть счастливыми" [5, с. 3]. Признавая абсолютную свободу личности главной ценностью человека, категорией, которая, собственно, личность и формирует, Замятин, как это ни парадоксально, оказывается близок утопистам верой в неограниченность человеческих возможностей, в то, что над человеком нет другого закона, кроме им самим придуманного. Все грандиозные планы и, соответственно, лозунги эпохи, зафиксированные утопией ("Как нами написано, – "Мир будет таков" [9, с. 126], "Долой природы наглое иго!" [9, с. 300], сюда же относится и уверенность в том, что со временем будет возможно химическое, в тиши лабораторий, воскрешение мертвых), основаны на этой наивной вере. Все подвластно человеку: по собственному усмотрению он может сделать свою жизнь вечной, а может и прервать ее, никаких препятствий высшего порядка к этому нет - для самоубийства в больнице готовы предоставить комнату и "все средства спокойной безболезненной смерти", ведь "если сознание пациента ясно и его решение твердо, то какие же могут быть препятствия?" [10, с. 315].

Для вырвавшегося на какое-то время из "благодетельных тенет счастья" героя антиутопии Замятиня Д-503 в его вновь обретенном состоянии свободы также оказывается допустимым любое своеование. Его, в частности, начинают посещать мысли о самоубийстве, и, за пределами морали Единого Государства, не находится системы ценностей, которая бы исключала самоубийство. Движимый не только жаждой мести, но и страстным желанием почувствовать свое превосходство над жертвой, Д-503 пытается убить Ю. И хотя довести задуманное до конца ему не удается, его победное, полное гордости собой заявление: "И я считаю: я убил ее" [5, с. 140] (герой лишь сменил орудие убийства, шток заменил смехом: "смех – самое страшное оружие") – свидетельствует о том, что на уровне его сознания убийство реализовалось, что внутри себя он эту черту переступил. К убийству, таким образом, больше нет препятствий. В контексте романа герой тем самым делает очередной шаг к обретению личности.

В романе "Мы" способность совершить убийство или самоубийство квалифицируется как проявление иррационального начала, драгоценного для автора. В утопии идеолога Пролеткульта А.А.Богданова "Красная звезда", цитированной выше, суицид, допускаемый "по уважительным причинам", – показатель разумности, рациональности общества. Однако и у

Богданова, и у Замятиня в основе этой разумности одно – гордая уверенность человека в собственном всемогуществе, отсутствие всякого другого закона, кроме человеческого.

Для Замятиня религия столь же непривлекательна, как и для тех авторов коммунистических утопий, с которыми он полемизирует в своем произведении. То, что герои романа, обезличенные "нумера", часто сравнивают идеологию Единого Государства с христианством, конечно, может быть истолковано как подмеченная Замятином "великая ложь" эпохи, подмена важнейших христианских понятий внешне сходными, но по существу же совершенно противоположными представлениями: Единое Государство, "говоря словами "Евангелия" древних – единая Церковь", "День Единогласия... – это нечто вроде того, что для древних была их "Пасха" [5, с. 91-92], "... ангелы-хранители, о которых мечтали древние. Как много из того, о чем они только мечтали, в нашей жизни материализовалось" [5, с. 45]. Однако сам Замятин считал всякую религию "только стенкой, которую человек строит из трусости, чтобы отгородиться от бесконечности" [7, с. 119], для него между тоталитарностью и соборностью нет большой разницы, и Единое Государство с его догматами – не отмена, а логическое продолжение "религии древних". Не случайно метаморфоза, произошедшая с Д-503, – "я перестал быть слагаемым и стал единицей" [5, с. 104], – характеризуется в романе как грехопадение: "– Ну-с, падший ангел. Вы ведь теперь погибли. Нет, не боитесь?" [5, с. 51]. А возвращение героя в лоно Единого Государства дано автором как вариант притчи о блудном сыне, причем авторская ironia распространяется и на сам библейский сюжет.

Рассказывая историю Единого Государства, Замятин упоминает и о "Великой Двухсотлетней Войне между городом и деревней". в результате которой, "правда, выжило только 0.2 процента населения земного шара. Но зато очищенное от тысячелетней грязи – каким сияющим стало лицо земли. И зато эти ноль целых и две десятых вкусили блаженство в чертогах Единого Государства" [5, с. 16]. Писатель явно пародирует иезуитскую логику советских утопий, согласно которой "цель оправдывает средства" (особенно ярко это настроение выражено в поэзии Маяковского: "Авелем называйте нас /или Каином. /Разница какая нам!/ Будущее наступило!/Будущее победитель!... /Горизонт перед солнцем расступился злюч. /И только что /мира пол заклавший. /Кайн гением взялся за луч /как музыкант берется за клавиши" [9, с. 160]). Тем не менее свержение власти Единого Государства и установление альтернативного порядка представляет похожую картину: ради смены энтропии энергией, "если уж это будет неизбежно – можно будет направить вниз дула двигателей /"Интеграла"/ и одной только их работой..." [5, с. 115] вновь уничтожить 0,8 процента, чтобы оставшиеся две десятых "вкусили блаженство" на этот раз в "чертогах" Государства Мефи.

Да и победа города на деревней в Едином Государстве только на первый взгляд вызывает скорбь повествователя. Намек на самоценность провинции, попранной в утопии Мировым Городом, – прием "выворачивания наизнанку" положений утопии. Сама по себе деревня, провинция не представляет для писателя большой ценности. Замятин еще в ранних произведениях, в "Уездном", выразил свою нелюбовь к патриархальному быту. Традиция для него – синоним косности, энтропии и, опять-таки, ограничения свободы "я", смысл жизни он видит в борьбе со старым, с энтропией, писатель по существу отстаивает революционный путь общественного развития: "Безгосударственный строй явится результатом тоже какой-нибудь революции. Мечты об эволюционном пути к этому строю представляются несомненной утопией" [5, с. 346].

Весь сарказм Замятиня, направленный на современный ему утопизм мышления, сводится, фактически, к бичеванию недавних революционеров за то, что, победив, они отступились от идеи вечной революции и стали утверждать некую конечную истину, которая, независимо от ее содержания, именно в силу своей конечности не устраивает Замятиня. В то же время у него был "свой план светлого будущего", от этого будущего человечество отделяет еще множество революций, но оно разительно похоже на утопические грэзы современников Замятиня: "... – будет время – оно придет непременно, – когда человечество достигнет известного предела в развитии техники, времени, когда человечество освободится от труда, ибо за человека станет работать побежденная природа, переконструированная в машины, в дрессированную энергию. Все преграды будут устранены на земле и в пространстве, все невозможное станет возможным. Тогда человечество освободится от своего векового проклятия – труда, необходимого для борьбы с природой, и вернется к вольному труду, к труду-наслаждению... Настоящее искусство придет в эру великого отдыха, когда природа будет окончательно побеждена человеком" [7, с. 118].

Антиутопию часто представляют полной противоположностью утопии, однако, как показывает анализ романа Замятиня, у этих жанров бывает немало общего, далеко не всякая антиутопия является отрицанием утопических идей по существу. В некоторых случаях, как это видно на примере романа Замятиня, зависимость от жанра-антитипа бывает сильной. Коммунистической утопии в романе "Мы" по-настоящему противопоставляется только идея личной свободы, но, достигнув ее, герой выбирает ту же самую систему ценностей, которую предлагает ему Единое Государство – любовь, не перерастающую в семейные отношения, безверие, неограниченное дерзание.

Литература

1. Шайтанов И. Мастер // Вопросы литературы. – 1988. – №12. – С.32-66.
2. Каракан Т. Роман Е.Замятиня "Мы": Проблема жанра / Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы: Межвуз. сб. науч. ст./ Отв. ред. В.Захаров. – Петрозаводск: ПГУ, 1991. – С.153-157.
3. Гальцева Р, Роднянская И. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. – 1988. – №12. – С.217-231.
4. Туниманов В. Что там дальше (Достоевский и Замятин) // Русская литература. - 1993. - №1. - С.61-81.
5. Замятин Е. Избранные произведения: В 2 т. – Т.2. – М.: Худож. лит., 1990. – 410с.
6. Федоров Д. Вечер в 2217 году / Вечер в 2217 году: Русская литературная утопия / Сост. В.Нестаков. – М.: Прогресс, 1990. – С.23-42.
7. Анненков Ю. Евгений Замятин // Литературная учеба. – 1989. – №5. – С.112-132.
8. Окунев Я. Грядущий мир / Вечер в 2217 году... – С.215-234.
9. Маяковский В. Полное собр. соч.: В 13 т. – Т.2. – М.: Гослитиздат, 1956. – 520 с.
10. Богданов А. Красная звезда / Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика второй половины XIX – начала XX века / Сост. С. Калмыков. – М.: Мол. гвардия, 1979. – С.248-380.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДРАМАТУРГИИ АНТИЧНОСТИ В ХХ ВЕКЕ

Шенгелия Л. А., соискатель

Автор статті розглянула проблему інтерпретації античної (драми в сучасному театрі, вивчаючи творчість сучасних грецьких драматургів і режисерів Ф. Політіса та К. Куна, а також аналізуючи деякі зі здійснених ними постановки творів античних поетів. Значну увагу приділено проблемі співідношення новітньої грецької методи інтерпретації античної драми з творчими засадами німецького режисера М. Рейнхардта.

The author of the article applies to the problem of interpretation of the antique drama in the modern theatre. The subject is not only to examine some works of modern Greek stage-managers F. Politis and K. Koon but also to take into consideration and analyse their stagings. Special attention is devoted to the correspondence of interpretation of modern greek drama to the creative principles of German stage-manager M. Reinhardt.

Античное культурное наследие, пытающее европейскую цивилизацию с древнейших времен и доныне, особым писетом пользуется в современной Элладе.

Каролос Кун, режиссер, возродивший античную драму на новогреческой сцене, писал: «Мы, современные греки, обладаем привилегией жить и наблюдать изо дня в день красоту, формы, ритмы, звуки, которые наблюдали и постигали древние греки. в том числе Гомер, Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан. Поэтому, если мы хотим дать их театру новую жизнь в современной интерпретации, мы должны стать ближе к ним и попытаться определить все те элементы, сознательно или подсознательно повлиявшие на их души: мы должны познакомиться с природой, повелевавшей некогда их сознанием — небом, морем, горами, оставшимися прежними, несмотря на бег веков. Эти живые свидетели, окружающие нас, помогут понять поэзию и ход мысли в их произведениях более, чем любые исторические знания о форме античных спектаклей [1, с. 48].

У истоков возрождения античной драмы стоял Фотос Политис. Он первый всерьез занялся этой проблемой в новогреческом театре. В период с 1908 по 1912 годы он учился в Германии; будучи юристом, он серьезно увлекся театром. Здесь, по-видимому, и берет свое начало научный спор о влиянии М. Рейнхардта, выдающегося немецкого режиссера, на творчество Ф. Политиса.

Макс Рейнхардт — режиссер, повлиявший на развитие театра всей Европы и Америки. Он был реформатором, и ко всему, что прославило его спектакли, правомерно применить понятие «открытие», потому что погребенные временем сокровища... забытые приемы заново обретали жизнь в его театре» [2, с.57]. Он — первый, кто сделал музыку неотъемлемой частью драматического представления, кто стал использовать вращающуюся сцену и неопускаемый занавес; само движение, меняющийся облик сцены он сделал принципом спектакля. Кроме того, Рейнхардт использовал факельное шествие, и этот прием получил развитие в дальнейших постановках античного репертуара.

В 1906 году Новый театр-сцена показал «Орфея в аду» Жака Оффенбаха в постановке Рейнхардта. С этого началась реформа в театральном костюме; облачаясь в греческий или римский костюм, актер должен был пользоваться «шелковой кожей» (чулком), чтобы скрыть обнаженные части тела. Рейнхардт убедил исполнителей главных ролей решиться выйти на сцену с голыми руками и ногами. Огромное внимание Рейнхардт уделял пластическому рисунку роли, он часто вводил пантомиму в классические и современные пьесы. Сложный рисунок жестов, взглядов, движений, свойственный персонажам его спектаклей, обнажал то, что скрывали или не могли выразить слова.

В 1910 году в помещении цирка Шумана в Берлине был показан «Царь Эдип» Софокла в обработке Гуго фон Гофманстала и постановке Макса Рейнхардта. «Я вовсе не собираюсь копировать внешний вид античного театра, — писал Рейнхардт. — Мне хочется вдохнуть новую жизнь в трагедию Софокла, исходя из духа нашей эпохи, приоровать ее к требованиям и условиям нового времени. Мне и в голову не приходит реконструировать древнюю сцену, непременным условием которой является открытое небо и маска.... Моя цель — добиться взаимодействия сцены и зрителя, присущего античному театру», — пишет он [3, с. 119].

Смысл спектакля выходил за пределы индивидуальной судьбы правителя Фив. Его содержанием являлось размышление о судьбе охваченного тлением государства и о человечестве, которое ищет отпущение грехов в лице «очередного» Эдипа.

В постановке Рейнхардт использовал круглую сцену «не для того, чтобы воссоздать внешнюю сторону древнего театра.... Цель воссоздания античной сцены была в воссоздании расстояний, от которых зависели результаты представлений в античном театре. В этой моей первой попытке я убедился в следующем: представления, в которых режиссерские мелочи не важны, дают актеру возможность очутиться среди зрителей, удалиться от сценического самообмана. Между актером и зрителем появляется связь. Зритель участвует в происходящем в большей степени, чем обычно», -- пишет он [3, с. 128-129].

Два ярких луча освещали середину арены. Алый свет падал на главное место действия — огромный мраморный портик с тяжелой медной дверью, нависающей над большой белой лестницей. Звуковая партитура, так же как и пластический рисунок сцен, была жестко зафиксирована Рейнхардтом. Хоры, разделенные на группы, звучали как отдельные партии в многоголосом музыкальном произведении. Фразы текста, передававшиеся от группы к группе и как бы тающие в пространстве, в кульминационные моменты произносились хором в полную силу. С человеческими голосами сплетались аккорды арфы, пение горна, звуки ударных инструментов.

Толпа в начале представления оставалась невидимой; сначала был слышен гул, который нарастал постепенно, пока не достигал своей наивысшей точки. Позже слышались первые различимые слова: «Помоги нам, Царь Эдип, помоги нам!», а затем с выкриком «Царь Эдип!» в оркестру выбегали первые актеры, за ними виднелись тела и плечи других. «Хор» Рейнхардта составлял примерно 500 человек, которые выстраивались в три ряда вокруг оркестра. Их голоса и движения связывались музыкой и жестами. Например, сперва они поднимали одну руку, после определенного слова поднимали вторую, чтобы подчеркнуть значимость слова. Большие стасимы хора подразделялись на группы, чтобы фразы приобретали разную окраску и выразительность. Плотно стоящая группа людей начинает фразу, более глубокие голоса сзади поддерживают ее; последние слова еще несколько секунд звучали как эхо, что создавало впечатление толпы. На протяжении всего спектакля за сценой раздавались вздохи и причитания, что являлось ядром переработки Рейнхардта: главный герой не Эдип, а народ.

Сохранилась тетрадь, в которой он записывал свое видение спектакля. Вот описание первой сцены, подготавливающей речь Эдипа, первую кульминацию представления: «Места зрителей в полутиме. Сцена в полной темноте. Музыка начинается с нугающих громовых ударов барабанов, будто гроза гремит со всех сторон. Толпа выходит на оркестру в темноте: вести передаются из уст в уста — спешно, испуганно, задыхаясь, затем все громче. Слышины плача, стенания стариков и детей, которые постепенно сливаются. Те, кто находятся на ступенях, подхватывают их выкрики, поднимается пронзительный, душераздирающий плач, слившийся в один звук. Открывается дверь, (сцена теперь ярко освещена), толпа у подножия сцены похожа на тени. Эдип в ярком свете, напуганный, дрожащий, внимательно вслушивается. — Мертвая тишина» [3, с. 130].

Особое значение в отношениях одного и толпы имела лестница. Эдип стоит наверху, а толпа — внизу. Лишь в кульминационные моменты Рейнхардт позволяет толпе подняться на лестницу. С появлением Креонта толпа перераспределялась и противопоставлялась ему как единое тело из сотен частей. После появлялся хор старейшин из 27 человек в масках и длинных хитонах.

В сцене с Иокастой Рейнхардт использовал пантомиму. После того как прислужница сообщает: «Царица умерла!» (этой сцене предшествовало метание толпы), клин из людей устремляется из дверей. Люди толкаются, одна женщина падает в дверях, другая — на лестнице, толпа движется дальше, топча их. Слуга с потухшим факелом бежит к зрителям, несколько раз падая, он косится на дверь, подпрыгивает в воздух, танцуя, с выражением ужаса на лице. Одна из прислужниц припадает к колонне, расстегивает одежду, изредка вскрикивая, дрожа...» [3, с. 132-133].

Последнее потрясение зритель испытывал в конце спектакля: «Позади толпы, совсем далеко, медленно вырисовывается красное солнце. Толпа на его фоне кажется черным пятном. Ослепленный Эдип в сопровождении Креонта идет в дом, за ним — дети. Дверь медленно закрывается. Толпа бесшумно уходит: старики идут по двое, тихо переговариваясь. Красный свет постепенно смягчается. Звуки горна умолкают. Шаги Эдипа стихают во дворце. В зале медленно зажигают свет. Сцена пустая» [3, с. 132].

Эта работа Рейнхардта получила широкую известность за пределами Германии. Он показал ее в России, Швеции, Англии, ставил «Эдипа» с венграми, шведами, итальянцами, французами, американцами, датчанами.

Не случайно переработка Рейнхардтом античной трагедии нашла отклик в разных странах Европы. Театр выражает, отражает и выкристаллизовывает духовные и культурные условия каждой эпохи. XX век сосредоточен на обществе; в нем преобладает групповое решение, человек становится частью общественных сил. Это явление приближает XX век к древним грекам, в эстетике которых личность, являвшаяся почти всегда выразителем интересов общин, играла почти ничтожную роль. Возрождение античной драмы, совершившееся в первых десятилетиях XX века, более реально и шире по сравнению с гуманистической эпохой Возрождения. Греки и немецкоязычные народы в поэзии и философии обращаются к своим корням. Для театра слово «Эллада» приобретает особый смысл, особую значимость.

Фотос Политис не сообщает, что он встречался с Максом Рейнхардтом или был его учеником. Однако можно предположить, что тесная духовная связь с наследием М. Рейнхардта все-таки была. Это становится ясным из его режиссерских переработок, в основном – «Царя Эдипа». Ф. Политис поставил это произведение три раза: в 1919 г. в Объединении Греческого Театра, в 1925 г. в Центральном театре (не указывая своего имени) и в 1933 г. – в Национальном театре.

Анализ, проведенный греческим театральным теоретиком В. Пухнером, показывает, что Ф. Политис не был учеником немецкого режиссера. В случае с «Эдипом» Ф. Политис сомневался в том, чтобы принять трактовку М. Рейнхардта, он с осторожностью отнесся к жестикуляциям хора и полностью отказался от сценических эффектов, предложенных немецким режиссером. В 1926 г. Ф. Политис написал о его школе: «Режиссура поглотила и поэзию и актерское мастерство... Он поверил в то, что драматург и актер – слуги режиссера.... Он подтвердил афоризм: Театр – это зрелице» [3, с. 134].

Политис согласился, что режиссер должен гармонично использовать все театральные средства. Он не подражает Рейнхардту, но старается воссоздать его дух в греческих условиях. Видение толпы как единого целого, предложенное Рейнхардтом, было бы отталкивающим для свободного гражданина Древней Греции. Древний грек не принял бы отрицания индивидуализма, господствующего как идея в Западной Европе со времен Возрождения.

Разница в исторических и общественных условиях заставила Политиса видоизменить постановку Рейнхардта и предложить свою трактовку «Царя Эдипа». Вот как описывает первую постановку этой трагедии Яннис Сидерис: «Занавеса нет. Стена светло-серого цвета с одностворчатой дверью в середине (Политис вынес стулья и сделал оркестру площадью). простой, архаичной с одной стороны, а с другой – алтарь, занимавший много места, и распределил действие в радиусе трех метров; одна декорация, диалоги протагонистов и хора на такой небольшой площадке позволяли зрителям, не рассеивая внимания, следить за происходящим... Политис признался, что благодаря площади в три метра он не повторил ошибки Рейнхардта, разрушившего оптическую целостность действия... хор состоял из немногих людей,... вокруг алтаря оставалось место; движением хора руководили корифеи; остальные актеры представляли народ, а также изображали сопровождающих Эдипа и Иокасту, хор совершал два-три шага» [3, с. 135].

Представление 1925 г. имело свое продолжение. В 1927 г. Фотос Политис пишет: «Макс Рейнхардт – первый и единственный, кто попытался найти новое решение проблемы хора. Прочувствовав дух античной трагедии, он попытался представить хор как единое тело и душу: скученность, многочисленные движения, одновременные жесты, сообщения о происходящем, произносимые вслух всеми». Далее Ф. Политис добавляет сравнение со своей постановкой: «Чтобы передать идею общности, некоторые монологи, ранее исполняемые одним актером, теперь исполняются хором иногда в начале, иногда в середине, иногда в конце каждой хоровой песни. Я также поделил речи корифеев так, чтобы было видно личностное отношение на фоне общих чувств...» [3, с. 135].

В 1932 г. был основан Национальный Театр Греции, и Ф. Политис стал во главе его. Два года он, как никогда раньше, применял решения М. Рейнхардта; он ставит «Орестею» Эсхила, «Венецианского купца» Шекспира, «Привидений» Ибсена, «Смерть Дантона» Бюхнера, «Дона Карлоса» Шиллера. В 1933 г. Политис вновь обращается к «Эдипу». Схожесть представления с версией Рейнхардта очевидна. Начало представления описано Фаносом Котсопулосом: «Занавес открывается. Виден дворец героя, зажатый в скалах. Из глубины раздается шум.

Толпа обезумевших от отчаяния людей собирается перед дворцом, выкрикивая «Помогите» – «Аполлон» – «Царя Эдипа». Слышино, как открываются засовы входной двери, чернь наглеет, во дворце охрана обороняется. Толпа взламывает дверь, перепуганные охранники бегут во дворец, чтобы предупредить царя. Другие пытаются задержать толпу, осадившую ступени, кричащую и требующую Эдипа. Так они неудержимо приближаются ко дворцу. Секунда – и Эдип появляется. Народ замолкает и слушает» [3, с. 136].

Однако Политис не делит хоры на части, как это делает Рейнхардт. Хотя постановка немецкого режиссера использовалась как основа, режиссура Политиса не была копирующей. Позади у него были годы, принесшие опыт в постановке греческой античной трагедии. Его постановка «соответствует греческой атмосфере в режиссуре и в управлении хором», – пишет Пухнер [3, с. 136].

И Политис, и Рейнхардт разрабатывали проблему сценического пространства и хора при постановке античной драмы. Оба они пришли к схожим, но не к одинаковым выводам. Первые постановки «Эдипа» меньше походили на версию Рейнхардта, что дает возможность говорить о не прямом влиянии его творчества на практику Политиса. Пухнер считает, что «сходство объясняется тем, что обе страны, и Германия, и Греция, находились одновременно в схожих фазах общеевропейского развития культуры» [3, с. 137]. И такой авторитет, как М. Рейнхардт, нашел признание в театрах всей Европы. Политису удалось за два года привести Национальный Театр к расцвету. Он не только проникся духом австрийского режиссера, но и разработал его концепцию постановки античной трагедии.

Каролос Кун, создатель Художественного театра, в своем творчестве представляет иное видение античной драматургии. В 1943 г. он прочитал манифест «Социальный статус и эстетические принципы Художественного театра», оставшийся действенным и по сей день: «Я верю в кристаллизацию эмоций, художественное воплощение идей на основе глубокого анализа реальности мира, современных средств выразительности, идущих от потребностей нашего внутреннего мира и реальности, существующей вне нас» [4, с. 24].

Театр был закрыт в 1945 г. из-за гражданской войны. Кун работал в Национальном Театре режиссером и преподавал в драматической школе, им созданной, где под его руководством шло обучение сценическому мастерству. Только в 1954 г. удалось восстановить Художественный театр.

По мнению Куна, многие открытия современного театра уже существовали в прошлом. Ему удалось открыть в античности те пласти, которые помогли обнаружить и связь времен и их отличительные черты. Он нарушил общепринятый взгляд на традицию, воссоздав в спектакле «Царь Эдип» образ не мифологических, а исторических Фив. В его трактовке царь Эдип – сильный человек, желающий жить в спокойном мире, не нарушая его норм. Ужас и отчаяние охватили его лишь на миг, затем он обрел мудрость и достоинство. «Мы должны сохранить дух греческого театра, полюбить его в цвете и звуке, в том, что сохранило значимость с древнейших времен. Обратимся к правде, что поможет избежать омертвления драматического театра. Настоящий театр должен отвечать требованиям зрителя сегодняшней эпохи» [4, с. 35].

Новаторство Куна заключается еще и в том, что он сделал цвет важным выразительным средством; при этом художественные формы спектаклей очень скучны, но выразительны. Чаще всего постановки осуществлялись в Эпидавре, где сама обстановка театрального представления настолько близка к миру античности, что не требует дополнительных декораций.

Большое внимание Кун уделяет и пантомиме, и костюмам, и освещению. Например, в постановке «Орестеи» Эсхила, Кун одевает Ореста в белые одежды. Клитемnestра носит красный плащ, «стекающий» с ее плеч и напоминающий кровавую волну в момент убийства. Этот плащ влечит за собой Орест, как напоминание о содеянном. В finale спектакля прожектор высовчивает на сцене путь, по которому медленно идет измученный угрызениями совести Орест. Свет падает в форме креста. Использование христианской символики в античной драме – отпечаток XX века, и трактуется оно по-разному. Можно предположить, что постановщик подчеркивает мысль об очищении через раскаяние.

В постановке «Медеи» Еврипида героиня носила плащ с одной стороны голубой, с другой – красный. Всякий раз, замыкая убийство, она переворачивала плащ на красную сторону. Дети одеты в белые одежды, символизирующие невинность. Костюмы хора имеют коричнево-зеленую гамму цветов, символизирующую плодородие и семейное благополучие. Кульминационные моменты спектакля сопровождались лучом белого света. Хор пел и

исполнял сложный рисунок танца, сочетающийся с пантомимой. Часто К. Кун использовал маски («Орестея»).

Обращение к миру античной драмы принесло ему мировую известность Его постановки «Персов», «Лягушек», «Лисистраты», «Царя Эдипа», «Орестеи», «Ос», «Семерых против Фив» и др. шли на крупнейших театральных фестивалях мира.

Существует много способов выразить ясные и простые мысли древних драматургов. Согласно концепции К. Куна, современному зрителю нужно представлять античные произведения с «налетом современности», не искажая этической установки их авторов. Здесь и возникает главная опасность для режиссера, интерпретирующего античную драму. Для иностранца не существует другой обязанности, кроме того, чтобы «прочувствовать текст и вдохновиться им и ориентировать его на современного зрителя» [1, с. 25]. Но для самих греков крайне важно быть осторожными с иностранными переработками, даже если они приходят из более театрально развитых стран, с современными театральными традициями, далеко ушедшими вперед по сравнению с греческими. Кун считает что, «хотя страсти универсальны, и человеческая плоть реагирует на них одинаково во всем мире, выражение их различно» [1, с. 50].

Для того, чтобы понять античных драматургов, современный греческий поэт должен хорошо понимать мир, его окружающий. И с благодарностью относиться к современной греческой реальности, в которой сохранились ритмы, звуки и цвета античности. Современный греческий стиль жизни мог бы помочь избежать использования отмерших элементов античной драмы и воодушевить на постановки пьес, написанных два тысячелетия назад, но сохранивших свою актуальность.

Древние мифы вдохновили создание множества произведений мирового театра. Многие трагические образы от Эдипа до Электры, от Медеи до Федры вскаками посещают театральные подмостки, одеваясь в костюмы разных эпох; пользуясь поэтическим или обыденным языком, они живут в пьесах, которые являются либо вариантами, либо полной противоположностью древним драматическим текстам. Каждая эпоха наделяет их своим смыслом; накладывая на мифические образы свою проблематику, каждое общество использует их согласно своим нуждам.

Литература

1. Κούν Κ. Για το φεδατρό. // Αψηθυα. // 1981. 375 с.
2. Бояджиева Л.В. Рейнхардт. Л.: Искусство. – 1987. 158 с.
3. Πουδνέρ Β. Ιστορία Νεοελληνικού Ψεαθρού. // Αψηθυα. // 1984. 527 с.
4. Дружинина А.А. Творческий подвиг Карола Куна. // Дружинина А.А. Греция далекая и близкая. – М.: Наука. – 1989. 89 с.

ЭТИЧЕСКОЕ ЗВУЧАНИЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКОГО СЮЖЕТА В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА "МАСТЕР И МАРГАРИТА"

Яцемирская О. В., аспирант

Христианство родилось и утвердилось на рубеже двух исторических эпох, в период безвременя, когда старые идеалы уже обесценились, а новые еще не были найдены. Духовный кризис осложнялся политико-экономическим. Чувствовалось приближение краха цивилизации, всего привычного уклада жизни. Отчаяние, растерянность и ожесточение сменяли попеременно друг друга в душах людей первых веков новой эры.

Интересно, что и большинство литературных обработок евангелий относится ко временам крупных общественных переломов, когда писатель, наблюдая крушение прежнего мира и страшась наступающей неизвестности, обращается к христианству, стремясь постигнуть будущее и, найдя точку опоры, прежде всего нравственную, пережить "смутные времена".

Канонические тексты лаконичны. Кроме того, если опустить несколько имен, мы увидим, что они не имеют конкретной временной соотнесенности, а проблемы, поднятые в них, оживают на каждом новом витке развития цивилизации.

Не случайно веками писатели разных народов, опираясь на евангелия, создавали художественные произведения.

Индивидуальные встречи с Богом и похожи на канонические описания, и отличаются от них. Страдающий Бог – это еще и философская категория, каждый живущий должен помнить, что он не одинок в этом мире, что за его счастье и будущую жизнь, во имя любви к нему умер Христос.

Этот мотив мы находим в романе М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита". Он создавался в один из самых мрачных периодов в истории страны (с 1928(29) по 1940 год) и после публикации (в 1967 году) стал заметным явлением нашей общественной жизни, узаконив серьезный, даже сочувственный разговор о религии, прежде не выходивший из границ атеистической пропаганды.

Стоит отметить, что, хотя сюжетообразующий элемент – евангелие, Мастер пишет роман о Понтии Пилате, то есть власти зла, а М. А. Булгаков о сатане. Первая редакция "Мастера и Маргариты" была уничтожена автором 18 марта 1930 года. Об этом он сообщил правительству в письме уже 28 марта: "И лично я, своими руками бросил в печку черновик романа о дьяволе..." [1, с. 11]

Первые варианты названия произведения говорят сами за себя: "Фарибунда", "Черный маг", "Копыто инженера" и другие. Работа над ним возобновилась в 1931 году, тогда уже в романе появились Маргарита и ее безымянный спутник – будущий Мастер. 2 августа 1933 года Булгаков сообщал своему другу писателю Викентию Вересаеву: "В меня вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатах, я стал марать страницу за страницей заново тот свой уничтоженный три года назад роман." Вторая редакция, создававшаяся до 1936 года, имела подзаголовок "Фантастический роман" и варианты названий: "Великий канцлер", "Сатана", "Черный богослов", "Пришествие" и тому подобное. Третья редакция романа, начатая во второй половине 1936 года или в 1937 году, первоначально называлась "Князь тьмы", и только во второй половине 1937 года появилось заглавие "Мастер и Маргарита" [2, с. 304].

С первых страниц "закатного романа" становится ясно, что мир современной автору Москвы – это мир навыворот, и по его обратной логике Мастер должен стать и становится жертвой, но не сатаны, а самодовольных людей, возомнивших, что они познали истину в последней инстанции. Вершитель справедливости здесь – дьявол. А самоотверженная, бескорыстная любовь женщины превращает ее в ведьму. Кажется, из жизни навсегда ушло добро, и появляется соблазн считать, что все окружающее – во власти зла. Люди забыли о Боге и в труднейшей ситуации взывают к ... сатане. Однако прагматизм настолько укоренился в душах, что в реальную помощь Князя Тьмы уже никто не верит, так как если нет Бога, то и дьявола, разумеется, тоже быть не может. "Нет ничего, ничего и не было! Вон чахлая липа есть, есть чугунная решетка и за ней бульвар." [3, с. 64]. Опливая потом, официанты несут над головами запотевшие кружки с пивом, хрюплю и с ненавистью крича: "Виноват, гражданин!..." Грохот золотых тарелок в джазе заглушается иногда грохотом посуды. "В нескольких абзацах "обыкновенность" успевает разрастись до адской жути (но это не дает спасительного перехода в

необыкновенность). "И страшно, страшно" – не от пиратов и полночного видения в аду, а от чахлой липы, от плавящего льда в вазочке" [4, с. 61]. "Бездна в романе – всеобъемлющая, начиная с кляузной обывательской мерзости квартирного быта, включая бессмысленный механизм государственных учреждений и кончая бездарным конъюнктурным миром искусства; она вся обволакивается таинственным произволом, распоряжающимся людьми, и увенчивается идеологией образованных теоретиков" [5, с. 60].

В произведении "постепенно кристаллизуется концепция, идущая вразрез с традиционной христианской теорией. Мы видим, что зло в романе не уничтожается, но предстает в виде равнозначимой силы" [5, с. 60]. Это – религиозно-философский дуализм, восходящий еще к Византийской империи. Несколько неожиданным представляется то, что ересь так четко проявилась именно в трактовке Булгакова, оба деда которого были священниками, а отец – профессором Киевской Духовной Академии. Скорее всего, здесь мы наблюдаем влияние переживаемой автором эпохи правления зла, в которой добро беспомощно и беззащитно.

Беззащитно оно и в обоих пластиах романа – сатирическом (о современной Москве) и философском (о древнем Ершалаиме). Стоит отметить, что в евангельском эпизоде Булгаковым из канонического окружения Христа оставлены только Левий Матфей и Иуда, причем последний (по версии автора) – профессиональный провокатор – учеником Иешуа никогда и не был. Зато окружение прокуратора расширено (Марк Крысобой, Афраин, секретарь, командующий легионом, собака Банга), а самому прокуратору уделяется максимум внимания, вплоть до рассказа о его происхождении – он сын короля-звездочета и красавицы Пилы. В двух из четырех ершалаимских глав Иешуа и вовсе не участвует, а появляется лишь в снах и мыслях наместника. Произведение Мастера начинается с правителя Иудеи и заканчивается им.

Пилат предстает злым, назвать его "добрый человеком" значит прогневить. Он опытный политик, и драма его – в конфликте между тем естественным, человеческим, что еще в нем сохранилось, и этой ипостасью политика.

В "Мастере и Маргарите", как и в евангелии от Иоанна, благое намерение прокуратора останавливает страх перед кесарем. Творить добро Пилат не в силах, так как для этого нужно самоожертвование, на которое он не способен. Одникуму наместнику легче казнить единственного понимающего и могущего помочь ему человека, чем попытаться нарушить установленный порядок и впасть в немилость. А ведь он так серьезно болен, что периодически желает умереть, да и должность свою ненавидит, но не хочет ее терять. Привычка повелевать делает Пилата рабом своего же высокого положения. Воспитанный в духе религиозной терпимости, характерной для Древней Греции и Древнего Рима, язычник Пилат, разуверившийся в традиционных римских богах, поклонялся только реальной силе и власти. А Иешуа если не властью, то какой-то таинственной силой, безусловно, обладал, поэтому между ним и прокуратором возникает столь значимый в философском плане диалог.

Для главы же Синедриона Каиф, почитающего себя обладателем истины в последней инстанции, бродячий философ – разрушитель веками освященных традиций, всего привычного жизненного уклада, мировоззрения, следовательно, – злейший враг.

Образ первосвященника развит в духе четвертого евангелия. Он верит в свою правоту, в то, что казнь проповедника действительно необходима для блага иудейского народа. Смелый и решительный глава Синедриона трезво оценивает свои и чужие возможности, а религиозный фанатизм делает его неразборчивым в средствах. "В душе Пилата политик побеждает человека, а вовне он же терпит поражение перед силой человеческого духа" [6, с. 176].

Морально Иешуа поддерживает доброта, любовь к людям, стремление им помочь; Каифу фанатическая уверенность в своей правоте, Левия – непобедимое желание донести до всех живущих то, что он считает истиной; поэтому он и продолжает в силу своих ограниченных возможностей и понятий дело Га-Нацри. Но в образе Матфея уже можно увидеть вероятную трансформацию Учения, создание строгого иерархической христианской церкви. Он жестко делит всех на врагов и друзей, а это уже основание для новой иерархии – по степени приверженности учению, соблюдению его догматов. Однако Левий у Булгакова преданнее апостолов канонических текстов: он не убегает, не отрекается, как Петр, и, чтобы сократить муки Иешуа, сам готов умереть на кресте; рискуя жизнью, пытается похоронить проповедника. Но бывший сборщик подати не воспринимает сути учения, искачет его смысл; а желая отомстить Иуде, ведет себя, как язычник Пилат. Даже самый близкий к Спасителю человек далек от неожиданной и уязвимой идеи бескорыстной и безграничной любви ко всем.

Для властей Иешуа опасен тем, что помогает почувствовать себя личностью, осознать свою самоценность. Новую философию, по мнению автора, поняли не многие и только через сотни лет, зато устои старой, основанной на страхе и слепом преклонении, заколебались. Проповедник намекнул на возможность другой жизни, иных отношений. Бог в "Мастере и Маргарите" искренне верит в благородное, гуманное начало каждого.

"Здравствуй, добный человек" – это не просто обращение, а призыв, совершенствуясь, действительно стать добрым. А верят ли, что он Миссия, или нет, для Иешуа не главное. Поведение его также отличается от канонического: никаких упоминаний об отце небесном, угроз неуверовавшим, цитат из священных писаний, показательных исцелений, разговоров о мученической смерти в будущем, усмиряющих речей к апостолам во время ареста. Просто единственный ученик неожиданно заболевает на сутки и герой один идет навстречу судьбе. И в этом он мужественнее евангельского Христа.

"Писателю нужна была яркая, как солнечный луч, и короткая, как вспышка молнии, жизнь праведника, призванная оттенить несовершенство современной жизни. Поэтому Иешуа в "Мастере и Маргарите" моложе канонического Иисуса, а его жизнь до мучительной смерти лишена каких-либо запоминающихся значительных событий. Главное для Булгакова показать гуманистическое содержание жизни и смерти Га-Ноцри, нравственную высоту его учения" [6. С. 44-45]. Иешуа никем себя не провозглашает, выводы его собеседники должны сделать сами, и встреча с бродячим философом заставляет их иначе взглянуть на мир и на себя в этом мире. Сорокалетний сборщик податей сначала смеется, издевается, а затем, бросив на дорогу деньги, идет за странником. В речах Иешуа есть чудотворная убежденность в силе слова и в той истине, которую это слово несет. Поэтому Пилат и не спит, хочет продолжать разговор и поверить в то, что казни не было, и признаться в том, что трусость – самый страшный порок, потому что стоящий перед ним и его волей посланный на смерть проповедник, страдающий, странающийся побоев, униженный, слабый и беззащитный, но ни на секунду не поколебавшийся ни в своей вере, ни в своей духовной открытости, этим-то и опровергает "право сильного", к которому привык прокуратор, этим-то и зарождает в Пилате неутихающую душевную боль. Обещанное царство истины перечеркивает весь образ жизни наместника, всю систему его ценностей.

После суда Пилат не в состоянии жить как раньше. Совесть не дает ему покоя, стремление искупить свою вину растет, но не знает прокуратор, что делать, не умеет творить добро, не понимает жертвы Иешуа. Привязанность к философу выражается к ненависти к тем, за кого он умер.

В отличие от канона в романе Булгакова грешники, способные к пробуждению совести, глубоким, искренним раскаянием на том свете искупают свои преступления, совершенные на этом, некоторым из них даруется прощение, а иногда открывается царство света.

В мир, находящийся во власти зла, пришли доброта и милосердие, но люди их, по мнению автора, не узнали, не поддержали, не захотели понять.

Только одни полуграмотный бывший мытарь, соприкоснувшись с истиной, сумел усвоить лишь часть ее, трагизм состоит в том, что истина не делится на части. Преодолевая лишения и трудности, Левий Матфей закладывает фундамент христианской ортодоксальной церкви.

Эта изначальная искаженность учения была запограммирована, так как, по мнению автора, к абсолютному знанию, страдая и борясь с косным миром, каждый человек, оступаясь и заблуждаясь, может прийти только сам. Как это сделал Мастер, но у него не хватило воли защитить открывшееся ему.

Ведомства Воланда и Иешуа не удается объяснить антитезой добра и зла, скорее – это справедливость и милосердие. "Что же касается зла в той его основной природе, в какой оно разрушает, соблазняет и унижает, оно отнесено в романе к делам человеческим. Так что и по эту и по ту сторону смерти (будь это убийственная действительность или сорище бесчисленных покойных преступников) ад создается без всякого сверхъестественного вмешательства" [13, с. 60].

Композиционная ценность романа – в связующих нитях между далеким прошлым и современностью. А жанровая исключительность произведения – в дерзком сплаве гротеска и величавого, эпопейного экскурса в евангельское предание.

"История Понтия Пилата и Иешуа имеет двойную связь с основными сюжетными понятиями произведения. Во-первых, она составляет содержание того романа, который пишет Мастер. Во-вторых, эта страшная история как бы завершается в главном тексте книги" [7, с. 8]. По мнению автора, победа зла над добром не может быть конечной. Предпосылками же для

подобной веры были поступки самого прокуратора. Ведь именно он, обрекший на смерть бродячего философа, приказал тайно убить Иуду, спровоцировавшего эту казнь. В бесчеловечном прячется человеческое и совершают, пусть и трусливо, возмездие.

Смешение же стилей романа происходит в конечном счете от соседства трагедии и фарса, высокого и комического, что являла собой человеческая история на всех стадиях своего развития. Булгаков, связав времена, соединил и самые, казалось бы, взаимоисключающие свойства и формы бытия. Величавая патетика, нежность, дикий хохот, разбойничий свист, лакейское подобострастие, кульп вечного, дремучее суеверие, мудрое всеведение, красота мира, его же сор - все это выставлено в романе на обозрение и просит быть услышанным, ибо все это было и сочеталось всегда.

Оригинально стыкуясь, разграничиваются в романе справедливость и милосердие. Представить, что милосердие - это смягчающее добавление к справедливости, вносимое жалостливостью человеческого сердца, - значит пройти мимо редкостного феномена, данного христианством, и упустить данный феномен из созданного Булгаковым произведения.

Никакими силами справедливости, даже если она захочет счесть двухтысячелетние муки Пилата искуплением, страданий последнего снять нельзя, потому что останется в силе его поступок, да и сам прокуратор никогда не простиg себе малодушия, вынудившего его согласиться на казнь проповедника. То прощение, которое получает правитель Иудеи от Иешуа в конце романа, - это качественно иное событие по отношению к справедливости. Это прощение - акт милосердия, которое в отличие от понятной человеку справедливости остается для нас величайшей загадкой.

Страдания прокуратора прекращаются только после заверения Иешуа, что казни не было. На наших глазах происходит уничтожение действительно происходившего: свершившееся, оказывается, не свершилось. Сверхчеловеческой силой любви, которая и осуществляет милосердное прощание, сотворено чудо, остающееся для людей тайной, так как мы не понимаем, как может не быть того, что было. Это становится возможным лишь в вечном, запредельном мире, где прошлое смыкается с настоящим и встречается с будущим.

Евангелический эпизод в рассматриваемом нами произведении изначально задумывался как стержень романа. И автору удалось блестящe довести этот замысел до конца, что и дает нам право рассматривать "Мастера и Маргариту" как произведение с евангелическим сюжетом.

Из всего многообразия "Нового Завета" Булгаков выбрал самые драматичные, выразительные эпизоды: ареста, суда, казни и погребения Мессии.

Образ Христа создан с опорой на евангелие от Луки, а сцена допроса более напоминает о евангелии от Иоанна. Вообще же сцены ареста, допроса, суда и казни следуют в русле христианской традиции.

Существенные отступления от канона допущены уже в Московской части романа. Это, во-первых, то, что дьявол равновелик Богу (религиозно-философский дуализм). Во-вторых, ад, как в настоящем, так и потустороннем мире, - дело рук человеческих, и вмешательства запредельных темных сил для этого не требуется. В-третьих, миром правит зло, но проистекает оно не от сатаны, а от человеческой же власти, ее подавляюще-обезличивающего механизма. В-четвертых, ведомства Бога и дьявола противопоставляются не как Добро и Зло, а как доступная нашему сознанию справедливость и непостигаемое им милосердие.

Эту несколько неожиданную точку зрения в одинаковой мере можно объяснить как действительностью, окружающей автора, так и его собственным мировоззрением.

Ко второму отступлению от традиционных взглядов примыкает и следующий небезынтересный факт - в потустороннем мире существуют только моральные муки, и испытывают их лишь грешники, способные к пробуждению совести. Более того они могут выстрадать прощение. А вообще на том свете "каждому будет по вере его"; Мастер получает покой и возможность свободно творить, потому что больше всего желал именно этого, Маргарита, избавленная от необходимости лгать, - счастье разделенной любви, Пилат же своим глубочайшим раскаянием заслужил право на нескончаемый спор с Иешуа.

И хотя у талантливого человека, в ходе духовных исканий угадавшего истину, не хватило моральных сил ее отстаивать, жить и творить дальше, грусть финала значительно смягчена тем, что, во-первых, "Христос существовал и доказательств никаких не требуется", во-вторых, тем, что воздается "каждому по вере его", в-третьих, - искупление грехов и прощение возможны и после смерти, кроме того, на чашу весов ставятся не только достижения, но и муки, следовательно, прощение, даже истину можно выстрадать. В противовес нелепому,

устроенному по человеческому произволу аду, с древнейших времён царящему на всех континентах, наличествует вечный, справедливый и милосердный потусторонний мир, где и воздается всем по вере, заслугам, страданиям.

Мастер получил покой, потому что всю жизнь к нему стремился, уходя от враждебной действительности в историю, в творчество, в любовь, наконец, в клинику Стравинского, дающую иллюзию ухода от общества. Вдохновенно самовыражаясь, Мастер никогда не думал о возможных читателях созданного им произведения. Для счастья герою необходимы условия, чтобы писать и любовь Маргариты.

Литература

1. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. - М.: Локид; МиФ, 1996. - 592 с.
2. Булгаков М. А. Великий канцлер. Предисл. и коммент. В. Лосева. - М.: Изд-во "Новости", 1992. - 544 с.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: Роман. - М.: Худож. лит., 1988. - 384 с.
4. Булгаков М. А. Вел. К.: Черновые редакции романа "Мастер и Маргарита". - М.: Новости, 1992. - 384 с.
5. Андреевская М. И. О "Мастере и Маргарите" // Лит. обозр. - 1991. - №3. - С. 59-63.
6. Соколов Б. В. Михаил Булгаков. - М.: Знание, 1997. - 64 с.
7. Бобрыкин В. Г. Михаил Булгаков. - М.: Просвещение, 1991. - 208 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Алиева В. Н., Сидоренко Е. Н.

ПРОИЗВОДНЫЕ ПРЕДЛОГИ И ПРОБЛЕМА АНАЛИТИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 3

Андрейко Е. В.

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ А. С. ПУШКИНА В ФЕОДОСИИ 6

Баранская Е. М.

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Я.П. ПОЛОНСКОГО 12

Богданович Г. Ю.

ОБРАЗОВАНИЕ АВТОРСКИХ СЛОВ
ОККАЗИОНАЛЬНО ИЛИ ИНДИВИДУАЛЬНО? 17

Бойша Н. И.

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ТИПОЛОГИИ ТЕКСТА
(КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 23

Борисова Л. М.

МИСТЕРИЯ И ТРАГЕДИЯ В СИМВОЛИСТСКОЙ ТЕОРИИ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА 27

Бранг Петер

ГОРНАЯ ФИЛОСОФИЯ В СМЕНЕ ВРЕМЕН 33

Гадомский А. К.

К ПРОБЛЕМЕ ЗНАКОВОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ 36

Гуменюк В. І

ОСОБЛИВОСТІ ПОЕТИКИ РАНЬОЇ ПРОЗИ ВОЛОДИМИРА ВИННИЧЕНКА 41

Дзыга Я. О.

ПОНЯТИЕ «ПРЕЛЕСТЬ» В РОМАНЕ И.С.ШМЕЛЕВА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ» 46

Забело И. В.

ВАЛЕНТНОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ГЛАГОЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ 50

Захарова Л. Н.	
КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ НАИМЕНОВАНИЙ ПРАВИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВА В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА	55
Калугина Т. В.	
СЕМАНТИКА ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННО-ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНТАМИНАТОВ И ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СЛОВАРЯХ	60
Киричок М. С.	
М. Л. КРОПИВНИЦЬКИЙ НА КРИМСЬКІЙ СЦЕНІ	63
Литвинчук И. Н.	
ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ.....	67
Матіїв М. Д.	
З ГІДРОНІМІЇ БОЙКІВЩИНИ (ПИТАННЯ ПОХОДЖЕННЯ).....	73
Мащенко А. П.	
ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО	78
Мащенко Е. М.	
ОМОНИМИЯ В СИСТЕМЕ МЕСТОИМЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА.....	81
Михайличенко Г. Б.	
СИМВОЛІКА ЗООМОРФНИХ ОБРАЗІВ У ЗБІРЦІ ЛІТЕРАТУРНИХ КАЗОК І. Я.ФРАНКА «КОЛИ ЩЕ ЗВІРИ ГОВОРИЛИ».....	85
Орехова Л. А.	
ОБРАЗ АВТОРА В ЛІТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКЕ (Н.А.ДОБРОЛЮБОВ И К.Н.ЛЕОНТЬЕВ О РОМАНЕ И.С.ТУРГЕНЕВА “НАКАНУНЕ”).....	89
Петренко А. Д.	
СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА В ФРГ	92
Прадід Ю. Ф.	
СТАН І ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ ФРАЗЕОГРАФІЇ НА СУЧАСНОМУ ЕТАПІ	97

Пузанко Л. В.	
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОМОНИМЫ МЕСТОИМЕНИЙ, КАТЕГОРИАЛЬНО СООТНОСИТЕЛЬНЫХ С НАРЕЧИЯМИ	104
Семиколенова Е. И.	
ГЛАГОЛЬНЫЙ «ПОРТРЕТ» В ГРАММАТИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ	108
Чернобривец С. Г.	
РОЛЬ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В ДОСТИЖЕНИИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ.....	113
Шевченко Т. Л.	
УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА (РОМАН Е.И. ЗАМЯТИНА "МЫ").....*	115
Шенгелия Л. А.	
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДРАМАТУРГИИ АНТИЧНОСТИ В ХХ ВЕКЕ	119
Яцемирская О. В.	
ЭТИЧЕСКОЕ ЗВУЧАНИЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКОГО СЮЖЕТА В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА "МАСТЕР И МАРГАРИТА"	124

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
СИМФЕРОПОЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 10 (49)

СИМФЕРОПОЛЬ
1999